



ЭЛИЗАБЕТ
БОЙЛ

Утро
с любовницей

Элизабет Бойл
Утро с любовницей
Серия «Марлоу», книга 1

OCR Angelli; SpellCheck Banshy

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160792

*Утро с любовницей: АСТ, АСТ Москва, Хранитель; Москва; 2007
ISBN 978-5-17-047810-1, 978-5-9713-6548-8, 978-5-9762-5148-9*

Аннотация

Кто бы мог поверить, что однажды скромная старая дева Шарлотта Уилмонт станет самой знаменитой куртизанкой Лондона?

Меньше вех – она сама.

Однако теперь Лотти – спутница всех безумств беспечного повесы Себастьяна Марлоу, виконта Трента, королева полусвета, осыпанная драгоценностями и блистающая в роскошных столичных гостиных.

Счастлива ли она?

О нет!

Счастлива Шарлотта будет, когда Себастьян назовет ее однажды своей женой...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	22
Глава 3	43
Глава 4	72
Глава 5	110
Глава 6	132
Глава 7	161
Глава 8	189
Глава 9	216
Глава 10	240
Глава 11	266
Глава 12	282
Глава 13	313
Глава 14	341
Глава 15	373
Глава 16	398
Глава 17	423
Глава 18	440

Элизабет Бойл

Утро с любовницей

Николасу, за его безграничную фантазию и беспредельное любопытство. И за то, что однажды ночью, спросив: «Мама, что бы ты пожелала, если бы у тебя было волшебное кольцо?» – он вдохновил меня на создание этой книги.

С любовью посвящаю эту историю тебе.

Глава 1

Лондон

9 мая 1810 года

Обычная среда, или, во всяком случае, так считалось

Если бы потребовалось определить, что делает семейство исключительным среди равных и ставит обособленно в суетливом великосветском обществе, то прежде всего следовало бы назвать такие отличительные черты, как респектабельность, социальное положение и, самое главное, богатство.

Конечно, ни одним из этих качеств не обладал ни граф Уолбрук, ни его пятеро детей – возможно, за исключением самого старшего сына и наследника, Себастьяна Марлоу, виконта Трента.

Но о нем речь пойдет немного позже.

К счастью для всех Марлоу, они редко замечали свое положение парий в обществе. Язвительные упоминания в колонках светских новостей их не интересовали, и если у них была масса клеветников и завистников, то был и один поистине восторженный почитатель.

Мисс Шарлотта Уилмонт. Она считала их самым замечательным семейством в Лондоне.

Нужно сказать, суматошный дом Марлоу на Беркли-сквер, хранивший диковинные предметы, которые граф присылал домой во время своих путешествий, костюмы и остатки сценических декораций от бесчисленного количества театральных постановок, приборы для научных экспериментов Гриффина, римские монеты Корделии и принадлежавшие Гермione и Виоле коллекции аккуратно вырезанных иллюстраций из модного «Будуара светской дамы», был скорее странным музеем, чем жилищем, но Шарлотта воспринимала его как дом.

Даже сейчас, ожидая в холле свою самую близкую подругу, леди Гермione, и со страхом готовясь сообщить ей убийственную новость, Шарлотта не могла избавиться от чувства, что она, не блещущая красотой и ничем не примечательная мисс Уилмонт, принадлежит к этому миру.

Она могла только догадываться, что ее мать, леди Уилмонт, или кузина матери Финелла, с которой они жили, сказали бы обо всем этом, особенно если бы увидели отделанный резьбой сундук, стоявший в глубине холла, как раз на-

против входных дверей, и украшенный довольно большой статуей мощного обнаженного мужчины, гордо и прямо стоявшей на его крышке. Эбеновый фаллос кузина Финелла выкинула бы в мусорный ящик.

Чувствуя себя немного виноватой из-за того, что просто бросила любопытный взгляд в ту сторону, Шарлотта заставила себя перевести взор на стоявший рядом со статуей серебряный поднос, заваленный письмами, открытками и приглашительными карточками для всего семейства.

При виде такой груды приятной корреспонденции Шарлотта непроизвольно почувствовала зависть, потому что никто не приглашал ее на званые вечера и приемы, не посещал ее сварливую мать (по вполне понятной причине) и не присылал с любовью написанных писем. Никто никогда не написал ей ни одного письма.

И поверх всего этого лежало самое главное – приглашение на званый вечер к леди Ратледж.

Хотя весь прошлый месяц Гермiona не переставала выражать сомнения по поводу того, посетит ли она предстоящий вечер, Шарлотта знала, что дорогая подруга будет по-настоящему расстроена, если не получит приглашения, потому что ежегодные вечера леди Ратледж вывели немало молодых леди из неизвестности на то возделенное почетное место, которого может достичь девушка, и заодно помогли им получить самое желанное после титула, называемое «родословная».

Но, чтобы добиться этого, леди должна была обладать та-

лантом – уметь петь, или играть на фортепьяно, или уметь вдохновенно декламировать. Но и отсутствие способностей не избавляло надеющихся (их подталкивали озабоченные мамы) от тщательной подготовки и довольно запоминающихся выступлений.

Получив только уроки игры на фортепьяно от кузины матери Финеллы и никаких уроков декламации или пения, Шарлотта скорее умерла бы, чем выступила перед собравшимися леди и лордами – сплетницами и франтами – и сделала из себя посмешище. Так что, возможно, это и к лучшему, что общество забыло о незамужней дочери Нестора Уилмонта.

Она уже собралась отойти от переполненного подноса, когда ее внимание привлекло выглядывавшее снизу письмо, написанное аккуратным женским почерком и адресованное «достопочтенному виконту Тренту».

Шарлотта вздохнула – Себастьян был старшим братом Гермiony и наследником графа Уолбрука.

В тот момент, когда Шарлотта, поднявшись на цыпочки, попыталась разглядеть, от кого пришло это послание (хотя нельзя было назвать ее невоспитанной), внутренняя дверь дома неожиданно распахнулась.

Мгновенно отпрянув, она, к своему ужасу, увидела, что в холл вышел не кто иной, как сам лорд Трент. Он был занят своими мыслями и даже не заметил Шарлотту, прижавшуюся к ближайшей портъере.

При его появлении девушка густо покраснела и потеряла

дар речи.

«Черт возьми, Шарлотта, – отругала она себя, – скажи хоть что-нибудь, что угодно».

Как это обычно говорит Гермиона? «Знаешь, Шарлотта, если бы ты поговорила с ним, ты поняла бы, что он скучный донельзя. Мама клянется, что ее сына украли при рождении, а вместо него подкинули Себастьяна, потому что ее ребенок не может быть столь здравомыслящим человеком!»

«Как Гермиона может говорить о таком достоинстве, словно это грех?» – удивлялась Шарлотта, осторожно выглядывая из тени портьер.

По мнению Шарлотты, рассудительность Себастьяна, безусловно, была одной из его самых подкупающих черт. Он принял на себя управление семейными финансами и имуществом в молодом возрасте – сразу после того, как его отец десять лет назад отправился в путешествие по Южным морям. Пока друзья и ровесники виконта все это время болтались без дела, Себастьян поддерживал на плаву семейство Марлоу осмотрительным управлением делами и строгим контролем над пристрастием матери и сестер к покупкам.

Да достаточно посмотреть, что случилось с Шарлоттой и ее матерью, когда умер отец! Не нашлось никого, кто смог бы вести их дела, и вот результат – теперь они живут с кузиной Финеллой.

И разве Себастьян когда-нибудь жаловался, если Гермиона тратила больше, чем положено, на карманные расходы,

или один из научных опытов Гриффина заканчивался неудачей и заставлял половину Мейфэра содрогаться от очередного взрыва, или Виола приносила домой еще одну бездомную собаку? Разве он читал им наставления? Или его неувольствие переходило в приступ гнева? Никогда. Шарлотта видела только человека, который любит родных, терпеливо выслушивает все их сетования и замечания и следит, чтобы их неуместные наклонности и эксцентричные поступки не оставили их за рамками высшего света.

«Скажи же хоть что-нибудь», – снова велела себе Шарлотта. Почему в тиши ночи, на своей узкой кровати она могла придумать тысячу остроумных фраз, которые сказала бы ему, а когда, получив блистательную, как новенькая гинья, возможность, оказалась перед ним, слова разлетелись, словно брошенные в толпу полупенсовые монеты?

Конечно, в темноте ночи ее великолепный Себастьян с пиратской косой и дерзким блеском в глазах был несколько менее сдержанным, а она сама была... в общем, она была одета в голубой бархат.

«О, Себастьян, ты нашел меня, – шептала она. – Я ждала тебя».

Возможно, для кого-нибудь другого это звучало не слишком выразительно, но у Шарлотты от одной мысли о том, что она способна составить из слов предложение в присутствии ее дерзкого виконта, сердце начинало биться быстрее.

Затем он подносил к губам ее руку. «Шарлотта, моя самая

дорогая, самая любимая Шарлотта, смею ли я?...»

Она никогда не думала о том, что может произойти потом, но это явно было бы не скучным и не благоразумным.

И вот теперь, когда Себастьян стоял всего в шаге от нее, воображение отказало Шарлотте, и она молниеносно превратилась в дрожащий комок нервов.

Не важно, что он просто стоял перед подносом и перебирал письма, откладывая пришедшие на имя матери и мельком просматривая карточки и другие послания, адресованные ему.

Это хорошо, что Себастьян ее не заметил, так как единственное, что могла делать Шарлотта, глядя на него, – это дышать и упиваться его ослепительным сиянием. Одетый в темно-зеленый сюртук, бриджи из буйволовой кожи и блестящие черные сапоги, он был в высшей степени элегантен. Его шейный платок, белоснежный и модно завязанный, обнаруживал в нем безукоризненного джентльмена.

Но в ту же секунду Шарлотта словно получила жестокий удар, осознав, куда он, должно быть, собрался, – потому что как можно было не заметить букет оранжевых цветов, который он положил возле подноса?

И это могло означать только одно: он отправлялся с визитом к мисс Лавинии Берк.

Шарлотта съежилась. Это имя вызывало у нее такое отвращение и омерзение, как «бубонная чума» или «Наполеон Бонапарт».

Правда, не весь остальной Лондон был о мисс Берк такого мнения. В этом сезоне она была дебютанткой, и все упоминания о ней причиняли (по крайней мере Шарлотте) особо острую боль, ибо девушка обладала всем, чего была лишена сама Шарлотта, – она была богатой, модной, остроумной, молодой и, что самое неприятное, чрезвычайно хорошенькой.

Будучи провозглашенной образцом не менее чем тремя компетентными ценителями – «Морнинг пост», леди Ратледж и, естественно, непогрешимым и утонченным Брамеллом, – знаменитая наследница теперь стала самой популярной молодой леди, внимания которой добивался почти весь Лондон.

Шарлотта не могла думать о мисс Берк без того, чтобы ей на ум не приходила какая-нибудь исключительно жестокая идея, но именно сегодня она увидела не только зияющую пропасть между собой и этой девушкой, но и невозможность осуществления собственной тщательно скрываемой мечты.

– О, Бог мой, Шарлотта, – воскликнула леди Гермиона, спускаясь по лестнице, – я уж думала, ты никогда не придешь! Это наследство, оно большое? Огромное? Если да, то вчера в магазине мадам Клеци я видела роскошное платье, которое ты немедленно должна купить. Она приготовила его для другой женщины, но леди исчезла, и, я думаю, оно великолепно подойдет тебе. Но сначала мы должны пойти в парк, потому что уже около трех, а ты же знаешь, кто там будет

прогуливаться верхом. И я придумала новую позу, которая, не сомневаюсь, привлечет его внимание. – Она тут же изобразила ее, и это вышло чрезвычайно смешно, однако Шарлотта все еще старалась подобрать слова, чтобы заговорить с Себастьяном, и ей было не до того, чтобы отвечать Гермионе. Но ее подруга, очевидно, этого не заметила, потому что продолжала в своей обычной рассеянной манере:

– О, могу сказать, между твоим новым платьем и моей великолепной позой мы позаботимся, чтобы эта отвратительная мисс Бе... – Заметив в это мгновение брата, Гермиона оборвала себя на полуслове.

– С кем это ты разговариваешь, Гермиона? – Себастьян с изумлением смотрел на нее как на сумасшедшую.

– С Шарлоттой, – ответила она, указывая в сторону кабинета.

Себастьян повернулся и, увидев, что девушка стоит так близко, удивленно распахнул глаза.

– Мисс Уилсон, я вас и не заметил.

Какое унижение! Он не только не способен отличить ее от портьеры, но даже не может правильно произнести ее имя.

Шарлотта вышла из тени, излишне торопливо и не так грациозно, как подобало бы леди, и наткнулась на сундук.

Величественная скульптура покачнулась и наклонилась, а затем опрокинулась, но Шарлотта подоспела вовремя, радуясь, что не разбила гладкое твердое произведение искусства. Однако в следующий миг она осознала, что стоит перед

лордом Трентом, держась за огромный мужской... мужской... проклятие, мужской орган.

– Я... гм... да... ну, хм... – залепетала она, чувствуя, как жгучий жар заливает ее щеки.

Ей на помощь пришла Гермиона, как всегда спокойная и уверенная в себе; в рекордное время спустившись по лестнице, она выхватила из рук Шарлотты статую и решительно поставила ее обратно на сундук, словно это была просто обыкновенная фаянсовая ваза с фабрики Веджвуда.

– Себастьян, ты совершенно невыносимый человек, – заговорила Гермиона. – Она Уилмонт. Не Уилсон и не Уилтон, а мисс Шарлотта Уилмонт. Последние пять лет она моя самая лучшая подруга, и то, что ты не можешь запомнить ее имя, делает тебя самым бестолковым из всех когда-либо живших на земле людей.

– Примите мои извинения, мисс Уилмонт. – Себастьян едва заметно поклонился Шарлотте.

Шарлотта кивнула, не доверяя своему языку сделать что-либо иное, чем просто тихо цокнуть.

– Тебе следует быть более внимательным к Шарлотте, – не унималась Гермиона. – Она только что получила большое состояние, и очень скоро о ней будет говорить весь город.

– О нет, ничего подобного. – Шарлотта отчаянно замотала головой, переводя взгляд с Себастьяна на подругу.

– Но все наши планы... – прошептала Гермиона, бросив взгляд на брата, а потом снова обернувшись к подруге.

На минуту она растерялась, но это была Гермиона Марлоу, неиссякаемый фонтан оптимизма. – Это большое кольцо? Быть может, огромный бриллиант, или рубин, или изумруд? Ну, достаточный, чтобы купить платье у мадам Клоди?

Шарлотта неохотно стянула перчатку и, отвернувшись, вытянула руку.

– Оно симпатичное, – сказала Гермиона, рассматривая странное маленькое кольцо и стараясь, чтобы ее слова прозвучали бодро. – Ты уверена, что больше ничего нет в наследстве твоей тетушки? – Она взглянула на подругу. – Быть может, какая-то собственность? Ежегодная рента, которую адвокат просмотрел? Я слышала, ежегодная рента часто остается незамеченной.

– Ничего, – покачала головой Шарлотта. – Кроме этого кольца.

– О, Шарлотта, это трагедия. – Глаза Гермионы наполнились слезами, и по щекам потекли ручейки. – Настоящая, просто ужасная. – Как Марлоу, она обладала драматическими способностями и, вытащив носовой платок, разрыдалась, словно пропавшее состояние предназначалось для ее кармана.

Шарлотта проглотила слезы. В конторе юриста она держалась поразительно хорошо, но сейчас перед Гермионой и перед этими противными оранжевыми цветами ей было очень трудно не разразиться вполне оправданным потоком слез.

– Гм, ну что ж, прошу меня извинить, – наконец сказал

Себастьян, наблюдавший за бурным проявлением женских эмоций. Он кивнул Шарлотте, а затем обратился к Фенвику, который до сих пор стоял у лестницы, всегда готовый услужить. – Передайте маме, чтобы меня не ждали, я обедаю с Берками.

– Ты обедаешь с ними? – встрепелась Гермиона. Эта тревожная новость вывела ее из расстройтва по поводу потери Шарлоттой состояния. – С какой стати?

– Потому что я приглашен. И мне нравится их общество. Гермиона издала какой-то шипящий звук, а потом, собравшись с силами, последовала за братом.

– Могу я предположить, что ты еще и собираешься завтра на их угощение в саду?

– Конечно. Тебе и маме хорошо бы тоже быть там – и вовремя. – С этими словами Себастьян повернулся и отворил дверь.

– Вот ты где! – воскликнула женщина, стоявшая у входа с поднятой рукой, очевидно, собираясь потянуть шнур звонка.

Кузина Финелла. Шарлотта похолодела.

Из-за их нищенского положения Шарлотта с матерью, леди Уилмонт, жили с кузиной матери, Финеллой Аппингтон-Хиггинс. Несколько лет назад Финелла получила в наследство дом, и при том небольшом пособии, которое леди Уилмонт получала как вдова сэра Нестора, трем экономным женщинам с трудом, но удавалось сводить концы с концами.

– Не найдя тебя в парке, я догадалась, что ты, вероятно,

здесь. – Финелла засопела и пристально, критически оглядела вестибюль дома Марлоу. Когда ее взгляд упал на непристойную статую возле подноса, легкий румянец сбежал с ее бледного лица, и она тотчас же отвернулась. Ярая поборница приличий, она протянула руку и натянутым тоном произнесла: – Пойдем, Шарлотта. Ты нужна маме дома. Немедленно.

О, Шарлотта отлично представляла себе, что это означает. Ее мать была в страшном негодовании, и ей нужен был кто-нибудь, кто выслушал бы жалобы и возмущение по поводу неисполненных обещаний ее тетушки Урсулы.

– Я понимаю, – наклонившись, тихо шепнула Гермiona. – Возвращайся, как только сможешь. Мы придумаем способ осуществить твоё заветное желание.

При этих словах Шарлотта взглянула не на подругу, а мимо нее на Себастьяна.

Ее несбыточное. Он держал оранжевые цветы для другой женщины. Для той, на которой, если верить слухам, вероятнее всего, женится.

Что сказала бы кузина Финелла – или, хуже, леди Уилмонт, – если бы Шарлотта дала волю своим горьким и безответным стенаниям?

Вероятно, реакцией было бы такое же удивление, как то, в которое пришла Финелла, так как взгляд леди оставался прикованным к величественной обнаженной фигуре, стоящей на крышке сундука.

«Музейный экспонат», – написал лорд Уолбрук, посылая

статую домой с какого-то южного острова. По такому случаю леди Уолбрук послушно и с гордостью поместила ее на видном месте, закрыв глаза на неуместность здесь такого сокровища.

Уловив промелькнувший в глазах Финеллы блеск, Шарлотта больше не сомневалась во мнении кузины насчет графского приобретения и того места, где ему следует находиться.

– Поторопись, Шарлотта! – процедила леди. Виновато посмотрев на подругу, Шарлотта позволила увести себя вниз по лестнице.

– Всего доброго, мисс Уилмонт, – сказал Себастьян, проходя мимо них и обходя бредущую по улице пожилую уличную торговку цветами, сжимавшую в морщинистых руках корзину.

– Цветы, милорд? – предложила она. – Для вашей молодой леди?

– Хм, нет, мадам, благодарю вас. – Он показал собственный букет. – Эти вполне подойдут.

– Как хотите, – нагло бросила та и, проходя мимо Финеллы и Шарлотты, пробурчала себе под нос: – Фу, оранжевые цветы!

– Всего доброго, лорд Трент, – прошептала Шарлотта вслед Себастьяну Марлоу, чувствуя себя так, словно видит его в последний раз.

Но это было не так; завтра она, вероятно, снова повстре-

чается с ним, ведь Шарлотта всегда приходила увидеться с Гермионой. Но с этого момента у нее больше не оставалось ни надежд, ни мечты, ни желаний в отношении Себастьяна Марлоу, виконта Трента.

– Скатертью дорога, – проворчала кузина Финелла. – Никогда не пойму, что ты находишь в этой семье.

Шарлотта не стала ничего отвечать. Возражать кузине Финелле бесполезно – у леди была строгая четкая линия, определявшая, что правильно и допустимо, и любого отклонения от нее, малейшего намека на непристойность было достаточно, чтобы лишить даже самые высокопоставленные семьи расположения кузины Финеллы.

Правда, нельзя сказать, чтобы кто-то из высшего света обращал хоть какое-то внимание на то, что думает о них Финелла Аппингтон-Хиггинс, но Финелла продолжала верить, что она единственный страж приличий в Лондоне, и следовала своему долгу с усердием охранника Тауэра.

В это дневное время Беркли-сквер была заполнена экипажами – счастливые пары, модные повесы и беззаботные светские джентльмены направлялись в парк на дневной променаде.

Заметив просвет в движении, Финелла уже собралась потянуть Шарлотту, чтобы перейти улицу, но в этот момент сквозь скопление экипажей на бешеной скорости пронеслась двуколка. Финелла дернула Шарлотту назад, а увидев кучера, скомандовала:

– Отвернись, детка. Это мадам Форнетт.

Шарлотта поступила, как ей было велено, только потому, что это позволило ей еще один раз увидеть Себастьяна, который собирался свернуть за угол.

Миссис Коринна Форнетт была одной из самых известных лондонских куртизанок, и ее появление, будь то на улицах в элегантном экипаже со знаменитой упряжкой вороных или в личной ложе оперного театра, всегда вызывало всеобщий интерес.

Казалось, оно заинтересовало и лорда Трента. Шарлотта в изумлении увидела, как исключительно добродетельный и нравственный виконт, единственный Марлоу, никогда не дававший обществу ни малейшего повода для сплетен, приподнял шляпу перед этой скандально известной женщиной. Несмотря на предупреждение, она обернулась и посмотрела на миссис Форнетт, только чтобы узнать, что же привлекло внимание виконта и подтолкнуло к такому несвойственному ему поведению.

Леди была одета в красное – такое платье, разумеется, явилось неожиданным для дневного выезда, но в нем она была подобна трепещущему пиону среди поля незабудок, – а на голове у нее красовалась модная шляпа с дорогими перьями и широкой черной лентой, спадавшей вниз ей на спину.

Конечно, любая женщина, одетая в такой экстравагантный для середины дня наряд, могла остановить движение, но Шарлотта мгновенно поняла, почему Коринна Форнетт дер-

жала в плену всех лондонских мужчин.

Задрав вверх нос и с озорным блеском в глазах от сознания того, что из-за нее происходит, миссис Форнетт сидела на месте кучера и с неповторимой грацией свободно держала в руках поводья, невзирая на то что лошади были готовы понести при малейшем недоразумении.

Миссис Форнетт нельзя было назвать красавицей; она не так уж отличалась от Шарлотты цветом каштановых волос и светлых бровей, но уверенность, с которой она держалась, выделяла ее из всех других женщин на улице.

Все экипажи сторонились, давая ей дорогу, как въезжавшей в Рим Клеопатре, и миссис Форнетт принимала это как должное, словно имела на это право по рождению, и не важно, что, по слухам, она была внебрачной дочерью контрабандиста и служанки. Мнение кузины Финеллы или мелочные сплетни достопочтенных матрон никак не влияли на леди, она не считалась с правилами морали – скорее, наоборот, позволяла своей знаменитой и весьма дурной репутации волной распространяться впереди нее самой.

Немного выпрямившись, Шарлотта успела бросить последний взгляд на Себастьяна, пока он не скрылся за углом.

Он тоже еще раз оценивающе посмотрел на миссис Форнетт, а потом перевел взгляд на цветы, которые держал в руке. Легкая улыбка исчезла с его губ, и он продолжил свой путь к мисс Берк.

«Если бы только... – страстно подумала Шарлотта. – Если

бы только... я могла стать женщиной, которую он любит».

Неожиданно уличный шум и гам куда-то исчезли, и Шарлотта ощутила себя в полной пустоте. Кольцо у нее на пальце вдруг стало странно теплым, ее охватил приступ головокружения, и она пошатнулась и заскользила на неровных булыжниках.

«Господи, что происходит?»

Шарлотта подумала, что сейчас впервые в жизни потеряет сознание.

– Ну-ну, – с несвойственной ей заботливостью сказала Финелла и, взяв Шарлотту под руку, поддержала ее. – Представляю, какой трудный был у тебя день. Бедное дитя. Пойдем домой, и если твоя мать перестала ныть, мы покончим со всем этим. Все равно ничего не поделаешь.

Последние слова Финеллы мгновенно вывели Шарлотту из ее странной отрешенности, и так же быстро, как необычные ощущения охватили ее, они исчезли. Лондон снова ожил вокруг нее, и ей не осталось ничего другого, кроме как в ногу с Финеллой торопливо зашагать домой.

К безрадостной жизни, к будущему без надежды на любовь.

– Я в этом не уверена, – остановившись, прошептала вслед Шарлотте пожилая женщина, продававшая цветы. – Я очень в этом сомневаюсь.

Глава 2

10 мая 1810 года

Четверг, довольно примечательный

Проснувшись на следующее утро, Шарлотта почувствовала на лице тепло солнца, но не стала открывать глаза, чтобы еще на несколько мгновений отложить встречу с наступающим днем.

Весь прошлый вечер ее мать ругала жестокость тетушки Урсулы и сетовала на то, что старая леди многие годы обманывала их, обещая Шарлотте бесценное наследство, а потом оставила ей только ничего не стоящее кольцо.

Леди Уилмонт дошла даже до того, что потребовала у дочери предмет своего разочарования с твердым намерением предать огню жалкий кусочек золота. Но, как ни странно, Шарлотта не смогла снять с пальца маленькое колечко. Несмотря на хорошую порцию мыла и сала, оно оставалось у нее на руке и тем самым еще больше раздражало леди Уилмонт. По тихому совету кузины Финеллы Шарлотта отправилась в кровать и нашла спасение в ночном сне без сновидений.

Она слегка потянулась под одеялом, жалея, что нельзя провести весь день в усыпляющем тепле постели, и ее пальцы вдруг уперлись во что-то теплое и твердое – и живое, потому что оно зашевелилось рядом с ней.

– Ой! – Шарлотта вздрогнула и мгновенно открыла глаза. И затем так же внезапно ее удивление тем, что что-то – или вернее, кто-то – находится возле нее, превратилось в ужас – она была не в своей постели.

И эта комната, безусловно, была не ее спальней.

Поморгав, Шарлотта с изумлением посмотрела на роскошную и красочную обстановку, возможно, больше пораженная окружавшей ее неправдоподобной роскошью – красными парчовыми шторами, золотой бахромой с фестонами, красно-белыми китайскими обоями на стенах – чем тем, что кто-то делит с ней постель.

Ее растерянный взгляд остановился на огромном, вставленном в позолоченную раму портрете обнаженной женщины, выглядевшей удивительно знакомой. О, если бы она не была уверена, что это не так, то сказала бы, что на портрете изображена...

– Лотти? – пробормотал глухой сонный голос рядом с ней. – Лотти, моя любовь, где ты? – Крепкая мужская рука обхватила ее за талию и под одеялом привлекла в теплые объятия.

И сразу же ее окутал запах лавровишневой воды и какой-то еще, исключительно мужской запах, затрагивающий ее чувства, вызывающий желание глубоко вдохнуть его и манящий придвинуться ближе.

– М-м, вот ты где, – произнес мужчина и, потершись носом о ее шею, другой рукой нашел ее грудь и кончиками пальцев погладил сосок.

– О Господи! – вскрикнула Шарлотта, стараясь избавиться от его объятий и вывернуться из этой путаницы, несмотря на то что он притянул ее еще ближе и под одеялом улегся на нее, накрыв своим телом – абсолютно нагим.

Но без одежды был не только он один, ее ночная сорочка отсутствовала, а это означало...

Жгучая, опустошающая краска стыда залила ее от пальцев босых ног до розовых губ... Шарлотта вздрогнула и впала в панику, а этот подлец продолжал поглаживать ее без всякого соблюдения приличий.

Она была благодарна только тому, что одеяло накрывало их обоих и ей не было видно этого наглого мужчину. Шарлотта изо всех сил старалась не обращать внимания на слегка неуместную и очень непристойную мысль, что «только один взгляд» не принесет вреда.

«Нет!» – одернула она себя, крепко ухватившись за все уроки владения собой, которые получила от кузины Финеллы. Все, что ей сейчас необходимо, – это набраться мужества и закричать, поднять тревогу. Но когда Шарлотта уже сделала глубокий вдох, его губы закрыли ей рот поцелуем.

Но не тем поцелуем, который она себе представляла, – мягким и нежным, полным любви и честных намерений, – а ненасытным и жадным, напористым и требовательным, словно мужчина обладал правом на нее и получал то, что ему причитается.

И когда его язык скользнул по ее губам, дразня ее и за-

ставляя открыться ему, по спине Шарлотты пробежала нервная дрожь – как воспоминание о чем-то, на что она не имела права претендовать, и такое же мрачное, опасное и неизменное, как то, о чем когда-то шептались ее мать и кузина Финелла, но без всего остального страшного, описываемого ими как «причиняющий боль», «ужасный» и «раздувшийся дьявол».

Нет, ее тело нежилось в приятном тепле, от которого она чувствовала себя одновременно расслабленной и взволнованной.

Боже, что с ней случилось? Ей нужно немедленно освободиться от этого человека. Сжав кулаки, Шарлотта колотила его по широким плечам, стараясь вывернуться из-под него, но ее усилия только вызвали взрыв смеха.

– Логги, – недовольно проворчал он ей в ухо знакомым и сладострастным голосом, – ты сегодня утром опять в одном из тех настроений? Гм... Все, что угодно, леди.

Логги? Почему он все время так называет ее? И что он подразумевает под «одним из тех настроений»?

Очень скоро Шарлотта все это выяснила.

Неожиданно ее руки оказались поднятыми у нее над головой, и его бедра прижали ее к матрасу. Затем его рот снова набросился на нее с поцелуями – на этот раз с такой ненасытностью, что Шарлотта испугалась.

– Вот так, моя дикая кошечка, – приговаривал он между поцелуями. – Я знаю, как приручить тебя. Подожди и уви-

дишь.

Шарлотта не собиралась ждать и узнавать, что именно на уме у этого негодяя, и, собравшись с мыслями, улучила момент, чтобы позвать на помощь. Но тут его губы завладели одним из ее сосков. Втянув его в рот, мужчина водил языком по коже, пока тот не поднялся и не затвердел.

Его поцелуй и прикосновение привели в смятение безгрешность Шарлотты. От внезапного чувства, которое ему было так же легко вызвать у нее, как другому сорвать маргаритку, волна неизведанного желания прокатилась по телу Шарлотты, поколебав самые основы ее добродетели.

И ее крик отчаяния превратился во вздох удивления.

– О да, малышка Лотти, я знаю, что тебе нравится, – сказал он, перейдя от одной груди к другой и снова принимаясь за свое завораживающее колдовство. Затем он слегка подвинулся, и что-то твердое настойчиво уперлось ей в бедра между ногами.

Все прошедшие месяцы Шарлотта считала сувенир графа Уолбрука, присланный с Южных морей, просто огромным преувеличением мужских способностей, но сейчас, имея перед собой наглядное доказательство, она поняла, что в мрачных предостережениях матери о «раздувшемся дьяволе» сохранилась доля правды.

И словно этого было недостаточно, он схватил ее бедро другой рукой – Господи, сколько рук у этого человека?! – и притянул Шарлотту еще теснее к себе.

Он хотел быть ближе?

Конечно, потому что он еще подвинулся и направил кончик своего мужского достоинства так, что тот скользнул глубже прямо к... к ее окончательной гибели (как будто ей было мало проснуться нагой рядом с мужчиной).

Однако Шарлотта осознала, что, стремясь полностью уничтожить ее, он, чтобы удержать ей бедра, убрал свою руку с ее рук и сейчас направлялся туда, куда она не собиралась его выпускать, – независимо от того, что ее бедра и вообще все ее тело, казалось, руководствовались исключительно собственными желаниями и тянулись вверх навстречу его предложению.

Найдя край одеяла, она откинула его вниз, и ее ослепил яркий солнечный свет, падавший сквозь прозрачные оконные занавеси.

Поморгав, Шарлотта тряхнула головой, пока ее взгляд не сфокусировался на красных шторах, а затем на странно знакомом портрете на противоположной стене комнаты. Тогда, и только тогда она смогла взглянуть вверх на лицо своего противника.

На мужчину, которого она прекрасно знала.

– Лорд Трент? – воскликнула Шарлотта.

– Ты продвинулась дальше, чем я думал, если уже называешь мое имя. – Его лицо расплылось в широкой улыбке, словно это была удачная шутка. – Но не будь такой официальной, Лотти, моя любовь. Восторженного «Себастьян! О,

мой Себастьян!» будет вполне достаточно.

Он наклонился, чтобы поцеловать ее, и его бедра вновь рискованно направились к ее гибели.

Лорд Трент. Нагой. На ней. Называет ее «Лотти»?

«Это сон», – сказала себе Шарлотта, и на долю секунды логика придала ей некоторую уверенность. Но все же, если говорить честно, то когда в ее снах лорд Трент присасывался к ее груди так, как он делал это сейчас, или когда в ее воображении его пальцы блуждали в завитках... там, внизу... а ее бедра охотно раскрывались для него, принимая его искусные интимные ласки, которые завораживали и посылали в ее тело стрелы пронзительного удовольствия? Когда и в каком сне кончик его пальца поглаживал скрытый там бугорок? Как мог любовник из снов знать о том месте, когда она сама лишь предполагала о его существовании?

О Боже, это не сон.

– Что вы, по-вашему, делаете, милорд? – Шарлотта вырвалась из его объятий, таща за собой простыню.

– По-моему, доставляю тебе удовольствие. – Он усмехнулся озорно и порочно. – Доставляю наслаждение нам обоим, если ты понимаешь, что я имею в виду. – Он начал подвигаться к ней, сокращая расстояние, которое, как надеялась Шарлотта, останется между ними.

– Не приближайтесь, – приказала она со всей строгостью, на какую была способна, и указала на разделявшую их границу на простыне. – Милорд, я не знаю, как вы оказались

здесь или как я здесь очутилась, но я не...

Шарлотта запнулась, когда его рука, скользнув под простыню, поймала ее за лодыжку и притянула обратно к нему в объятия.

– Вчера вечером ты выпила слишком много, – поддразнил он Шарлотту, – и из-за этого с утра такая сварливая. – Он снова потерся о ее шею и сказал охрипшим голосом:

– Позволь, я разбужу тебя как подобает.

Его пальцы вернулись обратно, продолжив свой путь к расщелине, и то восхитительное, соблазнительное тепло начало заволакивать Шарлотте сознание...

«О, Себастьян! Мой Себастьян...»

О чем она думает? Разум Шарлотты с возмущением выступил вперед, и она нашла в себе силы, чтобы вырваться из крепких мужских объятий.

– Что вы делаете?

– Я же сказал, что бужу тебя.

– Таким образом? – Шарлотта натянула простыню выше.

Он пожал плечами, его губы снова скривились в порочной улыбке, и ее пограничная линия заколебалась перед лицом такого соблазна, поэтому Шарлотта избрала новую тактику обороны. Она закрыла глаза.

– Проклятие! – буркнул он.

Матрац рядом с Шарлоттой прогнулся, и, моментально открыв глаза, она увидела, что вся нагота Марлоу выставлена напоказ.

Себастьян Марлоу. Голый. Но это же позор!

«Просто восхитительно», – думала Шарлотта, до тех пор, пока чувство приличия не заставило ее снова зажмуриться и вдобавок заслонить глаза обеими руками.

Но Себастьяна, очевидно, ни в коей мере не заботили приличия.

– Проклятие! Проклятие! – ворчал он. – Я опаздываю на завтрак в саду у Берков. А ты знаешь этого старого болвана, он просто помешан на пунктуальности.

Украдкой взглянув между пальцами, Шарлотта увидела, что он нагнулся и перебирает свою одежду. Когда, вытащив брюки, белую рубашку и измятый шейный платок, он бросил их на кровать, Шарлотта отдернула от лица руки и от изумления открыла рот.

Он пересек комнату, абсолютно нагой, словно для них обоих в этом не было ничего необычного.

Неужели этот мужчина всегда так ловко притворялся? Шарлотта достаточно времени провела в доме на Беркли-сквер, много раз бросала взгляд на непристойную коллекцию графа, чтобы понять, что этот Марлоу являл собой настоящий образец мужского совершенства.

Худощавый, крепко сложенный торс опирался на длинные мускулистые ноги, а плечи, с которыми Шарлотта так безуспешно пыталась бороться, казались необъятно широкими. Ее пальцы сжались, а потом выпрямились, и воспоминание о стальном теле, прижавшемся к ней, снова вызвало

дрожь.

– Где же, черт побери, мои... – начал он, оглядываясь по сторонам. – А, вот они. – Вытащив из-под стула сапоги, он потянулся за брюками. Надев их и натянув через голову рубашку, Себастьян осмотрел свой шейный платок и при виде того, как он измят, поморщился. – Как ты думаешь, Финелла его отгладит? – спросил он, протягивая платок ей на обозрение.

Финелла? О, если кузина Финелла застанет ее в таком виде, да и его в придачу, – что ж, глаженье будет самой малой из их проблем. Несчастливая женщина упадет в обморок и испустит дух.

– Как ты думаешь? – повторил он, встряхивая нещадно измятую ткань. – Полагаешь, она уже встала? Скорее всего нет. Когда я пришел вчера вечером, она выглядела изрядно выпившей. Шарлотта могла только покачать головой. Выпившей? Кузина Финелла напилась? Неужто весь мир сошел с ума?

– Эх, вероятно, ты права. – Себастьян еще раз встряхнул платок и осмотрел его. – Пожалуй, ради этого не стоит рисковать попасться на ее острый язычок, особенно если она до сих пор еще не пришла в себя. – Закончив одеваться, он снова бросился на постель, сжал Шарлотту в объятиях и горячо поцеловал. – Приятного дня тебе, моя любовь. – Замолчав, он заглянул ей в глаза, и у него на лице промелькнуло беспокойство. – С тобой все в порядке сегодня утром?

– Я чувствую, что я – это не я, – с трудом прошептала она.

– У тебя какие-то мысли обо мне, да? – Он взял Шарлотту за подбородок.

«По меньшей мере тысяча и одна мысль, и все они не имеют никакого смысла», – хотелось ответить Шарлотте, но удалось только покачать головой.

– Сегодня вечером мы это выясним. – Себастьян улыбнулся и встал. – После оперы. Ты же будешь там, верно? – Он надел куртку. – Твое присутствие в ложе сделает заведомо скучный вечер терпимым. Я буду придумывать, чем мы займемся потом. Вспомни об этом, когда начнется второй акт. – Он запечатлел у нее на лбу поцелуй и взъерошил ей волосы. – Будь в голубом и не смей приезжать с Рокхестом, противная маленькая плутовка. Ты знаешь, что для меня значит видеть тебя с ним. – Он подошел к двери. – Ах, вот что, возможно, именно поэтому ты и любишь демонстрировать его мне, – подмигнул Себастьян Шарлотте и ушел.

Шарлотта не знала, как долго она сидела, глядя на закрытую дверь, через которую он вышел.

Лорд Трент. Нагой. Целует ее.

Она медленно перебрала в памяти все сказанное, стараясь найти в этом хоть какой-то смысл.

«Лотти, моя любовь».

«Разбужу тебя как подобает».

«О, мой Себастьян!»

«Будь в голубом».

Она протяжно вздохнула и окинула взглядом роскошную комнату, пытаясь найти ключ к тому, где она и как попала в эту загадку.

Непонятно почему, но ее взгляд обратился к большой картине, которую она заметила раньше, к той, где на диване полужела обнаженная женщина.

Во всем ее облике было что-то удивительно знакомое.

Шарлотта с опаской выбралась из высокой кровати и, подняв небрежно брошенный на пол голубой шелковый халат, как можно быстрее надела его, изо всех сил стараясь не замечать, что он оказался ей как раз впору, словно был сшит специально для нее, а потом тихо, осторожно ступая, пересекла комнату.

Она остановилась перед портретом, и ее взгляд метнулся к подписи внизу: «Э. Арбакл».

Эфраим Арбакл?

Арбакл был портретистом высшего света. Как говорили, для того, чтобы иметь портрет от Арбакла, нужно стать бессмертным, потому что он похищал самое душу своей натуры.

Шарлотта с благоговением перевела взгляд снова на картину. Леди на портрете была такой естественной и непри-
нужденной, ее груди торчали вверх, а выражение лица было такое умиротворенное и довольное, как будто она только что...

Покраснев от смущения, Шарлотта отвернулась и зажму-

рилась, стыдясь даже думать такое, не говоря уже о том, чтобы завидовать тому, что эта бесстыжая дама, наверное, не тратит по утрам время на то, чтобы выскользнуть из горячих объятий лорда Трента.

«Мой Себастьян. О, прошу тебя...»

Открыв глаза, Шарлотта обнаружила, что смотрит в стоящее в углу высокое зеркало.

– Нет, – прошептала она, широко раскрывшимися глазами глядя на смотревшую на нее из зеркала женщину с растрепанными волосами и горящими глазами. – Нет, этого не может быть...

Шарлотта обернулась и посмотрела на портрет распутницы, а потом снова повернулась к зеркалу и задумалась, что же ей делать. Закусив нижнюю губу, она взялась за полы халата, который был на ней, и распахнула его.

– О Боже праведный! – Она взглянула через плечо на портрет, а потом снова в зеркало: те же груди, те же взъерошенные волосы, те же длинные ноги.

Женщиной на портрете Арбакла была она сама.

У Шарлотты подкосились колени, и ей показалось, что она сейчас упадет, но звук шагов в коридоре вывел ее из шока, и она, снова запахнув полы халата, повернулась к двери.

Ее тело напряглось, но не от страха, а... в общем, как она представляла себе, ее двойник на портрете понял бы ее.

Себастьян... Он вернулся.

Ручка двери повернулась, и Шарлотта затаила дыхание.

Но, к ее разочарованию, в комнату вошла старая женщина, такая маленькая, что едва доставала Шарлотте до плеча.

Простой фартук закрывал ее сизо-серое платье, в то время как седые волосы, казалось, светились на фоне мрачной одежды, а ее глаза – именно они поразили Шарлотту – были зелеными, как мох, и искрились живым светом, который никак не соответствовал ее лицу с глубокими морщинами и сторбленным плечам.

О, хорошо, вы уже встали, – сказала она и принялась собирать разбросанную одежду и нижнее белье, усмехаясь царившему в комнате беспорядку.

Вместо обычного запаха уборщицы – запаха тяжелой работы, угля и ночных горшков – от этой женщины исходил аромат чистоты и свежести, как будто она принесла с собой в комнату первые весенние цветы.

– Кто вы?

– Куинс, – ответила ей служанка, поднимая трусы, явно принадлежавшие мужчине.

Шарлотта вспыхнула. Куинс же, очевидно, ничуть не смущилась при виде их, потому что просто бросила в общую кучу предназначенного для стирки белья.

– Что вы здесь делаете? – Шарлотта посторонилась с дороги женщины, суетившейся в комнате и аккуратно расставлявшей на туалетном столике баночки и флаконы.

– Навожу порядок. – Повернувшись, Куинс уперлась кулаками в бока. – А что еще я могу делать в это утро? – В

ее глазах был вызов, ясно сказавший Шарлотте, что ее ответ имеет двойной смысл.

– Где я? – осторожно поинтересовалась Шарлотта.

– Разумеется, в своей спальне. – Подобрав кучу белья, Куинс направилась к двери, которую Шарлотта прежде не заметила, и, распахнув ее, скрылась внутри.

Шарлотту охватило любопытство – как эта комната может принадлежать ей и куда отправилась Куинс? Поэтому она последовала за женщиной и оказалась в красивейшей гардеробной, какой еще никогда не видела. И внезапно сотня других вопросов, которые ей хотелось задать, пропала сама собой.

Через расположенные высоко вверху узкие окна в комнату падали потоки солнечного света, а вдоль двух стен стояли вешалки с одеждой – и не только с обычными платьями из муслина, которые носят приличные девушки, но и с нарядами из парчи, бархата, из дорогой переливающейся шелковой тафты, которые манили подойти ближе, чтобы только дотронуться до них.

И до того, на ком они надеты.

Куинс же нисколько не была поражена этой богатой коллекцией и просто методически раскладывала вещи по местам.

Когда она выдвинула ящик комода, чтобы положить туда пару шелковых чулок, Шарлотта успела заметить другие предметы женского туалета – ярких цветов и пышно отделанные модными кружевами. Что же это за леди, которая

тратит столько денег на нижнее белье?

Куинс со стуком задвинула ящик, и этот громкий звук вывел Шарлотту из растерянной задумчивости.

– Вам лучше поторопиться, – сказала ей Куинс, выходя из гардеробной. – Сегодня утром у меня есть и еще дела, я не могу все время бездельничать в вашей комнате.

– Это не моя комната, – покачала головой Шарлотта, следуя за ней по пятам.

Куинс громко фыркнула. Это был такой звук, который бы издала базарная торговка, если бы ее оскорбили, предложив слишком мало за ее товар.

– Конечно, ваша.

– Но Финелла никогда не допустила бы...

– Что она может говорить, если это ваш дом? «Мой дом?»

– У меня нет дома.

– Теперь есть. – Куинс была уже у камина и ставила цветы в вазу.

– Дом? Что за глупость! Как я могу иметь дом?

– Вы получили его в подарок.

– От кого?

– Этот вопрос всегда был спорным. – На секунду перестав заниматься своим делом, Куинс, закусив губу, задумалась над вопросом. – Одни говорят, от герцога Честертона, но большинство полагает, что от старого графа Боксли, пытавшегося похитить вас. А так как они оба уже умерли, то, полагаю, только вы одна можете дать правильный ответ.

«Герцог Честертон? Граф Боксли? Совершенно нелепая идея».

– Как я могла получить дом от кого-то из людей, с которыми никогда не была знакома? – Но вдруг у нее в голове снова, как накануне, возник тот же странный, жужжащий шум, и комната начала кружиться.

Куинс, очевидно, заметила ее состояние и, взяв под руку, подвела к стулу у окна.

– Садитесь, моя дорогая девочка. Слишком много всего произошло в первый же день. Но вы должны понять, что некоторые стороны вашей жизни теперь изменились.

– Это не мой дом, – настаивала Шарлотта, чувствуя, что глупо твердить одно и то же.

– Ну, не нужно так волноваться. Конечно же, это ваш дом. – Куинс с понимающим видом взяла Шарлотту за руку и похлопала ее по руке. – И это ваша комната, и ваша жизнь. Это именно то, что вы хотели.

«Хотела?»

Снова вернулось жужжание, и у Шарлотты в голове одна за другой пронеслись беспорядочные картины, словно суматошный поток экипажей, днем раньше заполнивший улицу перед городским домом Марлоу.

«Цветы для леди, милорд?»

Себастьян идет вдоль улицы...

Развязная миссис Форнетт в своем элегантном экипаже...

Сев рядом с ней, Куинс снова ободряюще похлопала Шар-

лотту по руке. Но вовсе не сочувственный жест женщины вызвал у Шарлотты странное ощущение, а исходивший от нее аромат – похожий на благоухание небольшого букета цветов.

– Вы! – прошептала Шарлотта, пытаясь связать все вместе. – Это вы вчера продавали цветы на Беркли-сквер.

Улыбнувшись ей, Куинс кивнула, как бы предлагая еще подумать.

Кольцо тетушки Урсулы потеплело и сильнее сдавило палец Шарлотты, а жужжание у нее в ушах стало почти невыносимым.

– Да, да, вот так, – похвалила ее Куинс.

Шарлотта увидела себя стоящей перед домом Марлоу и смотрящей на Себастьяна, а потом вспомнила, как сказала о том, чего ей хотелось больше всего.

«Если бы только я могла стать женщиной, которую он любит».

– Я хотела...

– Да, хотели. – Куинс выпустила руку Шарлотты и вытерла ладони о фартук. – И вот оно здесь.

– Что здесь?

– Ваше желание! – Снова сев, женщина усмехнулась, словно ожидала, что Шарлотта начнет осыпать ее благодарностями.

– Но каким образом?

– Кольцо. – Куинс кивком указала на ее руку. – То, которое оставила вам ваша дорогая тетушка. Она долго думала,

кому его оставить, и я очень рада, что Урсула выбрала такого хорошего человека, женщину, которая умеет желать с размахом. – Она обвела рукой великолепную комнату.

– Вы знали тетюшку Урсулу? – Шарлотте не терпелось выяснить все до конца.

– Конечно, – без сомнений ответила Куинс. – С того самого дня, как она получила кольцо. – Женщина снова прикусила губу. – О Боже, когда же это было? Пятьдесят, нет, шестьдесят лет назад. Она умела желать, ваша тетюшка. – Куинс вздохнула. – Но она понимала, насколько опасно опрочечивое желание, и все эти годы держала кольцо запертым. Не думайте, что я не докучала ей уговорами передать кольцо, но она страшно боялась того, что может случиться, если... – Плотно сжав губы, Куинс растянула их в улыбке. – Ох, ну зачем вам беспокоиться обо всем этом? Главное – это то, что вы высказали свое желание, и вот теперь мы здесь.

– И это кольцо... – Без малейшего удивления Шарлотта смотрела вниз на свое наследство.

– ...исполняет желание его владельца. – Встав с кровати, Куинс вытащила из кармана тряпку и, оглядев комнату, несколько раз протерла ящики комода. – Но только одно желание. И должна сказать, ваше самое романтическое из всех, что мне довелось слышать за... в общем, скажем, за долгое время. – Ее глаза загадочно блеснули. – «Быть женщиной, которую он любит». О, это замечательное желание. И вот вы здесь. – Она снова жестом обвела комнату. – Вы женщина,

которую любит Себастьян Марлоу.

Шарлотта постаралась перевести дух. Это не могло быть правдой. Лорд Трент любит ее? Видимо, так. Просто одно желание – и она стала женщиной, которую он любит.

Себастьян любит ее. Сердце Шарлотты наполнилось удивлением и радостью.

«Лотти, моя любовь».

Она дотронулась руками до своих губ, вспомнив его поцелуй, такой требовательный, чувственный, полный... страсти и желания.

И все потому, что он ее любит.

Это многое объясняло, в частности то, почему она оказалась у него в постели. Он влюбился в нее, и теперь они...

– ...женаты, – вслух закончила Шарлотта и с чувством огромного облегчения встала на ноги. – Я его жена. – Ей-богу, это было единственное объяснение тому, что она проснулась рядом с ним – нагая.

Однако булькающий смех Куинс прозвучал совсем неутешительно.

– Я его жена, – настойчиво повторила Шарлотта. – Леди Трент.

– Леди Трент! – Куинс замахала на нее рукой, а потом схватилась за живот, но это не помогло удержать взрыв смеха. – Его жена? О, замечательно.

– Но я должна быть его женой, если я женщина, которую он любит.

Несколько раз икнув после приступа громкого смеха, Куинс пошла к двери и, открыв ее, снова засмеялась.

– Она говорит: «его жена»! – Куинс вытерла с глаз слезы и, серьезным, загадочным взглядом через комнату посмотрела на Шарлотту: – Вы не жена ему, Шарлотта. Вы любовница лорда Трента.

Глава 3

Его любовница?

Прежде чем Шарлотта смогла произнести эти унижительные слова и осмыслить то, что сказала ей Куинс как само собой разумеющееся, будто было совершенно нормальным, что она, мисс Шарлотта Уилмонт – любовница какого-то мужчины, прежде чем она собралась с мыслями, чтобы потребовать объяснения (и признания ошибки), женщина исчезла.

– Куинс! – крикнула она, вскочив со стула, на который снова опустилась, когда женщина открыла ей всю правду ее положения. – Вернитесь!

Шарлотта рывком распахнула дверь, не заботясь о том, что ее могло ожидать снаружи и что под халатом на ней ничего не надето.

Но вместо того чтобы увидеть Куинс, она нос к носу столкнулась с кузиной Финеллой, и вид строгой родственницы матери поубавил ей резвости. Святые небеса! Почему из всех людей, кто мог бы застать ее в таком виде, это непременно должна была оказаться Фиелла?

Шарлотта взяла себя в руки, чтобы не устроить истерику, которая только вызвала бы раздражение у ее матери. Однако больше в коридоре никого не было – во всяком случае, из тех, кого она ожидала увидеть.

– Ты не одета! – воскликнула Фипелла обычным недовольным тоном, но это было единственное знакомое в стоявшей перед Шарлоттой леди. – Правда, и я тоже. – Она бросилась – буквально бросилась – в комнату Шарлотты без всякого намека на свою обычную чопорность.

– Где она? – Шарлотта выглянула в пустой и незнакомый коридор.

– Кто где? – переспросила Финелла, направляясь в гардеробную.

– Куинс.

– Куинс? – Финелла остановилась у двери. – Кто такая Куинс?

– Служанка, – нетерпеливо пояснила Шарлотта, – та, которая только что была здесь.

– Если ты имеешь в виду новенькую служанку, то ее зовут Пруденс, – фыркнула Финелла. – И я не думаю, что эта ленивая девчонка сегодня уже поднималась сюда. Знаешь, она готова была уйти, когда он как-то рано утром спустился за кружкой шоколада. – Финелла пожала плечами. – Она, пожалуй, слишком молода для этого дома и служит здесь только благодаря тебе и твоему добросердечию. Боюсь, ее подобрала какая-то аббатиса или, хуже, ее заставляли работать на улицах.

– Нет, не молодая девушка. Пожилая женщина. Примерно такого роста. – Шарлотта коснулась рукой своего плеча.

– Господи, Лотти, – рассмеялась Финелла, – я думала, что

только я одна слишком много выпила вчера вечером. Куинс, ну конечно! Если ты начинаешь искать маленьких прозрачных служанок, то тебе необходимо следить, сколько ты пьешь, – или отказаться от бренди и перейти на красное вино. – Подмигнув Шарлотте, она открыла дверь в гардеробную и прошмыгнула внутрь.

«Куинс не существует?»

Шарлотта прижала пальцы ко лбу. Финелла никогда о ней не слышала, и теперь та исчезла так же быстро, как и материализовалась.

О нет, это невероятно.

Шарлотте было слышно, как внутри Финелла перебирает платья и ведет себя так, словно не происходит ничего странного.

– Ты обещала ему, что будешь к двум, а сейчас уже половина второго.

Подойдя к гардеробной, Шарлотта заглянула внутрь.

В одной руке Финелла держала зеленое дневное платье, а в другой – голубое муслиновое с узором из веточек. Голубое отправилось обратно на вешалку, а шелковое цвета зеленого яблока она подняла повыше, чтобы лучше рассмотреть, но, когда солнечный свет попал ей в глаза, Финелла быстро зажмурилась и потеряла виски.

– Господи, как же отвратительно я себя нынче чувствую! И я еще учу тебя, как пить, когда сама вчера вечером напилась в стельку. – Она засмеялась и покачала головой, как

будто это было самое веселое развлечение.

Шарлотта попятилась. Она, безусловно, ослышалась. Кузина Финелла? Признается, что была вдруг пьяной?

– Это было заметно? – спросила Финелла, подняв взгляд от ящика комода, в котором что-то искала. – Боюсь, Трент это обнаружил, когда пришел вчера вечером. Кажется, я даже немного флиртовала с ним. Но как могло быть иначе, если большую часть вечера я прикладывалась к содержимому подвалов старого Кимптона?

Чтобы не упасть, Шарлотта схватилась за ручку двери.

Лорд Кимптон? Самый благочестивый человек во всем великосветском обществе? Пьет с кузиной Финеллой?

Шарлотта точно помнила, что не желала такого, но, очевидно, ее простое желание перевернуло все в ее жизни, в ее мире с ног на голову.

«Вы должны помнить, что некоторые стороны вашей жизни теперь изменились», – сказала Куинс.

Некоторые? Нет, это было совершенно неверно. Взглянуть хотя бы на то, что стало с Финеллой!

И дело не только в том, что она допускала пьянство и легкомыслие: кузина Финелла и выглядела совершенно по-другому. Ее волосы, обычно туго стянутые на затылке в простой узел и скромно покрытые накрахмаленным белым чепцом, теперь ниспадали ей на плечи длинными прядями, растрепанными и... пышными.

Да, Шарлотта и представить себе не могла, что ей ко-

гда-нибудь доведется увидеть волосы кузины Финеллы свободными от неизбежных шпилек и такими... красивыми. И когда они не тянули кожу лица назад, Финелла выглядела мягче, моложе и менее строгой. Вместо скромного серого шерстяного платья, которое она носила от рассвета до заката, на ней был халат, такой же дорогой и роскошный, как тот, что надела Шарлотта. Красная ткань облегла ее, подчеркивая все изгибы фигуры, которых у прежней Финеллы вовсе никогда не было.

И, как прикинула Шарлотта, кузина Финелла весила, должно быть, на стоун¹, а то и на два больше. И дополнительный вес отложился как раз там, где нужно, потому что всегда плоская, как аршин, Финелла, которая не признавала сладостей и не допускала ни малейшего потворства своим капризам, чтобы оно не дало повода к невоздержанности, неожиданно приобрела пышную грудь и округлые бедра. И вдобавок развязную манеру поведения.

– Итак, почему бы тебе не надеть вот это? – Она сунула Шарлотте в руки легкий как перышко зеленый корсет и такого же цвета кружевные подвязки.

Зеленый корсет? Шарлотта, открыв рот, в изумлении смотрела на вызывающие вещи у себя в руках. Порывшись в комод, Финелла достала пару дорогих кружевных чулок того же оттенка.

– Арбаклу нравится, когда ты в зеленом, и это придаст ему

¹ 1 стоун = 6,3 кг

вдохновения, когда ты приедешь. Правда, тебе это не так уж и нужно, но ему это создаст настроение.

– Арбакл? – в замешательстве переспросила Шарлотта, оглянувшись на откровенную картину на стене. Она до сих пор не понимала, как мужчина мог изобразить ее таким образом, как мог знать все о ней.

Только если она была...

– Ты же не забыла о назначенной встрече с Арбаклом? – спросила Финелла, положив руки на теперь пышные бедра. – Ты ведь обещала ему, что придешь к нему в студию, чтобы он мог положить последние мазки на твоём новом портрете. Нам не заплатят, пока это не будет сделано.

Заплатят? Она для Арбакла платная модель? Финелла сняла с Шарлотты халат и начала одевать ее, словно девушка была просто-напросто упрямым ребенком.

– Когда ты закончишь у Арбакла, не забудь, что тебе следует пойти к мадам Клоди на примерку. Она вчера прислала записку, что твое новое вечернее платье готово. А потом ты должна быть дома к семи часам, чтобы успеть одеться и отправиться в оперу с лордом Рокхестом. – Натянув Шарлотте через голову зеленый шелк, она потянула и закрепила его на месте, а затем, усадив ее на стул перед туалетным столиком, занялась ее прической.

Рокхест? Шарлотта смотрела на свое отражение, и изумление у нее в глазах соответствовало дрожи страха, пробежавшей по ее спине. Она поедет в оперу с графом Рокхестом?

Одним из самых известных великосветских распутников?

Шарлотта не знала, как держать себя с таким человеком, ведь Гермиона рассказала нескольким любопытным друзьям, что однажды подслушала своего брата Гриффина. По его словам, граф мог развлекаться с несколькими леди – одновременно.

И что она сама за леди, если ее открыто сопровождает подобный безнравственный мужчина, особенно когда у нее есть любовь и покровительство такого человека, как лорд Трент?

Однако что-то незначительное в глубине ее сознания сказало ей, что во всем этом есть нечто большее, чем кажется на первый взгляд... и что она не может оценивать свое нынешнее положение по меркам прежних представлений.

Но разве не все изменилось в одну ночь? По одному желанию? «Все, кроме моих чувств», – сказала себе Шарлотта. Она сама осталась прежней.

– Готово! – сказала Финелла, укладывая на место последний завиток.

Шарлотта взглянула в зеркало и едва узнала смотревшую на нее оттуда женщину. Это ее волосы?

У нее никогда не было другой прически, кроме такого же тугого пучка, который носили мать и ее кузина, а то, что соорудила Финелла, было похоже на иллюстрацию в одном из французских модных журналов Гермионы.

– О, ей-богу, это великолепно, – прошептала Шарлотта,

с почти благоговейным трепетом касаясь пальцами уложенных завитых локонов.

– Ты выглядишь так же, как на картине. – Финелла, которая уже привела в порядок свои волосы, одобрительно улыбнулась. – Возмутительно, что Арбакл захочет, чтобы ты все это сбросила, когда мы будем у него, но по крайней мере перед своими обожателями ты появишься в лучшем виде. – Наклонив голову, она взглянула на свою работу и немного поправила прическу. – Правда, никого из этих бездельников не волнует, как выглядят твои волосы. – Она вздохнула. – Но эта прическа, я бы сказала, делает тебя тобой, и, не сомневаюсь, завтра о тебе напишет «Пост».

Обожатели? Бездельники? Упоминание в колонке сплетен?

Шарлотта снова посмотрела на леди в зеркале. Что она за женщина? Ее взгляд непроизвольно вернулся к картине Арбакла.

Святые небеса, разве она могла когда-нибудь быть такой?

По ней прокатилась еще одна волна тревоги, и сердце ее оборвалось – что на самом деле обещало сказанное лордом Трентом?

«Я придумаю, чем мы займемся потом».

Потом? Это значит, сегодня ночью? Он вернется сюда и захочет... С ней. С голой.

Шарлотта прижала руку к животу, и Финелла, заметив это, сказала:

– Иди вниз и посмотри, приготовила ли Пруденс хоть сегодня утром для тебя завтрак. Я сказала, чтобы она подала его тебе в парадной гостиной. – Заставив Шарлотту встать со стула, Финелла подтолкнула ее к двери. – Пойду оденусь, и к тому времени, как я спущусь, экипаж уже должен быть подан. Поешь что-нибудь, дорогая. Сегодня утром ты выглядишь осунувшейся. – Она покачала головой. – И, Лотти...

– Да? – Шарлотта почти со страхом ожидала, что еще скажет кузина.

– Будь осторожна с бренди, детка. Ты потеряешь свою прелесть, если будешь много пить, и где мы тогда окажемся?

Получив такое предупреждение и еще один толчок, на этот раз к лестнице, Шарлотта пошла вниз и оказалась в комнате, которая, очевидно, была парадной гостиной, так как у широкого арочного окна был красиво накрыт маленький стол. По всей комнате были расставлены вазы с цветами, а возле ее завтрака стоял поднос с огромной кучей записок и писем.

Шарлотта смотрела на послания, не зная, что с ними делать. Потом она съела булочку и немного клубники, вкусно приготовленной со сливками, и, не в состоянии сидеть в этом незнакомом месте, столь не похожем на дом Финеллы на Куин-стрит, решила осмотреть помещение.

Уютная и теплая комната была наполнена причудливыми безделушками. В одном ее углу располагалось длинное канапе, а перед окном – два огромных кресла. На камине сто-

яла синяя с белым фарфоровая ваза с тюльпанами, а рядом с ней что-то поменьше, оказавшееся, когда Шарлотта подошла ближе, неплохим портретом лорда Трента.

Водя пальцами по рамке, Шарлотта старалась понять, как все это может быть.

Она его любовница. И кузина Финелла, по-видимому, вполне довольна таким положением вещей.

Покачав головой и в последний раз взглянув на повесу, изображенного на портрете, Шарлотта сделала еще один круг по комнате и обнаружила висевшие в углу другие произведения Арбакла. Это было изображение маленькой девочки, державшей корзину со щенками, несколько небольших пейзажей и портрет нарядно одетой дамы, которая показалась Шарлотте похожей на юную Финеллу.

Сделав еще несколько шагов, Шарлотта снова оказалась перед подносом с письмами и, не в силах устоять, взяла первое попавшееся письмо и повернула его адресом к себе.

«Миссис Таунсенд, номер четыре, Литл-Тичфилд-стрит».

Миссис Таунсенд? Шарлотта положила письмо. Должно быть, его доставили не по адресу, потому что любая леди, которая живет на Литл-Тичфилд-стрит, может быть только...

Она торопливо взяла другой конверт: «Миссис Лотти Таунсенд».

Она больше не Шарлотта Уилмонт, а Лотти. Колдовство Куинс дало ей не только любовь Себастьяна и этот дом, но и новое имя. Прикусив губу, Шарлотта снова посмотрела на

конверт. «Миссис Таунсенд». Значит, она замужем?

У нее подкосились колени, она опустилась на стул и снова посмотрела на казавшееся совершенно безобидным послание, которое держала в дрожащей руке. И что еще хуже, в почерке на конверте было что-то смутно знакомое.

Донесшийся с лестницы стук каблуков возвестил о приближении Финеллы, и Шарлотта, вскинув вверх взгляд, увидела входящую в комнату кухню матери в роскошном, отливающим золотом платье и в возвышающейся на голове невероятно большой шляпе с шелковыми цветами и трепещущими перьями.

– Пойдем, – скомандовала она, поднимая Шарлотту со стула. – Ты сможешь прочитать эти идиотские стихи своих будущих поэтов, когда мы... – Ее слова резко оборвались, когда она тоже заметила почерк. – Ф-ф! – прошипела Финелла и, выхватив письмо, швырнула его в камин. – Аврора! Полагаю, эта поганая тварь хочет еще денег. – Она вытерла руки о юбку и снова раздраженно фыркнула. – Но ты же не собираешься опять оплачивать ее долги, нет?

Шарлотта покачала головой, пораженная не только реакцией кухни на письмо, но и продемонстрированной ею неприязнью.

– Ладно, будем считать, что нет. – Финелла засопела неподобающим леди образом и энергично потащила Шарлотту из комнаты, на ходу забрав у молодой служанки – вышеупомянутой Пруденс, как предположила Шарлотта, – красивей-

шую шляпу.

С протяжным вздохом изумительный предмет туалета был водружен на прическу Шарлотты, затем пришла очередь накидки и перчаток, и уже мгновение спустя Шарлотта вышла через парадную дверь, спустилась по ступенькам и заняла место в ожидавшем открытом экипаже. При виде дам одетые в ливреи кучер и слуга на запятках заняли свои места, и экипаж тронулся с места.

Шарлотта пальцами пощупала настоящее произведение искусства у себя на голове. Да, она никогда в жизни не носила такой шляпы и чувствовала себя почти королевой в столь модном наряде.

– А где была Аврора, когда у нас был пустой буфет и мы чертовски мерзли каждую зиму, я спрашиваю? – продолжила свою тираду Финелла. – Где она была? Попивала чай в этом своем разукрашенном особняке в Мейфэре, теплом и уютном, и благополучно не замечала нас.

Шарлотта старалась разобраться во всей этой информации, но одно никак не укладывалось у нее в голове. Ее мать жила в особняке?

– Не могу понять, – заговорила она и тут же поправила себя в надежде узнать больше: – То есть никогда не понимала, почему она с нами не знается.

Если не считать того, что теперь Шарлотта, по-видимому, была кем-то недостойным.

– Чтобы благородная и могущественная графиня Пилсли

нанесла нам визит? – Финелла снова фыркнула. – На Литл-Тич-филд-стрит? Это было бы забавно. О, она будет пользоваться твоим состоянием, но не снизойдет до того, чтобы узнать тебя. – Леди многозначительно выгнула дугой брови. – Нет, это лучше, что она предоставила нас нашей судьбе и после смерти Уилмонта вышла замуж за Пилсли. По крайней мере мы не по уши в долгах.

Шарлотта изо всех сил старалась все это осмыслить и не выглядеть обескураженной.

Мать оставила ее с кузиной Финеллой и снова вышла замуж? И при этом нашла себе графа? Это был огромный шаг вверх, потому что отец Шарлотты был простым рыцарем с не заслуживающей внимания собственностью.

– Я думала, у Пилсли есть деньги, – не подумав, вслух сказала Шарлотта.

– Хм! Их недостаточно, чтобы покрыть ее карточные долги, – бросила Финелла, но ее кислое выражение быстро сменилось широкой улыбкой, и она приподнялась с сиденья, чтобы весело помахать леди на улице.

Взглянув на модно одетую женщину, которую восторженно приветствовала кузина, Шарлотта чуть не выпала из открытого экипажа, – потому что не кто другой, как Коринна Форнетт махала им в ответ изящной рукой в перчатке, словно они были давними и хорошими друзьями.

Миссис Форнетт? Та самая женщина, на которую Финелла еще вчера смотрела с такой неприязнью? Удивительно, как

она не отправила срочное письмо в «Тайме» с жалобой, что распутной даме разрешают въезжать в Мейфэр?

– О да, сегодня Коринна выглядит не очень хорошо. Честно скажу, если бы она не была такой замечательной девушкой, я бы ее презирала. – Финелла плюхнулась на сиденье и натянула перчатки. – Итак, на чем я остановилась?

– Леди Пилсли, – рассеянно ответила Шарлотта, все еще не сводя глаз с удаляющейся незнакомки. Она была настолько удивлена, что почти не слышала Финеллу, продолжавшую поносить бывшую леди Уилмонт.

– О да! Если бы Аврора не была столь общительна, то, полагаю, они оба были бы разорены, но эта моя кузина всегда обладала шармом, которого хватило бы на десять женщин. И все же я с содроганием думаю, что сделает Пилсли, если когда-нибудь узнает, как много его любимая жена проиграла в вист и в кости.

– В кости? Невероятно, – пробормотала Шарлотта. Прежде всего почти невозможно было представить ее мать как «общительную», – но еще и играющую в кости?

– Тебя самое следует хорошенько выпороть за азартные игры! – Финелла скрестила руки на груди. – Особенно за вчерашний вечер.

Что такого она сделала вчера вечером? Судя по сжатым челюстям кузины, Шарлотта могла догадаться, что ей не придется долго ждать, чтобы это узнать.

– Лотти, ты слишком много пьешь и чересчур крупно иг-

раешь. – Палец Финеллы поднимался и опускался с точностью недавно изобретенного метронома. – Ты рискуешь приобрести чудовищную репутацию.

Репутацию? Насколько Шарлотта представляла себе, учитывая вольности, которые позволял себе лорд Трент в это утро, ее репутация была самой меньшей из всех забот. И тем не менее ей необходимо было что-то возразить кузине.

– Я постараюсь сделать все, чтобы исправиться.

– Ба! – На леди ее слова, очевидно, не произвели никакого впечатления. – Разыгрывай кающуюся леди из Мейфэра перед кем-нибудь другим, кто тебя не знает. – Финелла снова подтянула свои выношенные перчатки. – Правда, Лотти, ты же не можешь дать себе волю. Во всяком случае сейчас, когда твое существование будет обеспечивать всего лишь небольшая ежегодная рента. И получив ее, ты не в состоянии чрезмерно потакать себе...

По крайней мере это наставление напоминает ту Финеллу, которую она знала, подумала Шарлотта.

– ...особенно после того как мистер Лудлоу в прошлом месяце предельно ясно высказался на этот счет. Но разве ты прислушаешься к своему поверенному, если пропускаешь мимо ушей даже то, что говорю я? Дом, Лотти. Ты должна найти кого-нибудь, кто может внести в соглашение дом. Или, если не приличную недвижимость, то, быть может, акции корабельной компании. Я вспомнила о миссис Уоллейс, которая хорошо разбирается в таких акциях. Но прежде всего

тебе необходимо заручиться покровительством человека со средствами, способного обеспечить их приобретение. – Финелла неодобрительно сжала губы в тонкую прямую линию. – Непохоже, что от него ты получишь что-нибудь подобное. – Очевидно, эта лекция была не новой. – Этот обнищавший, наглый, никудышный грубиян...

– Вы имеете в виду лорда Трента?

– Разумеется, его, – без всякого раздражения ответила Финелла. – Этот человек тебя погубит!

– Думаю, уже погубил, – едва слышно пробормотала Шарлотта, вспоминая, с какой готовностью ее бедра бросились вверх, когда он накрыл ее своим обнаженным телом, как послушно они раскрылись при его прикосновении.

– А вот Рокхест – он из тех людей, на кого женщина вполне может положиться. – Финелла мечтательно вздохнула. – Ах, если бы у меня был кто-то, подобный ему, я, конечно, не была бы сейчас здесь.

Шарлотта вскинула взгляд. Кузина Финелла была... Если бы Шарлотта не сидела, она, несомненно, упала бы. Кузина Финелла не только говорила, что она... ну, что она была... Но она говорила все это так, как будто не было ничего необычного в том, что она, мисс Финелла Аппингтон-Хиггинс, уважаемая старая дева и блюстительница приличий, прежде была распутницей.

Но некоторые вещи никогда не меняются, и Финелла вернулась к своей обычной манере поведения, деловой и целе-

устремленной, как всегда.

– Порви с Трентом, моя девочка. Ты не можешь позволить себе и дальше оставаться с ним.

– Но он меня любит, – возразила Шарлотта, вспомнив свое желание.

– Любит! Как будто этим можно оплатить счета бакалейщика. – Финелла встала и пересела на сиденье рядом с Шарлоттой. – Ты не становишься моложе, и Рокхест начнет поглядывать в другую сторону, прежде чем ты это поймешь. Знаешь, я слышала, он был очень щедр к миссис Вейч, когда прошлой зимой они вместе проводили время. – Яркий огонь алчности, вспыхнувший в глазах Финеллы, мог бы зажечь все лампы в Мейфэре.

Экипаж свернул за угол, и Финелла, выпрямившись, подняла голову и взглянула вперед.

– Боже правый, мы почти прибыли! – Она повернулась и оглядела свою спутницу, как осматривают призовую скаковую лошадь, а потом несколько раз ущипнула Шарлотту за щеки и улыбнулась. – Сегодня утром ты выглядишь по-настоящему великолепно, и здесь собралась приличная толпа, так что ты найдешь достойное упоминание в «Морнинг пост». А теперь улыбнись, как я тебя учила, и заставь каждого из этих дураков пожалеть, что у него нет достаточного количества бриллиантов, чтобы получить тебя.

Толпа? «Морнинг пост»? О чем это болтает Финелла?

В этот момент экипаж остановился перед домом, но кро-

ме этого дома ничего обычного в этом месте не было, потому что перед простым кирпичным зданием собралась огромная толпа мужчин. Казалось, будто они позабыли о своем членстве в «Бруксе», «Уайтсе» и «Будлзе», и все одновременно собрались именно здесь.

Множество франтов, изысканных джентльменов и бездельников отпихивали друг друга, чтобы пробиться вперед к двери ее экипажа.

– Улыбнись, Лотти, – подтолкнула ее сзади Финелла. – Ну же, изобрази улыбку.

Собрав все силы, чтобы растянуть губы в улыбке и не повернуться и не приказать кучеру как можно быстрее уезжать от всего этого безумия, Шарлотта встала на дрожащие ноги.

Моментально дверца экипажа распахнулась, и толпа хором выкрикнула «ура!».

Шарлотте показалось, что она сейчас упадет в обморок, но с помощью Финеллы, поддерживавшей ее сзади, и джентльмена, подавшего ей руку и помогавшего спуститься, ей не оставалось ничего другого, как продолжать эту комедию.

Красивый мужчина, завладевший ее рукой, оказался графом Рокхестом – мужчиной, которого Финелла настоятельно советовала ей сделать следующим...

– Зеленое, джентльмены! На это я и ставил. Леди в зеленом, – объявил он. – Платите!

Они заключают пари о цвете ее платья? Вперед вышел еще один мужчина, и Шарлотта решила, что его зовут Боксли –

новый граф Боксли.

– Рокхест, откуда вы, черт побери, всегда знаете, что она наденет? Как вам это удается? Спите позади Трента? – Он подошел и, целуя руку Финелле, открыто подмигнул развязной леди, и вслед за этим улица наполнилась мужским смехом, грубым и громким.

Шарлотта не знала, стоит ли удивляться, что все высшее общество, во всяком случае его сильная половина, по-видимому, знает о... хм, осведомлена, что... хм, что она и лорд Трент...

О, она даже подумать об этом не могла без того, чтобы не покраснеть.

...любовники.

Но теперь, вдобавок ко всему, этот джентльмен намекает, что лорд Трент не единственный мужчина, который так бесцеремонно обращается с ней!

– Проклятие! – выругался один из присутствующих, расплачиваясь со своим приятелем. – Я думал, сегодня утром она наденет желтое.

– Может быть, у нее желтые подвязки? – высказал предположение кто-то среди толпы.

Оно снова вызвало громкий смех, и Шарлотта почувствовала, как краска с ее щек сбегала прямо к ее абсолютно зеленым подвязкам.

– Держу пари, – заявил лорд Боксли. – Пятьдесят фунтов за то, что ее подвязки желтые.

– Принимаю пари, Боксли, – откликнулся лорд Фитцхаф и, выбравшись из толпы вперед, улыбнулся Шарлотте. – Лотти, будь умницей, дай нам увидеть твои подвязки.

– М-мои п-подвязки? – пролепетала Шарлотта и повернулась, чтобы вернуться в сомнительную безопасность экипажа. Цвет ее платья это одно – но ее подвязок? Боже правый, за кого они ее принимают?

Судя по оживленному заключению пари и выжидательным выражениям на лицах, очевидно, за ту, что готова доставить им удовольствие, подняв свой подол.

Шарлотта была уверена, что они не поверят ей на слово.

– Подвязки, Лотти! – раздались крики. – Покажи нам свои подвязки!

– О Господи, детка, покажи же им свои подвязки, – подтолкнула ее локтем в спину Финелла.

– Я сказала нет! – рассердилась Шарлотта. Куинс могла как угодно изменить ее жизнь, но в желание Шарлотты никогда не входило поднимать юбку на людной улице. Бросив им всем надменный взгляд, она в раздражении направилась вверх по ступенькам.

И без особого удовольствия услышала у себя за спиной объяснение Финеллы, сделанное таким шепотом, что его можно было услышать в Брайтоне:

– Она слишком много выпила вчера вечером. Обернувшись с намерением возмутиться, Шарлотта увидела, что наглая женщина подмигивает им.

– Как насчет ставок на цвет моих подвязок, джентльмены?
– Финелла размахивала юбками взад-вперед, выставляя на обозрение лодыжки.

Толпа зарычала от смеха, и, к ужасу Шарлотты, посыпались предложения ставок. Вернувшись назад, она схватила Финеллу за локоть и потащила вверх по лестнице, а по пятам за ними, как стая голодных лающих гончих, понеслись шутки, смех и ставки.

– Знаешь, так и нужно обращаться с ними со всеми, – про бурчала Финелла, освобождая свою руку, и бросила кокетливый, обещающий взгляд толпе на улице. У нее даже хватило дерзости послать Боксли воздушный поцелуй.

Господи, бесстыжий граф был, вероятно, лет на двадцать моложе Финеллы!

Но прежде чем кто-нибудь успел еще что-то сказать, из открывшейся двери появился невысокий худой мужчина. У него на носу сидели очки, а лысая голова блестела в лучах солнца, отражавшихся от окна над дверью.

Арбакл. Это должен был быть он, судя по его грубо слепленным рукам и пятнам краски на мятой рубашке.

– Миссис Таунсенд! – с восторгом воскликнул он. – Вы пришли! Я боялся, что сегодня вас не будет. Последнее время о вас разное говорят.

Шарлотта вздрогнула. Одно дело увидеть имя на конверте, но услышать, что к ней так обращаются... в общем, это привело ее в некоторое замешательство. Ей действительно

необходимо выяснить, что же произошло с миссис Таунсенд, и как можно быстрее.

А кроме этого, получить ответы на тысячу и один вопрос о том, как может быть, чтобы никто не замечал, что она совсем не это безнравственное существо. И даже Арбакл, похоже, этого не видел. Взяв Шарлотту за руку, он потянул ее в дом, как заботливый дядюшка, а потом, отдав экономке ее накидку, повел наверх.

– Ослепительная! Сегодня утром вы неподражаемы. Зеленый – это ваш цвет. Изумительно! Восхитительно! – Он размахивал рукой, словно делал широкие мазки кистью, и наполнял уши Шарлотты восторженной похвалой. – Я хочу, чтобы в следующий раз, когда я буду писать вас, вы были в зеленом. Это не значит, что на других портретах вы не великолепны, но новые возможности, моя дорогая девочка.

– Утреннее пробуждение Дианы, – предложила Финелла.

– Превосходная идея, миссис Берли! – Глаза мужчины восторженно сверкнули. – От Елены Троянской до Дианы. Она займет центральное место на моей выставке будущей осенью.

Шарлотта резко вскинула голову. Миссис Берли? Когда это Финелла тоже приобрела новое имя?

Пока Финелла и Арбакл торговались по поводу ее услуг как модели для его следующей картины, Шарлотта изо всех сил старалась не таращить глаза на развешанные по стенам произведения – гравюры, рисунки, наброски и акварели лю-

дей, лошадей, множества аллей и лужаек.

Она остановилась перед одним из них – небольшой картиной, изображавшей извилистую речку и нежно-зеленый луг, простирающийся от поросших зеленью берегов. Там под деревом сидела женщина, и невидимый ветер трепал ее юбку и играл лентами шляпы. Картина не была закончена, но это не помешало Арбаклу повесить ее. В этой сцене было что-то такое тоскливое и печальное, что Шарлотта вздохнула.

– Даже не пытайтесь, – сказал ей Арбакл.

– Простите?

– Даже не заговаривайте об этом снова. Я каждый раз уверяю вас, что она не для продажи, а вы, когда приходите сюда, вновь пробуете уговорить меня продать ее. И как бы вы ни махали своими ресницами и ни выдавливали слезы из этих милых глаз, я скорее перестану писать, чем допущу, чтобы вы повесили мою Эмму в этом вашем постыдном будуаре. – Он помахал перед ней пальцем. – Я не такой, как это стадо дураков на улице. Я не поддаюсь вашим чарам, Лотти Таунсенд. С самого первого раза, когда я писал вас пятнадцать лет назад. – Он указал на картину в раме, висевшую немного выше над лестницей.

– Великолепно, – сказала Финелла, проходя мимо портрета юной девушки, держащей на коленях корзину с цветами.

«Это я», – подумала Шарлотта, глядя на картину.

Однако как это могло быть? Она только вчера высказала желание, а все было так, словно всей ее жизни, той, кото-

рую она помнила, вовсе никогда не было, а ее нынешнее существование разыгрывалось на какой-то другой сцене, и она вообще ничего из него не помнила.

Они уже поднялись на самый верхний этаж дома и стояли на пороге студии Арбакла, когда снизу послышался шум.

– Я имею полное право войти. У меня есть билет.

Шарлотта перевела взгляд с нахмурившего брови Арбакла на Финеллу, невинно смотревшую вверх, как будто потолок представлял для нее больший интерес, чем препирательство внизу.

– Миссис Берли, я предупреждал вас...

– Арбакл, дорогой мой, – перебила его Финелла, – вы должны понимать, что сплетни только увеличат цену картины. А часть цены принадлежит моей дорогой девочке. – Сложив на груди руки, она стала похожа на прежнюю Финеллу, какой бывала, когда молочница присылала не совсем полную мерку масла. – Догадки и слухи могут сделать очень много, но подробный рассказ очевидца привлечет толпы народа, когда вы ее выставите на продажу.

– Я не пишу перед зрителями. Я не какой-то Гримальди, чтобы на меня глазело стадо гусей и обезьян.

– Зритель имеет большое значение для успешной продажи, – фыркнув при таком темпераментном выступлении, заявила Финелла, – и Лотти со мной согласна.

Они оба посмотрели на Шарлотту, Финелла кивнула ей, чтобы она подтвердила ее слова, а Арбакл явно рассердился

таким навязыванием чужого мнения.

– Я думаю, – в растерянности начала Шарлотта, – то есть я хочу сказать... – Она снова перевела взгляд с Финеллы на Арбакла. – Полагаю, что лучше всего, по крайней мере на сегодняшний день, если зрители были бы немного подальше.

Арбакл насмешливо взглянул в сторону Финеллы, но леди, очевидно, этого не заметила, потому что ее нос уже был вздернут с выражением крайнего недовольства.

– Значит, теперь я должна быть носителем дурных новостей, – буркнула она, направившись вниз по лестнице к держателям билетов с известием, которое их, несомненно, разочарует.

– Пойдемте, моя девочка. – Арбакл взял Шарлотту за руку и повел в студию. – Миссис Берли продала бы «Таймс» и ваше грязное белье, если бы считала, что из этого можно извлечь прибыль.

– Она действует из добрых побуждений, – возразила Шарлотта, хотя и подозревала, что здесь Арбакл прав; она заметила, как перемигнулись Финелла и Рокхест, вспомнила, что сегодня утром Финелла специально выбрала для нее зеленое платье и настаивала, чтобы Шарлотта сделала графа своим новым любовником.

Но зачем Шарлотте новый любовник, если она не имеет ни малейшего представления, что делать с тем, который у нее есть?

– Пойдемте, пойдемте. – Арбакл тащил ее в студию по-

дальше от шума, доносившегося снизу, где Финелла отказывалась вернуть деньги за проданные ею билеты.

Но Шарлотта позабыла обо всем, когда ее нога переступила порог святая святых художника и девушку окружил мир, которого она себе и вообразить не могла. Потоки света падали в комнату через окна и застекленную крышу, и вся студия была залита солнцем. По комнате были расставлены мольберты с картинами, терпеливо ожидавшими внимания к себе, но произведения были закрыты полотняными накидками, так что их содержание оставалось таким же загадочным, как и та жизнь, в которой очутилась Шарлотта.

Она медленно входила в студию, слегка сморщив нос от крепкого запаха красок, масла и химических компонентов, острых и резких. Эти запахи произвели поразительный эффект: Шарлотту внезапно охватило совершенно необъяснимое чувство.

«Я уже была здесь».

Оставив ее, Арбакл пересек просторную комнату и занял место перед мольбертом, возле которого стоял стул и маленький стол с ожидавшими художника кистями и банками. С величайшей осторожностью он снял с холста покрывало и какой-то миг пристально всматривался в свою работу, а затем у него на губах появилась неторопливая довольная улыбка.

– Елена! Лотти, вы моя Елена Троянская. Это мой шедевр, И я должен благодарить вас.

Минуя незавершенные работы мастера, Шарлотта подошла ближе к шедевру (его слова, не ее), удивляясь, как она могла обладать лицом той, кто столкнул между собой тысячу кораблей.

«Арбакл считает меня своей Еленой?» Шарлотта терялась в догадках, как все это могло произойти. Несмотря на шикарные наряды и модную прическу, она все еще оставалась мисс Шарлоттой Уилмонт с Куин-стрит и вряд ли заслуживала всего этого преклонения и непомерного восхваления.

Но Шарлотта не успела обойти мольберт, потому что Арбакл указал ей рукой куда-то позади нее.

– Идите, идите. Переоденьтесь, чтобы мы могли начать. Кроме того, думаю, у вас впереди еще много примерок и встреч, и где-то через час вы сможете вдоволь наговориться. – Он бросил на нее быстрый взгляд. – И, помимо всего прочего, сейчас великолепное освещение.

Вспомнив упомянутое Финеллой расписание ее остального дня, Шарлотта не нашла причин возражать художнику и просто пошла к ширме, на которую он указывал, но, зайдя за нее, не нашла там ничего, кроме позолоченной короны и длинной полоски тонкой ткани, с которой она не знала что делать. Во-первых, ею нельзя было прикрыться, а во-вторых, шелк был совершенно прозрачным. «Что ж, я вполне могла бы остаться и обнаженной».

При одной этой мысли Шарлотта замерла как громом пораженная. Ей на память пришел откровенный портрет, ви-

севший в ее спальне, – тот, где она возлежала на диване без всякой одежды.

Но как Арбакл мог так изобразить ее, если только она не была... голой?

О Господи, нет! Что же ей делать?

«Наверное, он просто забыл приготовить костюм», – тихо сказала она себе, стараясь, чтобы слова звучали убедительно. В конце концов, он рисовал ее еще с тех пор, как она была ребенком, и большинство его картин были наполнены отцовской любовью. А каковы были его чувства, когда он писал ее в этой распутной позе с таким выражением на лице?

– Где она? – услышала Шарлотта голос Финеллы.

Раздался шум, вернее, ворчание Арбакла, и Шарлотта могла поклясться, что видит, как он нетерпеливо махнул кистью в сторону ширмы.

Она непроизвольно оглядела крошечный закуток, ища место, где можно было бы спрятаться.

– Что тебя задерживает, дорогуша? О, я глупая. – Финелла снова усмехнулась низким горловым смехом. – Конечно же, тебе нужно помочь снять это платье. Сейчас приду.

Шарлотта не могла сказать, что ее больше привело в замешательство: то, что Финелла назвала ее «дорогушей», или то, что она предложила ей помочь раздеться, чтобы она могла позировать полностью обнаженной.

– Здесь нет костюма, – быстро шепнула Шарлотта, когда кухня торопливо зашла за ширму.

– Конечно же, есть. – Финелла коротким кивком указала на шелк, подтвердив самые худшие опасения Шарлотты.

– Но этого недостаточно, чтобы я могла прикрыться, – запротестовала Шарлотта, отодвигаясь подальше от Финеллы, и, сделав глубокий вдох, заставила свои губы произнести: – Я буду голая.

Прежняя Финелла упала бы в обморок только при упоминании о неприкрытых частях тела или по крайней мере объявила бы такое высказывание в высшей степени непристойным, и Шарлотта ожидала именно этого. Но на все, что прежняя Финелла считала неоспоримым, нынешняя не обращала никакого внимания.

– Лотти, – она уперлась руками в бедра, – это была твоя идея снова позировать обнаженной. Господи, что это с тобой сегодня случилось?

«Идея Лотти, возможно, – хотела она сказать кухне, – но мисс Шарлотта Уилмонт никогда с ней не согласится».

– А теперь снимай это, – скомандовала Финелла, – или, как мне ни больно говорить такие вещи, я попрошу Кимптона прекратить пополнять наши винные запасы.

Но Шарлотту не заботило, что Финелла скажет барону.

Она не собиралась оставаться в этой жизни, независимо от того, исполнилось ее желание или нет. Проскочив мимо Финеллы, она выбежала из дома Арбакла, словно за ней по пятам гналась вся греческая армия.

Глава 4

«Это не моя жизнь, это не моя жизнь», – твердила про себя Шарлотта всю дорогу от студии Арбакла до Мейфэра. Она не замечала ни презрительных взглядов тех, мимо кого проходила, ни свиста и шуток мужчин из проезжавших экипажей. Она сделала из себя посмешище, но ее это не волновало.

«Это не моя жизнь», – хотелось ей кричать всем и каждому.

Она даже не сознавала, куда идет, пока не оказалась на Беркли-сквер перед домом Марлоу. «По крайней мере, – с облегчением подумала она при виде номера пятнадцать, – кое-что осталось тем же самым».

Он стоял во всей своей красе – построенный из светлого кремового камня, с закругленным веерообразным окном над дверью, с арочными окнами и вытянутым треугольным фронтоном наверху, отличавшим его от всех других зданий на этой стороне площади. Конечно, дом Марлоу обязан быть непохожим на другие, и этот резной классический фронтон придавал ему индивидуальность.

И что же ей делать теперь, когда она стоит здесь? Мысль о том, чтобы снова увидеть лорда Трента, даже не пришла Шарлотте в голову, когда она стремглав убегала от Арбакла. Нет, должна была признаться себе Шарлотта, такая мысль

у нее промелькнула. Но зачем? Рассказать ему все? О том, как высказала желание и проснулась его любовницей? Она могла представить себе, что из этого получится.

«Лорд Трент, я не та, кем вы меня считаете. И я, безусловно, не Лотти Таунсенд. Я получила от своей двоюродной тетушки кольцо, но это не обычное кольцо, понимаете? И потом я высказала желание и стала этой... этой женщиной, которую все принимают за... о Боже... Я хочу сказать, что я, конечно, не ваша... не ваша...»

И скорее всего к тому времени, когда ей удалось бы, запинаясь, произнести все это, он бы уже держал ее в объятиях и целовал. Вероятно, он не слышал бы ни слова из того, что она говорила, упорно стараясь вывести ее из «одного из тех настроений».

«Я мисс Шарлотта Уилмонт, – напомнила она себе, сделав глубокий вдох и выдох. – Леди. Дочь дворянина. Скромная и сдержанная, как и подобает молодой девушке».

Ее мать и кузина Финелла, несомненно, следят за этим.

И что самое важное, она невинна. Ее девственность не тронута.

Однако сказанное раньше Себастьяном подразумевало нечто иное.

«Я придумаю, чем мы займемся потом. Вспомни об этом, когда начнется второй акт».

Вечером. Этим самым вечером. Что ей делать, когда он придет и захочет... захочет... соблазнить ее?

– Боже правый, – пробормотала Шарлотта, – я не могу пустить его к себе в постель.

– Безобразие! – раздался возмущенный возглас. Находясь в прострации, Шарлотта даже не думала, что ее бесцельное хождение перед домом Марлоу может привлечь чье-то внимание. Поморгав, она взглянула вверх на трех женщин, стоявших перед ней на лестнице.

Одна рассерженная матрона и две молодые леди огромными глазами в изумлении смотрели на Шарлотту, очевидно, услышав ее испуганное бормотание. В простых, но красивых соломенных шляпах и элегантных, но скромных платьях из муслина с растительным узором они выглядели респектабельными леди Мейфэра, отправлявшимися на дневную прогулку, после того как нанесли визит семейству Марлоу.

«Прекрасно! – подумала Шарлотта. – Кто еще стал свидетелем моего унижения?» Бросив еще один взгляд на стоявших перед ней леди, она почувствовала, что у нее остановилось сердце при виде абсолютно черных локонов, выглядывавших из-под чрезвычайно скромной шляпы, и смотревшей на нее пары большущих зеленых глаз.

– Гермiona, – прошептала Шарлотта, с трудом узнав свою лучшую подругу без ярких красок и причудливых перьев.

А рядом с сестрой лорда Трента стояла их мать, леди Уолбрук, лишившаяся склонности к ярким и (можно сказать, кричащим) шелкам и тафте; а по другую сторону стояла ле-

ди Корделия Марлоу, старшая сестра Гермионы, одетая в такое же невзрачное платье. Леди Корделия? Что она делает в Лондоне?

– О, Гермиона, как я рада, что встретила тебя, – не подумав, сказала Шарлотта и потянулась, чтобы взять подругу за руку, но Гермиона, услышав свое имя, в замешательстве покраснела и отпрянула назад.

Шарлотта перевела взгляд со своей самой близкой, самой дорогой подруги на леди Корделию, а потом на леди Уолбрук и поняла, что эти женщины, которых она знала и любила как родных, не остались прежними.

Так же, как она сама не была той же самой мисс Уилмонт.

Лицо графини стало багровым, и она замахнулась зонтиком на Шарлотту, словно на бродячую собаку. – Убирайтесь отсюда, распутница! Как вы смеете шляться здесь, словно имеете на это право?! – закричала она пронзительным голосом и, подхватив дочерей под руки, потянула их вдоль улицы за ближайший угол.

– Но я... – прошептала им вслед Шарлотта, – имею право.

Взглянув вверх на дом, который был для нее как второй родной, она увидела Фенвика, смотрящего вниз на нее. Но прежде чем она успела что-либо сказать (как будто она знала, что говорить при таких обстоятельствах), дворецкий с выразительным стуком закрыл дверь. Он не захлопнул ее в буквальном смысле, но вполне ясно дал понять: «В этом доме, мадам, вас не ждут».

Слезы защипали ей глаза и потекли по щекам, и, спустившись обратно по ступенькам, Шарлотта, споткнувшись о бордюрный камень, побрела по улице, а потом, перейдя через площадь, вошла в парк и там, опустившись на скамейку, в тревоге зажала в коленях стиснутые руки.

«Что со мной произошло?» Между тихими всхлипываниями и икотой Шарлотта пыталась восстановить дыхание и разобраться в совершенно невероятных событиях этого утра.

– Исполнилось ваше желание, вот и все, – произнес сбоку знакомый голос.

Шарлотта быстро обернулась в ту сторону и, к собственному удивлению, увидела сидящую рядом утреннюю уборщицу.

– Куинс!

– О, это хорошо, что вы помните мое имя. – Морщинистые щеки женщины сморщились еще сильнее.

– Разве я могу его забыть? – отозвалась Шарлотта, чувствуя, как внутри нее поднимается несвойственное ей раздражение. Она ткнула пальцем в женщину, теперь опять принявшую облик торговки цветами и державшую на коленях большую корзину с букетиками. – Что вы со мной сделали?

– Сделала с вами? – У женщины хватило наглости принять обиженный вид. – Я исполнила ваше желание. – Она занялась своими букетами, перекладывая и без того уже аккуратно разложенные цветы и расправляя ленты.

– Это совсем не то, что я хотела, – сказала Шарлотта. – Чтобы от меня отвернулись друзья, чтобы ко мне приставали на улицах! – Она посмотрела на дом Марлоу, и у нее из глаз едва не хлынули слезы. – Чтобы меня считали простой... грязной...

– Голубкой? – подсказала Куинс, протягивая ей старый носовой платок. – Дело в том, что ваше желание было весьма неопределенным. Вы просили любви, и вы ее получили.

– Я не такая женщина. – Шарлотта провела руками от верхушки кокетливой шляпы к низкому вырезу лифа платья и дальше к модно расшитой юбке.

– Конечно, такая! – Подняв голову, Куинс обзревала дело своих рук.

– У меня нет средств для подобной жизни. – Шарлотта наклонилась вперед. – Ну, Арбакл хочет рисовать меня... хм, полагаю, чтобы я... то есть я не думаю...

– Голой. – Куинс воздела глаза к небу. – Моя дорогая, если вы не можете даже произнести это, вы окажетесь в крайне затруднительном положении.

– И я говорю то же самое! – воскликнула Шарлотта. – Я не могу позировать... Я имею в виду... – Она так и не смогла произнести этого слова. – В таком виде, – наконец подобрала она выражение. *Обнаженной*. Открытой для всего мира. Это очень напоминало ей то, как она чувствовала себя этим утром, когда смотрела на лорда Трента, без всякого стеснения расхаживающего по комнате... – Думаю, вы совершили

ошибку. Я не из таких женщин.

– Вы определенно не та Шарлотта, которой были, – пощелкала языком Куинс, – а Лотти Таунсенд не считает эти ситуации неприемлемыми.

– Я не Лотти Таунсенд, – медленно и выразительно провозгласила Шарлотта. – И я не имею ничего общего с этим существом.

– Нет, вы не правы, – возразила женщина и, продолжая перебирать цветы, вытщила анютины глазки и бутон розы. – Моя дорогая, люди – такие сложные создания. Многогранные, расколотые, их характеры даже трудно описать. Мы все обладаем различными возможностями, присущими только нам чертами, которые по каким-то причинам никогда не анализируем. Общество, наш выбор и, я бы сказала, откровенная трусость удерживают нас оттого, чтобы полностью прожить свои жизни. Шарлотта Уилмонт и Лотти Таунсенд – это разные стороны вашей личности. Вы не говорите и не делаете ничего, что не соответствует вам самой.

– Но я ничего этого не помню. – Шарлотта обвела руками лежавший перед ними пейзаж. – Я никогда не была замужем. – Она помолчала немного, а потом, понизив голос, спросила: – Не была, ведь это так?

– Не были, – кивнула Куинс. – Финелла придумала басню о вашем романе на борту корабля с одним из офицеров адмирала Нельсона, когда вы оба были в Италии. История гласит, что он умер в Каире, и вы безмерно горевали по нему.

Трагическая история, но его имя создало атмосферу уважения к вашему положению.

– Я была в Италии?

– О да, – усмехнувшись, кивнула старуха. – Во время перемирия Финелла повезла вас в Париж, а потом в Италию. Чтобы перед началом своей карьеры вы приобрели некий лоск. С ее стороны это был замечательный поступок. И только взгляните на себя, до чего вы хороши!

– Но не только я – все стало другим. – Глубоко вздохнув, Шарлотта покачала головой. – Вот кузина Финелла...

– Просто потрясающая, хотите вы сказать?

Не найдя, что ответить, Шарлотта сжала пальцами виски. Кузина Финелла потрясающая? В этом заявлении было столько нелепости, что она не знала, с чего начать возражения, но Куинс, очевидно, не замечала ее растерянности и продолжала свою болтовню.

– Конечно, понадобилось кое-что специально подстроить, чтобы исполнить ваше желание. Большинство вещей – самых важных – осталось тем же самым, – успокоила она Шарлотту. – Но время подобно саду: его то морозит зима, то нежно ласкает весна, и никогда не знаешь, что пустит корни и зацветет. Вот и вы должны понять, что нельзя сделать чью-либо жизнь абсолютно гладкой, и поэтому Финелле пришлось немного измениться.

– Немного? Что за бред! Бы перевернули ее с ног на голову. Превратили меня в...

– ...в женщину, которую любит мужчина. Разве не это было вашим желанием? Быть женщиной, которую он любит. – Взяв букетик анютиных глазок, Куинс сунула его Шарлотте в руки. – И желанной не только для лорда Трента, должна я заметить. У вас куча поклонников. С этим я немного переборщила. – Она мечтательно вздохнула. – Нет, правда, не нужно меня благодарить.

– Благодарить вас?! – вскочив на ноги, взорвалась Шарлотта, готовая задушить эту исполненную благих намерений, вполне вероятно, безумную женщину, вмешивающуюся не в свои дела. – Я скомпрометирована. Погублена. – Сердце у нее бешено стучало, грудь высоко поднималась и опускалась, но она постаралась взять себя в руки, вдруг осознав, что устраивает сцену – публичную сцену. Сделав глубокий вдох и велев себе успокоиться, Шарлотта снова опустилась на скамью. «Я леди. Я не Лотти Таунсенд». Найдя в себе силы говорить, она продолжила: – Вы, очевидно, не поняли. Лорд Трент собирается сегодня вечером прийти ко мне. Он думает, что мы будем... Он, очевидно, считает, что мы будем...

«Заниматься любовью. В постели. Нагими. Сплетясь вместе». В общем, делать то, чего ей с трудом удалось избежать в это утро. Господи, неужели то, что ей не удавалось даже произнести что-либо подобное, вместо того чтобы краснеть и бессвязно лепетать, не служило достаточным доказательством того, что она вовсе не эта Таунсенд?

– О, послушать вас, так ваша жизнь уже кончена, когда на самом деле у вас есть все, чего вы желали. – Куинс, казалось, ничто не трогало. – Шарлотта, вы не глупая девушка. Это ваш шанс получить все, что вам хочется.

– Но...

– Никаких «но». Конечно, вы немного потрясены... Потрясена? Она стала падшей женщиной, пользующейся дурной славой. Любовницей Себастьяна Марлоу, виконта Трента.

Шарлотта сжала губы.

О, этот так изменившийся лорд Трент, бесстыжий, нагой, совершенно не тот благоразумный человек, к которому она много лет питала неразделенную любовь!

– А он? – спросила Шарлотта. – Что вы сделали с лордом Трентом?

– Виконта я ничуть не изменила. – Куинс непреклонно покачала головой. – Это все сотворили вы!

– Я? Как я могла вообще что-либо сделать? Вчера вечером я просто легла спать, а проснулась с... – Шарлотта уже была готова даже закончить предложение, но в этот момент неподалеку от них появилась няня с двумя маленькими детьми, и ей пришлось подождать, пока строгая дама со своими воспитанниками пройдет мимо, и только после этого она решилась сказать, понизив голос: – Он распутник. Лорд Трент, которого я знала, – «любила» – следовало бы сказать ей, но она совсем не хотела признаваться в этом Куинс, – никогда

не был бы таким... таким... – Она старалась подобрать слово, которое наиболее точно охарактеризовало бы Себастьяна.

– Похотливым? – со вздохом предложила Куинс. – Чувственным? Искусным?

– Нет! – Шарлотта покраснела. – Вы ошибаетесь. Он совсем не такой. Лорд Трент достойный, уважаемый, благородный человек.

– Он был таким. – Куинс махнула на нее рукой. – Но, как я уже сказала, вы его изменили.

– Я? – Шарлотта снова сжала руками виски и зажмурилась. Это полное безумие.

– Да, вы, – ответила женщина. – И должна заметить, просто поразительно изменили. Он был немного скучным человеком, до того как попал в ваше блистательное общество. Ныне же стал предметом злобных сплетен, так как без всякого стыда демонстрирует свою любовь к вам.

– Я не желаю этого слушать. – Шарлотта закрыла, руками уши. – Я этому не верю. Я бы никогда... Он бы не...

– И вы – да, и он – да, – возразила ей Куинс. – Только представьте себе, Шарлотта, на что была бы похожа его жизнь, если бы он не встретил вас и не влюбился бы.

– Он влюблен в нее, а не в меня, – В свою очередь, возразила Шарлотта. – До сегодняшнего утра он почти не знал о моем существовании.

– А теперь знает, – хмыкнула женщина.

– Несколько больше, чем следовало бы. – Все это изряд-

но раздражало Шарлотту. Одно дело – желать любви мужчины и совсем другое – ее иметь, особенно если этот мужчина принимает ее за кого-то другого.

– Значит, вы хотите вернуть все, как было прежде? – спросила Куинс со зловещей интонацией. – Чтобы он путал ваше имя и преподносил цветы другой?

Шарлотта даже не поинтересовалась, откуда этой женщине известны такие подробности, потому что возникший в ее сознании образ мисс Берк напугал ее больше, чем привидение.

– Вы освободили его душу, Шарлотта, – тихо добавила Куинс. – И заодно нашли свое сердце.

– Я просто не могу в это поверить. – Шарлотта взглянула в светлые глаза женщины.

– Верьте, во что хотите, – отозвалась Куинс и, встав на ноги, взяла на бедро корзину с цветами, – но это ваше желание, и вам стоит использовать его наилучшим образом. – Она собралась уйти, но Шарлотта, вскочив с места, схватила ее за локоть.

– Вы не можете вот так оставить меня. Я не помню ничего из своей новой жизни. И я совершенно не знаю, что делать.

– Позвольте ему любить вас, а остальное, ну... – Морщинистое лицо Куинс смягчилось, и ее странные зеленые глаза засветились. – И не нужно все время так переживать. Скоро воспоминания о вашей прежней жизни сотрутся, и у вас останется только любовь, которой вы хотели больше всего на

свете. В таких вещах я редко ошибаюсь.

И это должно служить утешением?

– Конечно, всегда нужно чем-то жертвовать, некоторые изменения неизбежны, но взгляните туда. – Куинс кивнула в сторону дома Марлоу. – Разве он не стоит всех их?

Обернувшись, Шарлотта увидела виконта, спускавшегося по лестнице отцовского городского дома.

Он сменил одежду и выглядел настоящим франтом. Его заливчатски сдвинутая шляпа, бриджи, плотно обтягивающие бедра, темно-вишневая куртка и яркий жилет были совсем не характерны для того сдержанного человека, каким Шарлотта его знала.

Она повернулась к Куинс, чтобы попросить ее сделать Себастьяна таким, каким он был раньше, но женщины уже не было, она исчезла так же неожиданно, как и появилась.

Еще несколько секунд Шарлотта смотрела на пустое пространство, а затем ее взгляд упал на лежавший на скамье небольшой букетик фиалок, завязанный голубой лентой. Взяв его и поднеся к носу, она глубоко вдохнула сладкий аромат, а затем, подняв голову, увидела, что кучер подал экипаж виконта и молодой человек собирается сесть в него.

Ни о чем не думая и все еще сжимая в руке фиалки, Шарлотта бросилась к Себастьяну, движимая каким-то необъяснимым притяжением.

Она сбежала с тротуара, не заметив, что у нее на пути оказался другой экипаж. Кучер успел вовремя остановить ло-

шадей, а Шарлотта испуганно взглянула вверх на мужчину, натянувшего поводья, и в мгновение ока забыла, что едва не оказалась под колесами.

– Никак это очаровательная миссис Таунсенд, – иронически усмехнулся мужчина. – Слегка заблудились, да? – Бросив поводья груму на запятках, он спрыгнул вниз с сиденья, и когда мужчина обошел лошадей спереди, Шарлотта увидела, кто передней.

Лорд Лаймен, один из самых знатных и известных людей в городе. На прошлой неделе, когда он проскакал в парке мимо них, ее мать назвала его исключительно приятным.

Однако чувство, от которого при его приближении у Шарлотты по спине побежали мурашки, нельзя было назвать таким.

– Что скажете, мадам? Не поехать ли нам немного развлечься днем? – Он выразительно повел бровями, не сводя глаз с выреза ее платья, и прежде чем Шарлотта успелаобразить, что он собирается сделать, лорд резко вытянул руку и, схватив ее за локоть, притянул к себе.

У Шарлотты перехватило дыхание не только от удивления, что с ней так грубо обращаются, но и от образов и картин, которых она не помнила, но которые вдруг навалились на нее, словно страшный сон.

Темный угол в театре. Он крепко и больно держит ее рукой за локоть, как сейчас.

– Ты будешь моей, сучка. Еще до окончания сезона.

Она старается освободиться от его жесткой хватки, вырваться от него, но он крепко держит ее, демонстрируя свою власть над ней.

– Ни за что, милорд. Вы никогда не добьетесь моей благосклонности.

– Мне не нужна твоя благосклонность, мне нужно только удовольствие от твоего общества. – Он притягивает ее ближе, пока его горячее дыхание не обжигает ей ухо. – Я мастерски овладею тобой и научу, как вести себя, заносчивая сучка, научу хорошим манерам.

Ее сердце наполняется холодным страхом.

Взяв другой рукой снизу ее грудь, он больно сдавливает ее.

– Трент и месяца не протянет со всеми своими долгами, и потом тебе придется искать покровителя – умолять меня о помощи. Подумай.

Шарлотта постаралась избавиться от кошмарных воспоминаний. Как эти мысли могут принадлежать ей? Никогда прежде она не встречалась и тем более не разговаривала с этим человеком, но сейчас он держал ее, и она знала в глубине души, что это сам дьявол.

– Оставьте меня. – Она пустила в ход все презрение прежней, надменной Финеллы, которое могла найти в себе, но он только рассмеялся и еще ближе наклонился к ней.

– Ты выберешь меня, потому что у меня есть золото, чтобы купить тебя. И я тебя получу. – Злобная усмешка обезоб-

разила его обычно приятное лицо, а взгляд светлых голубых глаз, в которых вспыхнул темный, пугающий огонь желания, продолжил блуждать по ее груди.

Но одно Шарлотта знала точно: ни она, ни Лотти никогда не будут иметь ничего общего с этим человеком. И, как сказала Куинс, она почувствовала внутреннюю силу, о существовании которой никогда не подозревала. Но сейчас она разгоралась внутри ее, как пламя горящего в темноте факела.

Слова, мысли, поступки, которых леди из Мейфэра, застенчивая старая дева, не могла даже вообразить себе, а не то что пустить в ход, сорвались с губ Шарлотты со всей дерзостью и выразительностью.

– Только после моей смерти, мерзавец! – прошипела она, стараясь освободиться.

Но если Лотти, возможно, и была способна справляться с такими, как Лаймен, прибегая к наглости базарной торговли, то Шарлотта не умела обращаться с подобными хамами.

– Проститутка в спальне и на улице тоже. – С искаженным от ярости лицом Лаймен слегка отодвинулся от Шарлотты и затем ударил ее.

Шарлотта не увидела, а почувствовала удар, который отбросил ее назад. Упав, она стукнулась головой о бордюр тротуара, у нее перед глазами засверкали искры, и она приложила все силы, чтобы не потерять сознание.

Лаймен наклонился над ней, и Шарлотта подумала, что он

собирается окончательно добить ее, но внезапно он отлетел вверх и назад.

– Как вы смеете! – раздался негодующий возглас ее спасителя.

Шарлотта открыла глаза – лорд Трент. Сильный и высокий, он поднял более низкого мужчину в воздух, так что у того болтались ноги.

– Это вы как смеете?! – возмутился Лаймен. – Вы не лучше этой шлюхи.

Трент ответил ему ударом кулака в лицо.

– Если вы когда-нибудь осмелитесь снова заговорить с миссис Таунсенд, если вы хотя бы прошепчете ее имя, я душу из вас вытрясу, подлый негодяй.

Шарлотта не знала, чему удивляться больше – ледяной угрозе, звучавшей в голосе лорда Трента, или тому, что ради нее он готов убить другого на глазах половины светского общества.

– Отпустите его, – сказала Шарлотта. – Это не стоит лишних сплетен. – Она кивком указала в обе стороны улицы, где замерло все движение, а почти из-за каждой шторы любопытная пара глаз наблюдала за перебранкой.

Послушавшись ее, лорд Трент, вместо того чтобы сводить с негодяем счеты, поднял Лаймена и бросил его в экипаж головой вниз, так что бедняга стал беспомощно дрыгать в воздухе ногами.

– За это я вас убью, – задыхаясь, прохрипел Лаймен, ста-

раясь подняться.

– Попробуйте, – усмехнулся Себастьян.

– Завтра утром я пришлю своих секундантов, – угрожающе пообещал Лаймен, с трудом забираясь на кучерское место своего дорогого фаэтона.

– «Если сможете найти кого-нибудь, кто сочтет, что ваша честь стоит того, чтобы за нее постоять. – Подняв голову, Себастьян прикрикнул на беспокойную пару лошадей, заставив их сорваться с места.

Лаймен едва удержался на сиденье, а его несчастному груму не оставалось ничего, кроме как покрепче ухватиться за задок экипажа.

Лорд Трент тотчас обернулся к Шарлотте и, вмиг оказавшись рядом с ней, поднял ее на руки.

– Боже мой, Лотти! Ты не пострадала? Этот мерзавец не причинил тебе вреда?

Шарлотта осознала, что прижимается к груди Себастьяна и окружена его силой и теплом объятий, а он поглаживает ее, но не так, как это было недавно, а ласково и заботливо. Она почувствовала свежий аромат лавровишневой воды и тот мужской запах, который раньше околдовал ее.

– Наглец! – прорычал Себастьян и, отстранив Шарлотту на расстояние вытянутой руки, с беспокойством оглядел ее. – Если он тронет хоть волосок на твоей голове, клянусь, я его...

Шарлотта заглянула в глаза Себастьяну, чувствуя, как ее

сердце наполняется счастьем от такой трогательной заботы о ней. Звон в голове и ссадина на лбу были ничто по сравнению с этим.

Он ее любит.

Чтобы понять это, ей совсем не нужно было услышать из его уст признание. Она всегда представляла себе, как это будет, когда мужчина посмотрит на нее и она увидит у него в глазах восхищение и любовь, идущие из самого сердца.

И вот он здесь. Смотрит на нее. Лорд Трент любит ее. Именно так, как она хотела, как всегда мечтала, как желала. И это еще не все – он готов драться за нее! Кто бы мог подумать такое об уравновешенном, практичном Себастьяне Марлоу?

– Боже мой! У тебя идет кровь! – Он в ярости посмотрел вслед экипажу Лаймена, терявшемуся в потоке движения – Я убью этого негодяя.

Шарлотту не заботило, что она поранилась, ее не волновало, что неприлично быть на руках у Себастьяна посреди площади, ей было все равно, что ради нее он не откажется совершить убийство.

Лорд Трент ее любит. О, это замечательно.

– Необходимо, чтобы тебя осмотрел хирург. – Сунув руку в карман куртки, Себастьян достал носовой платок и осторожно приложил его ей ко лбу. – Очень больно?

– Нет. – Слегка покачав головой, Шарлотта подумала, что могла бы вынести любую боль, если бы он вот так держал ее.

Но Себастьян не удовлетворился ее ответом и, еще раз окинув взглядом обращенные к ним любопытные лица, твердо сказал:

– Я должен забрать тебя с этой улицы. – Взяв ее руку, он положил ее на прижатый к виску платок. – Держи это здесь, если не хочешь объяснять Финни, почему у тебя все платье в крови. – И затем без всякого предупреждения он направился к дому, неся ее на руках.

– Лорд Трент! – запротестовала Шарлотта. – В этом нет необходимости.

– Очень даже есть, – коротко бросил он, пересекая улицу большими решительными шагами. Казалось, он был доволен, что ему представилась возможность выступить в роли ее донкихота, ее защитника.

– О Господи, ты не должен этого делать! – снова запротестовала Шарлотта, оглядываясь на то место, где она упала. – Сейчас же отпусти меня.

– Не отпущу.

В голове у нее стучало, и стычка с Лайменом совершенно лишила ее способности что-либо понимать – ну, почти лишила.

– Остановись же. Ты забыл мою шляпу!

– Грустишь об этом уродище? – засмеялся он. – Ты же ударила голову.

– Моя шляпа, – повторила Шарлотта. По ее представлению, она стояла целое состояние, и Шарлотта не собиралась

бросать ее на дороге.

– Ты неповторима, – пробормотал Себастьян и, повернувшись, пошел обратно. Держа на руках Шарлотту, он ухитрился нагнуться и поднять шляпу. – А теперь я настаиваю, чтобы ты показалась хирургу.

И его низкий строгий голос не допускал возражений.

Себастьян снова пошел через улицу, привлекая удивленные взгляды и вызывая волну перешептывания, и когда они прошли полпути до лестницы, парадная дверь распахнулась, и из дома торопливо вышел Фенвик.

– Милорд! Одна из служанок сказала, что на улице какое то происшествие и что вы... – Он резко замолчал, в удивлении глядя на открывшуюся перед ним картину. – Боже правый! – наконец смог он произнести. – Что вы делаете?

– Миссис Таунсенд пострадала, и ей нужен хирург.

– Милорд! – возмущенно воскликнул Фенвик, когда Себастьян уже готовился переступить порог дома Марлоу.

– В чем дело, друг мой? – обернулся молодой человек. Фенвик глубоко вздохнул, как будто старательно подбирал слова, а потом просто кивком указал на Шарлотту.

– Вы полагаете, это разумно?

Виконт тоже посмотрел вниз на нее и поежился.

Шарлотта сначала не могла догадаться, о чем речь, пока не поняла, что именно не нравится Фенвику – не нравится она:

Конечно, прежде не имело никакого значения, что мисс

Шарлотта Уилмонт приходила и уходила, но привести в благородный дом графа Уолбрука даму, подобную миссис Таунсенд, средь бела дня – это совершенно иное дело.

– Может быть, вы закажете мне наемный экипаж? – предложила Шарлотта. – Я могу подождать здесь.

– Великолепная идея, – согласился Фенвик.

– Что за глупость! – нахмурился виконт. – Чтобы снова столкнуться с Лайменом или с кем-нибудь таким же, как он? Или, еще хуже, чтобы тебя увидела леди Паруич с той стороны площади?

Даже Фенвик ничего не мог возразить против этого. Славящаяся своим высокомерием леди Паруич получила бы возможность целый день обсуждать такое событие: «Куда катится Мейфэр?! Никогда не догадаетесь, кого я видела околачивающейся на лестнице дома Марлоу, как простая...»

– Согласен, – в конце концов сказал Фенвик, хотя в его словах не прозвучало особого одобрения. Тяжело вздохнув, он махнул рукой в сторону двери и возвел глаза к небу, словно прося прощения за такой нечестивый визит.

Перешагнув через порог, Себастьян посмотрел вниз на Шарлотту, и самая озорная из улыбок коснулась его губ, а привычное серьезное выражение взяло на мгновение выходной.

– Мадам, вы должны мне двадцать пять фунтов.

– Двадцать пять фунтов?

– Да, и я желаю получить все двадцать пять, – объявил он.

Его глаза искрились торжеством, как будто он внезапно что-то вспомнил и безмерно гордился собой.

– За что? – Шарлотта пошевелилась у него на руках, но он в ответ лишь крепче прижал ее к себе.

– Неужели ты не помнишь?

«Поверь мне, сегодня я мало что помню», – хотела бы сказать ему Шарлотта, но вместо этого только покачала головой.

– Я поспорил с тобой на двадцать пять фунтов, что в один прекрасный день перенесу тебя на руках через этот порог. И сейчас я это сделал. – Он подмигнул Шарлотте. – Не совсем так, как собирался, но пари есть пари.

– Не думаю... – пробормотала она, убрав от виска руку с зажатым в пальцах платком.

– Лотти Таунсенд! – Он предупреждающе подтолкнул Шарлотту. – За тобой многое водится, но я никогда не думал, что ты способна нарушить данное слово. А теперь приложи платок обратно туда, где он должен быть, и признай, что я выиграл честно и справедливо. – Его изумрудные глаза снова блеснули. – Если у тебя нет денег, можно поступить как обычно.

Как обычно? Господи, что это значит? Шарлотта не успела осознать, что кроется за словами Себастьяна, потому что внезапно обнаружила, что дом, в который они вошли, ни по убранству, ни по планировке совершенно не похож на любимый ею дом Марлоу. Она с изумлением смотрела на все вокруг, словно попала к иностранному двору.

– А где же все? – не подумав, вслух спросила Шарлотта.

– Что ты имеешь в виду? – Себастьян остановился по дороге в гостиную.

Несколько секунд она молчала, не зная, с чего начать.

– Коллекция твоего отца?

– Моего отца? – хмыкнул Себастьян. – Единственное, что он постоянно коллекционирует, – это карточные долги.

Шарлотта заметила, как покраснел Фенвик, но не могла сказать, было ли это выражением согласия или неодобрения того, что о хозяине дома говорят нечто неподобающее.

– Ты хочешь сказать, что он здесь? В Лондоне? – Шарлотта никогда не встречалась со знаменитым лордом Уолбруком, потому что он уехал задолго до того, как она подружилась с Гермионой и ее семьей.

– Слава Богу, нет. Он где-то бродит или охотится с ружьем, что-то в этом роде.

– Рыбачит, – уточнил Фенвик.

– Да, вот именно, – согласился Себастьян. – Ловит форель. Но он вернется домой грязный и, очень похоже, после месячной пьянки.

– А как же его занятия? – не унималась Шарлотта, глядя в сторону того места, где должен был красоваться восточный сундук с постыдной статуей, но вместо него стоял обычный сервант с простым подносом для писем.

– Его – что?

– Его занятия. Его исследования ранних культур и перво-

бытных... – Замолчав, она оглянулась в поисках всяких диковинок, которые граф прислал домой из Южных морей, – боевой маски, двух огромных индийских ваз, написанной на шелке картины с замысловатыми китайскими иероглифами.

К сожалению, все эти вещи, делавшие дом Марлоу таким интересным, исчезли, и взамен их Шарлотту окружали такие же крикливые (и обычные) предметы, как в любом другом доме Мейфэра. И это наводило на мысль, что граф Марлоу тоже изменился.

– Что я натворила, – едва слышно прошептала Шарлотта. Внезапно у нее возникла масса вопросов, и она задала бы их, если бы не заметила, как Фенвик и Себастьян смотрят на нее, и не почувствовала бы всю глубину их недоумения. Да, она почти явственно услышала вопрос, который был написан у них в глазах. «О чем вы говорите?»

О Господи, изменения в семействе Марлоу не ограничились только появлением простого платья у Гермiony и новой раскованной манеры поведения у Себастьяна.

– Понимаешь, я думала, что благодаря путешествиям твоего отца здесь будут... – Она оборвала себя на середине фразы, поняв по озадаченным взглядам, которыми обменялись мужчины, что они абсолютно не понимают, о чем она говорит. Окончательно смутившись, она снова взглянула туда, где когда-то стояла величественная статуя, заставлявшая злословить все высшее общество.

– Путешествия моего отца? – Себастьян покачал головой.

– Вряд ли его поездки в Шотландию можно считать заслуживающими внимания. – Он посмотрел на сервант и поднос, а потом снова перевел взгляд на Шарлотту. – Что ты ищешь, Лотти?

– Ничего, – тихо ответила она и, глубоко вздохнув, прогнала прочь тревогу, наполнявшую ее грудь. Все ушло. – Мне показалось, что я... Впрочем, не важно, милорд.

– По-моему, необходимо пригласить хирурга. Ты выглядишь очень бледной. Немедленно пошлите за мистером Кэмпбеллом, – обратился Себастьян к дворецкому. – А ты, Лотти, прижми платок к голове, если не хочешь испортить кровью свое платье.

– За хирургом? Вы серьезно, милорд? – Фенвик тихо заворчал. – Не знаю, разумно ли это.

– Это просто шишка, – добавила Шарлотта. – Если ты позволишь мне прилечь, чтобы прийти в себя...

– Мадам, вероятно, права, – поспешил поддержать ее Фенвик. – Короткий отдых, немного чего-нибудь укрепляющего, и она может... – Дворецкий крепко сжал губы, но Шарлотта отлично представляла себе, как ему хотелось закончить это предложение словами: «...убираться, пока я ее не выставил».

Их разговор, по-видимому, расстроил Себастьяна, но он не стал спорить.

– Тогда пусть слуга принесет сюда миску горячей воды, тряпки и щетку для волос, а еще графин бренди – хорошего,

имей в виду.

– Да, милорд, – ответил Фенвик, нахмутив брови. – Я думаю, было бы лучше, если бы вы оба перешли в утреннюю столовую.

«Другими словами, – подытожила Шарлотта, пока Себастьян нес ее через холл, – как можно дальше от глаз».

Утренняя столовая, как и весь остальной дом, тоже пертерпела изменения. На стенах висели приличные картины, и им вполне соответствовали ситцевые драпировки и нежные цвета.

Шарлотта никогда не думала, что будет скучать по греческим статуям Артемиды и Актеона, волкам и всему прочему, принадлежавшему леди Уолбрук.

– Эй, Себастьян, – раздался мужской голос, дверь в противоположной стене отворилась, и в холл на полной скорости влетел Гриффин, младший брат виконта, – не одолжишь мне пятьсот фунтов? И прежде чем ты скажешь «нет», я обещаю, что на этот раз... – Он оборвал себя и тихо присвистнул, остановив взгляд на Шарлотте. – Бог мой! – Это было все, что он смог сказать, до того как посмотреть на брата. – Скажи, что это означает: мама ушла на прогулку или она отошла в мир иной?

– Грифф... – недовольно проворчал виконт, – следи за тем, что говоришь.

Эта более хрупкая версия Марлоу-наследника схватила за руку старшего брата и потащила в сторону.

– О чем ты, черт побери, думаешь? Мама с тебя шкуру спустит – а как я теперь понял, и с меня тоже, – если узнает о твоей... твоей... гостье. – Он чуть ли не виновато снова посмотрел на Шарлотту.

«Что ж, – подумала Шарлотта, – хоть что-то осталось знакомым». В этом перевернутом вверх ногами мире Гриффин остался таким же бесцеремонным, как всегда.

– С миссис Таунсенд произошел несчастный случай, – объяснил брату Себастьян. – Я привел ее сюда, просто чтобы она немного оправилась.

– Попала под твою восхитительную коляску? – Гриффин жестом указал на Шарлотту.

– Нет. – Себастьян наполнил два бокала из графина, который взял в серванте. – Лаймена.

– Что этот мерзавец сделал? – Кривая усмешка брата мгновенно превратилась в тонкую линию, и он молча посмотрел на Шарлотту, теперь понимая, почему у нее такой растрепанный вид. – Кто-то должен проучить его.

– Лорд Трент это уже сделал, – сказала ему Шарлотта. – Прямо посреди площади.

– Ты отделал Лаймена? – У Гриффина от изумления открылся рот. – Прямо там? Перед... перед всеми?

Осушив бокал, Себастьян кивнул, и его брат застонал.

– Значит, так. Следующие несколько дней я проживу у сэра Джошуа. Мне не хотелось бы находиться здесь в тот момент, когда мамочка об этом услышит. – Гриффин направился к

выходу из комнаты так же стремительно, как вошел. – Я бы предложил сказать ей, что ты был пьян и ничего лучше не мог придумать. – Он покачал головой. – Впрочем, нет. Когда на прошлой неделе произошло то небольшое недоразумение, это не помогло. Кстати, о деньгах. Ты можешь дать мне в долг?

– На что в этот раз? – поинтересовался Себастьян. – На опыты по алхимии или на эликсир жизни?

– Это в прошлом, – усмехнулся Гриффин. – Я открыл кое-что новое. Мы с сэром Джошуа полагаем, что изобрели способ управлять временем.

Себастьян закрыл глаза и застонал, а Шарлотта прижала пальцы к губам. Нет, Гриффин ни чуточки не изменился. Он был все таким же неутомимым, хватаящимся то за одну безумную идею, то за другую, а в последнее время начал делиться своими теориями и работать с сэром Джошуа Смитом, ученым-любителем, жившим в соседнем доме.

– Могу я задать вопрос?

– Вот еще, ты все равно ничего не поймешь, – ответил ему Гриффин. – Можешь ты дать мне денег или нет?

– Нет.

– Вот уж не думал. – Гриффин погрузился. – Не повезло, как и с мамочкой. Скажи мне, что я дошел до точки, если думаю, что могу построить машину, чтобы путешествовать во времени.

– Что? – встрепенулась Шарлотта.

Гриффин повернулся к ней, радуясь, что нашел человека, способного если не оценить, то по крайней мере выслушать его теорию.

– Машину времени. Это как экипаж. Но вместо того чтобы ехать из Лондона в Бат, вы отправляетесь, скажем, в другой век, например в 2010 год. Ну так что, миссис Таунсенд? – Он выразительно поднял бровь. – Не хотите ли одолжить мне несколько фунтов на новую книгу о возможностях электричества? Сделаете вклад в процветание человечества?

– Сомневаюсь, что в данный момент могу что-нибудь дать в долг, – рассмеявшись, покачала головой Шарлотта. Честно говоря, за всю ее жизнь у нее не было такой суммы денег, а Гриффин вел себя так, словно речь шла о карманной мелочи.

Он секунду помолчал, смущенно улыбаясь, как будто ожидал, что кто-нибудь из них передумает, а когда стало ясно, что он не получит желаемого, слегка поклонился и направился к двери, бормоча себе под нос:

– Я сделаю нас всех богатыми, когда открою, как использовать относительную скорость...

Покачав головой, Себастьян снова наполнил свой бокал. Пройдя через комнату, он подал один бокал Шарлотте, а другой поставил на стол позади себя и, нежно глядя на Шарлотту, принялся медленно вытаскивать шпильки из ее волос.

– Прошу прощения за моего брата. Он весьма...

– Очарователен.

– Сомневаюсь. Он сумасшедший. Хочет довести мать до

Бедлама всеми своими теориями и экспериментами. Знаешь, позавчера ночью он снес садовую ограду вместе с бесценными вьющимися розами сэра Джошуа. – Себастьян снова покачал головой.

– Он не замышляет ничего плохого.

– Ты его не знаешь, – заметил Себастьян. – Но он напомнил мне кое-что, о чем я чуть не забыл. – Он отошел от Шарлотты, а потом оглянулся и ухмыльнулся. – Не двигайся, – приказал он и быстро вышел из утренней столовой.

Шарлотта услышала, как он застучал сапогами, поднимаясь по лестнице на второй этаж, но даже не успела предположить, что он задумал, как Себастьян уже вернулся с одной рукой, спрятанной за спину, и с дурашливой улыбкой на губах.

– Закрой глаза, – скомандовал он и, когда она открыла рот, чтобы заговорить, покачал головой. – Закройте глаза, миссис Таунсенд. Это приказ.

Шарлотта в недоумении подчинилась и закрыла глаза. Она услышала, как он подходит к ней, и почувствовала приблившийся нежный аромат лавровишневой воды.

– Теперь открой, – шепнул Себастьян.

Распахнув глаза, Шарлотта увидела, что он протягивает ей маленькую книгу.

– Надеюсь, она тебе понравится. Я приобрел ее специально для тебя. Здесь в одном томе все стихи и поэмы, которые ты любишь.

Шарлотта взяла книгу, и первая же поэма, которую она увидела, привела ее в полное изумление.

– Кольридж? Откуда ты знаешь? – Она любила читать Кольриджа, хотя втайне и за закрытыми дверями, потому что стихи этого человека были совершенно, гм, непристойны.

– Откуда знаю? – Себастьян рассмеялся. – Полагаю, все те ночи, когда я читал его тебе, могли бы послужить намеком. Но там есть еще и Блейк, и немного из Джона Донна, а также Милтона. О, и еще несколько шуточных стихотворений на случай, если туда заглянет Финни.

Шарлотта держала в руках книгу и, не веря себе, смотрела на красный кожаный переплет. Он сделал это для нее? Однако она не успела ничего сказать, потому что в комнату вошел Фенвик с миской и всем прочим необходимым, и машинально спрятала тонкий томик в карман платья подальше от чужих глаз.

– Замечательно! – воскликнул Себастьян, обращаясь к дворецкому, и, отжав тряпку, принялся протирать Шарлотте висок, с полной серьезностью отнесясь к своей задаче. – Рана не такая страшная, как мне показалось, так что, возможно, я несколько поторопился с хирургом. Просто маленькая ссадина, и будет небольшая шишка. Я и сам смогу тебя полечить, – объявил он и, закончив протирать поврежденное место, открыл баночку с остро пахнущей мазью и погрузил в нее пальцы.

– Ужасный запах. – Шарлотта, сморщив нос, остановила

его руку.

– Да будет тебе известно, это бесценный бальзам Кука.
– Себастьян высвободил свою руку и нанес мазь на висок Шарлотте.

– Когда это ты стал таким образованным? – Шарлотта слегка вздрогнула, едва его пальцы коснулись больного места.

– Больно? – Себастьян отдернул руку.

– Нет, когда ты здесь, – ответила Шарлотта, совсем забыв, что Фенвик все еще в комнате.

Дворецкий неодобрительно засопел, но Себастьян подмигнул ей, как бы говоря: «Не обращай на него внимания».

– Давно ли ты стал таким замечательным хирургом? – настойчиво повторила она, велев себе не обращать внимания на разгневанного дворецкого.

– Боксируя в Итоне. Как-то за один семестр мне пришлось использовать целую банку этого Кука, потому что я все время оказывался у Рокхеста на полу.

– Ты боксируешь?

– О, прекрасно. – Он присел на корточки и снова опустил пальцы в баночку. – Думаю, удар, который я нанес в лицо Лаймену, был замечательным.

– Я и не знала. – Шарлотта прикусила губу.

– Не знала? – Себастьян покачал головой, продолжая наносить противный бальзам. – Вероятно, тебе все же нужен доктор. Ты выиграла множество пари на моих боксерских

состязаниях, а теперь у тебя хватает совести дразнить меня. За это, Лотти Таунсенд, тебя стоит выкинуть на улицу, но, — он улыбнулся Шарлотте, — ты можешь добавить это к моему счету на будущее.

Он боксировал? И она заключала пари на его победу? Нет, Куинс была совершенно не права, ей ни за что не удастся эта проделка.

— Кхе, — кашлянул дворецкий, чтобы напомнить парочке о своем намеренном присутствии.

— Закончено. — Себастьян вытер пальцы тряпкой. — Думаю, у тебя, слава Богу, не будет большой отметины. Как я сказал, это всего лишь ссадина, и ее большая часть спрячется под волосами. Во всяком случае, мазь Кука добрую неделю удержит на расстоянии стадо твоих поклонников.

Шарлотта закрыла рот и подумала, не зажать ли ей и нос.

— Возможно, это и кстати, если среди них есть еще такие, как Лаймен. — Она встала на слегка дрожащие ноги и с помощью Себастьяна подошла к зеркалу. Если не считать вонючей мази, то в остальном Шарлотта выглядела не хуже обычного. — Пожалуй, я полностью оправилась. Должна сказать вам спасибо, милорд. Как еще я могу отблагодарить вас?

— О, этим вопросом мы займемся позже, — ответил он тем же насмешливым и развязным тоном, каким говорил с ней утром.

Шарлотта вспыхнула, потому что ее вопрос не содержал никакого намека, и увидела в зеркале, как Фенвик закатил

глаза к потолку, очевидно, считая такое заявление просто еще одной ношей, которая легла на него в этом доме.

– Фенвик, где его милость? – затараторил вбежавший в этот момент в комнату слуга. – Я получил распоряжение от ее милости, и хозяйка хочет, чтобы они... – Он резко прервал свою несвязную речь при виде живописной картины, которую представляли собой семейный дворецкий, лорд Трент и любовница его милости, стоявшие вместе как ни в чем не бывало. Слуга пробормотал еще что-то по-гэльски, а потом плотно закрыл рот.

– В чем дело, Патрик? – Фенвик выпрямился. – Выкладывай быстро, парень.

Властный голос дворецкого вывел беднягу из состояния шока.

– Ее милость послала меня узнать, что так надолго задержало лорда Трента. Она в страшном негодовании из-за его отсутствия, просто рвет и мечет. Если вы не возражаете против таких моих слов. – Он слегка склонил голову в сторону виконта.

– Нисколько. Моя мать может быть... хм... скажем, весьма сердитой.

– Ее милость права. Вы должны быть у Берков. Они, вероятно, ждут, чтобы сделать оглашение, – заявил Фенвик.

Его выразительно подчеркнутое последнее слово напугало Шарлотту, пожалуй, больше, чем отвратительное обращение с ней Лаймена.

Оглашение? Но это могло означать только одно...

Тяжело вздохнув, Себастьян вытер руки одним из оставшихся кусков тряпки.

– Ну что ж, Пэдди, вы доставили мне приказ, и я отбываю к... на свой завтрак, – поправил он слова Фенвика. – Пойдем, дорогая, я не рискну оставить тебя на заботливое попечение Фенвика. Говорят, в молодые годы он был сладострастным дьяволом, и в нем еще могло остаться немного похотливости.

Фенвик покраснел, а Пэдди ухмыльнулся, но улыбка моментально исчезла с его лица, как только дворецкий бросил на молодого слугу грозный взгляд, запрещающий смеяться над шуткой его сиятельства и повторять ее.

Себастьян провожал Шарлотту, но она даже не замечала, что они выходят из дома, потому что терялась в догадках.

В это утро Берки устраивают не просто завтрак в саду, это прием по случаю помолвки. Помолвки лорда Трента и мисс Берк.

У дома ожидала элегантная, модная двуколка Себастьяна, и они остановились рядом с ней.

– Полагаю, ты должен ехать, – сказала Шарлотта, снова почувствовав себя потерянной и одинокой.

– Что? Ты так скоро оставляешь меня на съедение волкам? – Он взял ее руку и поднес к губам. Эта сцена была бы чрезвычайно романтической, если бы Шарлотта не знала, куда он направляется. – Ей-богу, Лотти, моя любовь, ты же не думаешь, что я оставлю тебя здесь, на улице? Встреча с тобой –

это судьба. Ты спасла меня от самого себя.

– Но твоя мать и... и...

– Мисс Берк, – закончил за нее Себастьян. – Ты же знаешь, как я отношусь ко всему этому.

Нет, она не знала.

– Родители требуют, чтобы я женился на этой девушке, ее семья в восторге, но... я... – Он глубоко вздохнул и посмотрел вниз на Шарлотту. – Она – это не ты.

«Не я?» Шарлотта отступила на шаг.

– Не смотри на меня так, – торопливо сказал Себастьян. – Я знаю, ты считаешь, что мне следует жениться на ней.

«Жениться на мисс Берк?» – Шарлотта содрогнулась, ей было бы приятнее знать, что он предложил руку и сердце какой-нибудь... проститутке.

– Конечно, – продолжал объяснять Себастьян, – женитьба на Лавинии пополнит мой карман, но, черт побери, Лотти, как я могу это сделать? Во всяком случае, до тех пор, пока не буду убежден, что...

Он заглянул в глаза Шарлотте с такой мольбой, что у нее чуть не разорвалось сердце.

«В чем убежден?» – хотелось ей спросить.

– О, ты опасная женщина, – рассмеялся он. – Клянусь, я могу утонуть в твоих глазах. А теперь делай то, что у тебя получается лучше всего, и сегодня соврати меня с пути истинного. – Он усмехнулся, этот обольстительный дьявол, которого она не знала, но находила совершенно неотразимым.

– Или позволь мне отвезти тебя домой, если только не хочешь прогуляться пешком.

У Шарлотты чуть не сорвалось с языка, что она не возражает пройти, потому что ее дом всего лишь за углом, но потом вспомнила, что она больше не живет там.

Дело еще и в том, что она не знала, как добраться на Литл-Тичфилд-стрит, потому что раньше об этом не задумывалась.

– О да, я буду у тебя в долгу, – согласилась Шарлотта.

– У тебя сегодня странное настроение, – засмеялся Себастьян. – У меня в долгу, как же! – Он низко официально поклонился, а когда выпрямился, она увидела у него в глазах тот же озорной блеск. – Знаешь, Лотти, моя любовь, у меня есть идея получше. Давай придумаем, как провести этот день. Забудь о Берках, о моей матери, откажись от своей примерки и бесчисленных поклонников, выброси из головы все, кроме нас. Хорошо? Ты проведешь этот день со мной?

У Шарлотты подпрыгнуло сердце. Разве не об этом она многие годы мечтала? Не этого хотела больше всего на свете?

И что еще она могла сделать, как не принять его руку...

Глава 5

Лошади резко и быстро тронулись с места, и Шарлотта, чтобы удержаться, ухватилась за первое, что могла найти, – и этим оказалась крепкая рука лорда Трента. Шарлотта никогда еще не ездила в таком высоком экипаже, и сейчас из-за того, что он покачивался, и из-за той скорости, на которой ехал Себастьян, она почувствовала легкое головокружение.

– Обязательно ехать так быстро? – спросила она, когда он лихо завернул за угол.

– А как еще я могу заставить тебя так крепко держаться за меня? – пошутил Себастьян, взглянув вниз туда, где она мертвой хваткой вцепилась в его рукав. – Конечно, отцовский камердинер умер бы от зависти. – Он подмигнул Шарлотте и сделал еще один поворот.

Ленты ее шляпы трепетали на ветру, и так же трепетало ее сердце.

«Что я здесь делаю? – спросила себя Шарлотта. – Это полнейшее безумие».

Конечно, достойные леди не ездят без сопровождения, и к тому же столь бесшабашно. Но никогда в своих самых безудержных фантазиях (которые по сравнению с ее нынешним положением были довольно банальными) Шарлотта не представляла себе, что значит быть предметом обожания лорда Трента – его любовью.

Она украдкой взглянула на Себастьяна, и он тотчас обернулся к ней и улыбнулся так весело и жизнерадостно, что сердце ее екнуло. словно он точно знал, как доставить ей удовольствие...

– Почему ты не у Арбакла? – спросил Себастьян. – Студия слишком холодна для тебя?

Шарлотта покраснела: температура меньше всего ее волновала.

– Сегодня у меня нет настроения позировать, – честно ответила она. Что бы ни говорила Куинс, но Шарлотта и эта Лотти были так же далеки друг от друга, как король Георг и несчастный нищий.

Позировать обнаженной? Шарлотта вздрогнула, а Себастьян усмехнулся и переложил поводья из одной руки в другую.

– Неудивительно, что ты оказалась в Мейфэре, – ты поставила этого старого чудака Арбакла в неприятное положение и, полагаю, привела в ярость Финни. – Он снова с улыбкой взглянул на нее. – Скажу по чести, мне не нравится, что ты позируешь ему.

– Не нравится? – Шарлотте стало приятно, что кто-то на ее стороне.

– Конечно, нет, – подтвердил Себастьян, продлив на секунду ее радость, пока не продолжил: – Я не могу позволить себе купить эту проклятую вещь, а когда Арбакл ее выставит, она вызовет настоящий шок. Нет, не волнуйся, ты бу-

десь обласкана бесконечным вниманием, засыпана цветами и подарками.

– Выставит? – Шарлотта почти не слышала остальных его соображений, осознав лишь, что картину вывешают на всеобщее обозрение. Ее охватил ужас.

– И это будет продолжаться целый год. – Себастьян покачал головой. – Несколько недель о тебе будет говорить весь город. – Он повернулся и почти с грустью посмотрел на Шарлотту. – Иногда мне хочется, чтобы ты была некрасивой и добродетельной, обычной девушкой, как одна из моих сестер.

– Но я такая и есть, – возразила она.

– Ты? – Себастьян расхохотался, как будто никогда не слышал ничего более смешного. – Обычная? – Он окинул взглядом ее модное платье и причудливую шляпку. – Лотти, в твоём теле нет ни одной обыденной косточки.

Сложив руки на груди, Шарлотта вздохнула. Она чувствовала себя самым обыкновенным человеком. Конечно, ее одежда и причёска стали другими, но она сама осталась той же Шарлоттой Уилмонт, которую еще вчера он просто не замечал.

Ох, ну и путаница.

– Что, если мы отправимся на скачки, устраиваемые лордом Сандертоном? – предложил Себастьян. – Он и граф собирались сегодня заключить пари на то, кто победит – новый арабский скакун графа или чалый Сандертон. Но, как

я слышал, это состязание открыто для всех желающих.

– Скачки? – с трудом переспросила Шарлотта. Он хочет повести ее на такое непристойное развлечение?

Разве Шарлотта не слышала, как ее мать заявляла, что такие мероприятия посещают отпетые бездельники и распутники, воры-карманники и мошенники, а также дамы определенного круга с низкой моралью, такие, как Коринна Форнетт...

...или Лотти Таунсенд.

– Там должен участвовать твой любимец, Ратберн. – Себастьян выразительно поднял бровь.

– Мой... – Шарлотта крепко сжала губы. У нее есть любимая скаковая лошадь?

– И если этого недостаточно, то у них в запасе есть О'Брайен и Макконнелл. Но на этот раз ставь на Макконнелла. Я знаю, ты считаешь, что О'Брайен гораздо красивее, но я слышал, что Макконнелл в отличной форме, и, думаю, О'Брайен обязан проиграть.

– О'Брайен? – повторила она немного удивленно. Первая звезда теперь поставлена под сомнение?

– О, можешь ставить на О'Брайена. – Себастьян даже не заметил ее растерянности и смущения. – Но неужели ты не помнишь последние соревнования, которые устраивал Сандертон, когда ты настояла поставить на того шотландского парня – ах, как же его звали?.. – Он взглянул на Шарлотту, словно имя должно было вертеться у нее на кончике языка,

но она с сожалением покачала головой. – Впрочем, не важно. В тот день мы оба были изрядно пьяны. – Он снова повернулся на сиденье. – Ты утверждала, что тот шотландец обязательно выиграет, и поставила на него все свои деньги, а он через две минуты полетел кувырком прямо к твоим ногам. – Себастьян громко рассмеялся, а затем, замолчав, посмотрел на Шарлотту, как бы ожидая, что она тоже посмеется над этим. – О, не нужно так переживать, это же смешная история. Не знаю, на кого ты больше сердилась – на меня за то, что я позволил тебе поставить все деньги, или на беднягу шотландца, испачкавшего кровью твое новое платье.

Кровь? Она должна была видеть кровь? О, не важно, что Куинс заявляла, будто это ее жизнь. Шарлотта не могла даже представить себе, что когда-нибудь решила бы наблюдать, как двое мужчин избивают друг друга, а тем более чтобы она оказалась так близко к ним.

– Я уверен, там будет игра и в кости, и в квинз, так что даже ты получишь удовольствие. Что скажешь, Лотти? Проведем день так, как мы любим?

Вдобавок к тому, что все это было в высшей степени непристойно, Шарлотта не имела ни малейшего понятия, как играть в кости, в квинз или делать ставки на лошадей. Но Себастьян произнес одно слово, которое убедило ее, что она осмелилась подойти к самым вратам ада, – скачки лорда Сандертон были ближайшим к ним местом, до которого можно было дойти.

«Мы».

Забыт завтрак в саду с мисс Берк. Предана забвению предстоящая помолвка Себастьяна. Выброшены из памяти ожидания его семьи и презрение общества.

«Мы».

Смысл этих двух букв, сложенных вместе, лишил Шарлотту здравомыслия и позволил ее обезумевшему сердцу дать ответ.

– Да. Звучит просто замечательно, – ответила она, чопорно положив руки на колени, как будто только что приняла приглашение на танец в «Олмаке».

– Замечательно? – Себастьян заливисто рассмеялся. – Это мы еще посмотрим. Поглядим, насколько восхитительным будет день, если мы вернемся домой с пустыми кошельками, как это было в последний раз. Надеюсь, – продолжил он с ухмылкой, – с тех пор ты чему-то научилась.

– Уверяю тебя, – отозвалась Шарлотта, – я стала совершенно другой женщиной.

– Не меняйся слишком сильно, Лотти. – Он взял ее руку и поцеловал. – Я люблю тебя такой, какая ты есть, именно такой, как ты была в тот день, когда мы познакомились.

При этих словах Шарлотта взглянула на Себастьяна. А как они познакомились? Так как было очевидно, что она и Гермiona больше не самые близкие подруги, то, должно быть, они встретились как-то иначе.

– Лорд Трент...

– Боже, Лотти, до чего же ты сегодня официальна! Это твой способ порвать со мной?

– Нет! Ничего подобного! – У нее перехватило дыхание. Шарлотта даже подумать не могла, что когда-нибудь порвет с ним.

– Тогда – Себастьян.

– Себастьян, – повторила она, наслаждаясь интимностью звучания его имени, – как мы свели знакомство?

– Странная ты нынче. – Наморщив лоб, он посмотрел на Шарлотту.

– Сделай мне одолжение. – Она улыбнулась со всем очарованием, на какое была способна. – Расскажи, как это случилось.

– Зачем? – покачал он головой.

– Мне просто нравится вспоминать об этом. Доставь удовольствие, Себастьян. – Она промурлыкала его имя, и это, по-видимому, решило дело.

– Ну хорошо. Я выиграл тебя на пари, – сказал он в тот момент, когда они проезжали мимо ухмылявшейся старой женщины, продававшей букетики фиалок из большой корзины, которую она держала в руках.

– Куинс! – раздался низкий бархатный голос. Женщина вздрогнула и попыталась нырнуть в толпу, но сильная рука, опустившаяся ей на плечо, цепко ухватила ее.

Она оглянулась на державшего ее высокого, потрясающе

красивого мужчину. Безупречно элегантный, с блестящими волосами, зачесанными а-ля Брут, он носил светло-голубой сюртук, который делал его небесно-голубые глаза еще более пронзительными, модно завязанный шейный платок, который она могла бы назвать водопадом, и наконец на его длинных мускулистых ногах были надеты высокие черные сапоги, блестящие, словно молодая луна.

Его красота и безукоризненность заставляли бы всех обобщиваться – как женщин, так и мужчин, – если бы он допускал такую возможность и не обладал способностью оставаться невидимым, но Милтон считал ниже своего достоинства позволять простым смертным глазеть на него.

– Милтон, дьявол неугомонный! – Куинс попыталась вывернуться, но его рука спустилась к ней на локоть, и он повел женщину в сторону пустой аллеи. – Что ты здесь делаешь?

Он только фыркнул в ответ.

Значит, ему известно о желании. Это не предвещало ничего хорошего, и Куинс решила, что нужно избрать другую тактику.

– Цветы, милорд? – Она поднесла один из букетиков ему к носу.

– С меня хватит твоих проделок, Куинс. – Мрачно глядя на женщину, он отодвинул ее руку. – Могу только догадываться, какое колдовство ты вложила в эти цветы. Скажи, они настроят меня на мысли о любви? Заставят изменить к лучшему мое отношение к этой катастрофе, которую ты

устроила? Надеюсь, нет, потому что тебя постоянно предупреждают, чтобы ты не играла в такие игры с этими несчастными беззащитными смертными.

Куинс недовольно, но без малейшего чувства вины положила фиалки обратно в корзину.

– Итак, где кольцо? – потребовал он ответа, отпустив ее только тогда, когда они подошли к огромной куче мусора.

Вонь защекотала ей нежные ноздри, и Куинс, обернувшись, с сожалением посмотрела на яркий солнечный свет, заливавший улицу, с которой они ушли, но между ней и свободой стоял Милтон, и он, очевидно, был не расположен позволить ей уйти.

Во всяком случае, до тех пор, пока не покончит со своим делом.

– Где кольцо? – повторил он.

– Боюсь, это долгая история... – Куинс расположила корзину перед собой: слабая защита, но это всё, что у нее было.

– У меня столько времени, сколько понадобится. – Он сцепил руки на широкой груди.

Ну конечно, ведь это Милтон.

– Я действительно собиралась его вернуть...

– Ты всегда...

– Но в этот раз все иначе, – настаивала Куинс. – Я честно собиралась прибыть вовремя, чтобы забрать его, но, когда я туда добралась, его уже не было.

Милтон метнул в нее один из своих отвратительно прони-

цательных взглядов, из тех, что повергали остальных ей подобных в панику, но она не отступила от своего решения – и от своей истории.

– Представитель закона прибыл раньше, чем мне...

– Представитель закона?

– Человек, который следит за соблюдением прав при наследовании имущества, адвокат.

Милтон снова фыркнул, выражая свое отвращение к этой профессии. Время так и не изменило законников и прочих им подобных в лучшую сторону.

– Ну и что же сделал адвокат с моим кольцом? Ускользнуть от этого парня не представляет труда ни для кого с такой, как у тебя, способностью, скажем, к исчезновению.

Куинс улыбнулась, хотя и понимала, что в его устах это совсем не похвала ее таланту.

– Он уже получил кольцо и передал его дальше. А когда оно было у нее на пальце, что я могла сделать?

– Тебе потребовалось так много времени, чтобы его найти?

– Я... хм... Ну, ты же знаешь, дорогая Урсула умерла так неожиданно. А кроме того, было еще одно дело, и, должна тебе напомнить, ты настаивал, чтобы я сначала закончила...

– Куинс, если бы я тебя не знал, то предположил бы, что ты специально тянула время и позволила моему кольцу перейти от Урсулы к ее внучатой племяннице.

– Твое кольцо? Из всех надменных, высокомерных...

– Ладно, да или нет? – настаивал Милтон.

Решив, что высшим проявлением мужества будет не говорить ничего, Куинс накрепко закрыла рот. Бессмысленно плести откровенную ложь. Милтон видит все насквозь, и тогда держись – в буквальном смысле слова.

– Что произошло, того не изменишь, – в конце концов объявила она. – И теперь кольцо у Шарлотты.

– Да, у нее. Но ты не должна была позволить ей его оставить.

– А что я могла сделать? Кольцо уже было у нее на пальце. – Тогда тебе следовало его украсть, – заключил он. – Можно подумать, что ты никогда прежде этого не делала.

Куинс отвернулась, негодуя на Милтона и его непогрешимую память.

– И видишь, что теперь случилось! – возмутился он. – Оно у нее, и она высказала желание. Еще одно желание, Куинс. – Он покачал головой.

– Ее желание было такое крошечное...

Взгляд Милтона стал темным, как грозовая туча, и на этот раз храбрость Куинс дала трещину.

– Крошечное? – Он сжал губы. – Ты весь мир перевернула вверх ногами. Устроила полную неразбериху. – Его подбородок выражал неприступность Шотландских гор. – Опять.

– Опять? – возмутилась Куинс. – Да когда я...

– А Столетняя война?

– Не думала, что ты все еще считаешь меня ответственной

за нее, – оскорбилась она.

– Куинс, предполагалось, что она продлится только пять-десять лет!

Она смотрела на мыски своих туфель, не решаясь встретиться с его скорее всего разгневанным взглядом.

– Пора положить конец этому желанию, Куинс.

– Не могу! – Она вскинула голову. – Она изъявила желание, и ты, между прочим, знаешь, что я, безусловно, не могу вот так просто положить всему конец, – набросилась она на Милтона.

– Нет, можешь. Я слышал, как она жаловалась, и понял, что она страшно недовольна твоей работой. Найди эту девушку и расскажи ей правду – что ей нужно всего-навсего взять обратно свое желание, и тогда все вернется на свои места.

До чего же Милтон любит подслушивать! Да где же его совесть? Во всяком случае, небольшое возражение вполне уместно в данной ситуации. Шарлотта постепенно согласится.

– Но, Милтон, еще немного времени...

– Сколько? Десять лет? Двадцать? Сто? – Он возмущенно поднял брови.

Господи, неужели он не может простить ей это?

– Куинс, – угрожающе произнес он, – никаких возражений, никакого крючкотворства. Сразу скажи девушке, что она может вернуться обратно, и когда она это сделает, забе-

ри мое кольцо.

– Выиграл меня? – Шарлотта не знала, оскорбиться ей или рассердиться, и решила, что подойдет и то и другое.

– Пожалуй, я немного жульничал, – признался Себастьян, очень довольный собой.

– Жульничал? Из-за меня? – Да, никогда еще Шарлотта не слышала ничего менее романтического. Она не только была его любовницей, но он еще и играл в карты на нее!

– Или это, или смотреть, как Рокхест завоевывает твою благосклонность. – Себастьян говорил спокойным тоном, заставившим ее поверить, что такие игры вполне обыденное дело. – Поэтому я жульничал. Я украл тебя прямо у него из нежных объятий. Не думаю, что он мне это простил. Уверен, я бы такого не забыл.

Возможно, это и звучало приятно для падших женщин Лондона, но только не для достойной леди из Мейфэра. Шарлотта собралась сказать ему это и уже немного отвернулась в сторону от него.

– О, Логги, что я говорю?

– Я думала, ты меня любишь. – Она огорченно вздохнула. – А оказывается, меня можно просто выиграть, как кучу монет.

– Конечно, я люблю тебя, глупышка! – воскликнул Себастьян. Он так резко направил экипаж за угол, что Шарлотте оставалось только снова ухватиться за его руку, чтобы не свалиться. – Вероятно, тогда я тебя не любил – дьявольски

хотел, признаюсь, но какой же мужчина в Лондоне не хочет миссис Таунсенд? Но любить тебя? – Он покачал головой, его лицо смягчилось, и он подмигнул Шарлотте. – Это пришло позже. – Его банальные слова глубоко запали ей в душу. – И ты знаешь почему.

О Боже! Ей очень хотелось бы это знать. По-видимому, это было что-то важное, что ей следовало помнить.

Остановившись на перекрестке, они ждали, пока проедет почтовая карета, и Себастьян повернулся лицом к Шарлотте.

– Что в тебя вселилось сегодня? Ты как одна из тех дурочек из Бата, с которыми водятся мои сестры. Что это за ерунда – «лорд Трент», и с чего это ты напрашиваешься на комплименты? По-моему, мы уже давно с этим покончили.

– Он дернул поводья, и лошади продолжили путь.

– Думаю, мне просто нужно подтверждение.

– Подтверждение чего? – Себастьян тягостно вздохнул. – Это из-за мисс Берк?

– Я не нахожу ее привлекательной, вот и все, – честно ответила Шарлотта.

Богатая маленькая наследница была ее проклятием в той, другой, жизни, и теперь стало очевидно, что изменения, содеянные Куинс, распространились недостаточно далеко. Почему в этом новом мире Лавиния Берк не могла превратиться в простую служанку в таверне? Или в жену какого-нибудь торговца рыбой?

– У нее есть своя привлекательность, – поддразнил он

Шарлотту, и в его глазах заплясали озорные искорки.

– Да, это десять тысяч в год, – парировала она.

– Это способ сделать самую отвратительную леди заманчивой, – присвистнул Себастьян, услышав сумму.

– Фу! – буркнула Шарлотта, снова сложив руки на груди.

– Но у нее нет твоих очаровательных глаз и твоего веселого характера, – заметил он, смеющимися глазами глядя на ее обиженное лицо.

– О, ты все шутишь. – Не реагируя на его смех, Шарлотта смотрела на разворачивающийся перед ними пейзаж.

Они уже оставили позади Лондон, теперь далеко вокруг расстились только зеленые поля, и наших путешественников овеял легкий ветерок. Весной часто дождевые дни сменялись солнечными, и трава выросла густой и сочной, а полевые цветы буйно цвели.

Прожив всю жизнь в Лондоне, если не считать тех редчайших случаев, когда она, будучи еще ребенком, ездила за город, Шарлотта совершенно забыла, каким чистым и свежим может быть мир. Она глубоко дышала, и воздух щедро наполнил ее легкие жизненной силой. Себастьян тоже, по видимому, не остался равнодушным к окружающей их красоте. Свободно держа поводья в одной руке, он откинулся на сиденье и другой рукой бесцеремонно обнял Шарлотту за плечи, а его высокий цилиндр, лихо сдвинутый набок, только добавлял ему дерзости и беззаботности.

– Как здесь замечательно, – сменила Шарлотта тему и

перешла к единственной безопасной, которую могла придумать.

– Просто великолепно, – отозвался Себастьян, и его внимательный взгляд сказал ей, что он говорит не только о чудесном весеннем дне.

– Перестань дразнить меня. – Шарлотта слегка шлепнула его, поразившись собственной смелости.

– Ну-ну, мадам. Сначала мне пришлось подраться с Лайменом, а теперь вы собираетесь сбросить меня...

Шарлотта совершенно забыла о другом мужчине и о том, что он вызвал Себастьяна на дуэль. Как она могла такое выбросить из головы?

– Он не посмел бы, если бы ты... – Себастьян не закончил свое обвинение и отвернулся. – Впрочем, не вижу смысла снова возвращаться к этому. Ты вполне определенно высказалась по поводу этого.

Если бы она – что? По поводу чего?

– Зрелище было великолепно, когда его зад взлетел в воздух, – сказал Себастьян. – Еще со времен Итона мне хотелось набить морду этому парню, но все не представлялось случая. Пожалуй, мне следует поблагодарить тебя, даже если из-за этого он стал злым, как оса.

– Но он же собирается прислать секундантов! – воскликнула Шарлотта. – Он тебя убьет. О, Себастьян, ты не можешь драться на дуэли, во всяком случае, из-за меня.

– Почему? Ты боишься за меня?

– Да!

– Не нужно беспокоиться, – со смехом сказал он.

– Он тебя застрелит!

– Неужели вы такого низкого мнения о моем искусстве стрельбы, мадам? – Дерзкая бровь снова насмешливо изогнулась.

– Ну, я... – Шарлотта понятия не имела, насколько искусно он владеет пистолетом, она никогда об этом не задумывалась. Обычно мужчины не дрались из-за нее и не встречались на рассвете лицом к лицу, чтобы защитить ее честь. – Просто я не хочу, чтобы ты пострадал.

– Тебе незачем тревожиться о моей жалкой жизни. – Себастьян с удивлением взглянул на нее. – Лаймен часто угрожает, но у него никогда не хватает мужества выполнить свои угрозы. Он трусливый и малодушный человек.

О, слава Богу! Шарлотта облегченно вздохнула.

– А кроме того, даже если он меня вызовет, я не могу придумать лучшего повода позавтракать травой – моя последняя мысль будет о твоём хорошеньком личике. – Глядя на Шарлотту, он усмехнулся.

Но она даже подумать не могла о том, что Себастьян будет лежать на траве лицом вниз, пока не подняла голову и не увидела тех же озорных искорок, пляшущих в его темных глазах.

– О, несносный человек! Ты меня дразнишь.

– Ну конечно, – признался он. – При последнем своем

вздохе я буду вспоминать не твое личико, а пару твоих восхитительных... – Его взгляд мечтательно опустил к низкому вырезу ее платья.

– Нет, ты просто невыносим. – Она запахнула на груди накидку. – Если ты не хочешь принимать все это всерьез, я не стану тратить впустую время, беспокоясь о тебе.

– Я совершенно серьезен. – Он притворился напуганным. – Я подумал, что то, как человек решает провести свои последние мгновения на земле, очень важно и влияет на всю его жизнь. А я считаю твои груди самым замечательным даром в этой земной юдоли.

– Бесстыжий! – Шарлотта покраснела.

– Надеюсь, так. Если бы я не был таким, то никогда не добился бы твоей благосклонности. Но я начинаю думать, что не следовало сегодня утром покидать твою постель. – Наклонившись, он украл с ее губ поцелуй, а когда у Шарлотты от удивления открылся рот, прошептал ей на ухо: – Мы еще вернемся туда, если я что-то в этом смысле. И ты тогда будешь в лучшем настроении.

Его теплое дыхание защекотало Шарлотте шею – или это непристойное предположение виконта заставило ее пожегиться? Что он имел в виду, говоря, что они возвратятся туда?

О, прошла уже целая вечность, с тех пор как она проснулась в его объятиях... Неужели он полагает, что мог бы провести все это время, целуя ее, лаская, укладывая под себя и...

Шарлотта закрыла глаза и глубоко вздохнула, стараясь не замечать, как ее груди тяжелеют, а бедра напрягаются.

– Что, миссис Таунсенд? Никакой колкости в ответ на мое высказывание? Это тебе урок – если слишком много пить, то на следующий день обязательно будешь в дурном настроении. – Он самодовольно ухмыльнулся и спустя несколько секунд подтолкнул ее локтем. – Ты все еще витаешь в облаках? Или размышляешь, сколько поставить на Ратберна? Мне кажется, ты сегодня проиграешь.

– Поставить? – Шарлотта покачала головой. – У меня нет денег, чтобы...

– Нет денег? Лотти, я никогда не сомневался, что у тебя в этой самой сумочке лежит по крайней мере пятьдесят фунтов. Ведь не известно, когда тебе вздумается отправиться к любимому букмекеру или на крупную игру в кости.

Пятьдесят фунтов? Такая сумма? Развязав шнурок, она осторожно просунула руку внутрь и в самой глубине, в пришитом к подкладке кармашке нащупала пачку банкнот, связанных лентой. Достав ее, Шарлотта смотрела на небольшое состояние из двухфунтовых купюр, которое держала в руках.

– Хорошо, что Гриффин не знает тебя так, как я, – тихо присвистнул виконт, – а иначе мы никогда бы от него не отделились. Он не отстал бы, пока ты не дала ему столько, чтобы можно было построить этот его экипаж...

– Машину времени, – поправила его Шарлотта.

– Похоже, это бессмысленная трата денег. Не хочешь ли

убрать подальше свое богатство? – Он указал на ее сумочку. – Я не сошел с ума, чтобы сегодня снова кутить вместе с тобой.

Она кивнула и аккуратно убрала пачку банкнот. Как сказал Себастьян, там, вероятно, было по меньшей мере пятьдесят фунтов. Как можно разгуливать с такой суммой, будто это какие-то пенсы?

– Завяжи покрепче шнурок на сумке, – посоветовал Себастьян, когда они поднялись на вершину небольшого холма и перед ними открылся вид на бескрайнее зеленое поле.

У Шарлотты захватило дух, она никогда не видела такой картины. Казалось, весь Лондон съехался к лорду Сандертону, не в силах устоять против азарта скачек и чудесного дня. Несчетное количество карет, двуколок и фаэтонов выстроилось вдоль импровизированной дороги, которая вела к большому овалу, занимавшему почти все поросшее вереском пространство.

На поле водили парадом лошадей всех размеров и мастей и толкались толпы людей, выкрикивавших ставки, собственные прогнозы и слова поддержки своим любимцам. Их крики смешивались с громким топотом копыт и постоянным ржанием и фырканьем, а животные, казалось, демонстрировали боевое настроение и желание состязаться.

В дальнем конце поля были установлены палатки с привязанными к высоким столбам развевающимися лентами. Вокруг них стояли дымящиеся жаровни, бочонки эля и вина, и

торговцы оживленно вели дела, стремясь хорошо накормить всех клиентов и склонить их к крупным ставкам.

– Невероятно. – Это было все, что могла сказать Шарлотта. Конечно, она знала, что такие скачки существуют, но ее мать и Финелла цокали языками при упоминании о событиях, которые часто там разворачивались (терялись состояния, погибали люди), и она считала такие состязания безнравственным и опасным занятием.

На ее взгляд, это было похоже на красочную ярмарку, на что-то волшебное и порочно соблазнительное одновременно.

– А теперь несколько основных правил, пока мы не окунулись в это безумие, – сказал Себастьян, остановив лошадей.

– Правил? – обернулась к нему Шарлотта.

– Да, правил, детка. Я не хочу, чтобы ты здесь погибла. Постарайся не ставить больше, чем можешь себе позволить.

– Я? – с явным неодобрением переспросила она.

Но, даже выражая свое возмущение, Шарлотта чувствовала, что ее взгляд тянется обратно к полю и останавливается на огромном арабском скакуне, который не желал подчиняться своему дрессировщику, когда бедняга пытался вести его. Непокорное животное выделялось своей статью, широкой грудью и длинными сильными ногами.

«Это он, Лотти, моя девочка. Он сделает тебя богатой», – прошептал ей в ухо обольстительный голос. И, к досаде Шарлотты, он был очень похож на ее собственный.

– Лотти, ты слушаешь меня? – Себастьян слегка подтолкнул ее в бок. – Черт побери, у тебя в глазах опять это выражение.

– Что ты хочешь сказать? – Выпрямившись, она изо всех сил старалась сосредоточить взгляд на Себастьяне.

Еще одно непокорное существо в ее жизни.

Тяжело вздохнув, он посмотрел в том направлении, куда был устремлен ее взгляд.

– Я уже знаю, что тебе чертовски везет, когда дело касается лошадей, но сегодня Сандертон приготовил несколько сюрпризов. Он хочет видеть Рокхеста поверженным, так что тебе лучше не играть по-крупному, если ты не хочешь остаться в дураках. – Себастьян пальцем приподнял Шарлотте подбородок. – Лотти, я не могу оплатить собственные долги, а тем более твои, если ты здесь проиграешь. Позаботься, чтобы нам не пришлось... – Он нахмурился. – В общем, ты понимаешь, что я имею в виду. Шарлотта могла догадаться. А помимо всего прочего, что она знала о ставках, лошадях и скачках... кроме того, что не могла отвести глаз от того свое нравного черного жеребца?

– Лотти... – Себастьян снова повернул к себе ее лицо.

– Клянусь, Себастьян, я буду...

– О, да это же, ей-богу, миссис Таунсенд! – раздался в толпе восторженный возглас.

И внезапно появилось новое искушение.

Глава 6

Оглянувшись, Шарлотта заметила, что ей с воодушевлением машет рукой невысокий плотный мужчина в вытертой кепке и изодранном пальто, но когда он подошел ближе, она поняла, что это из многочисленных карманов его пальто торчат огрызки карандашей и бумажные квитанции.

– Я знал, что вы не устоите, я чувствовал это, – объявил мужчина. – Как раз сегодня утром я сказал себе: «Сегодня, приятель, слишком замечательный день, и миссис Таунсенд не может не прийти». И вот вы здесь, хорошенькая, как клубничка.

Мужчина подал ей руку, чтобы помочь спуститься, и Шарлотте ничего не оставалось, как принять его помощь.

Себастьян, бросив поводья подбежавшему парню и велел ему проследить, чтобы лошадей напоили и отвели пастись, быстро обошел вокруг экипажа и забрал руку Шарлотты у этого непрошеного помощника.

– Отойдите, мистер Меррик. Миссис Таунсенд сегодня не играет.

От такого заявления суетливый, неугомонный Меррик просто окаменел.

– Не играет? Как такое возможно? – Он адресовал свои вопросы Шарлотте, полностью игнорируя Себастьяна. – Мы отправим его милость искать ложу, – шепнул он, наклонив-

шись, – и вы сможете пойти со мной. Я покажу вам одного красавца, мэма, самого лучшего из всех животных. Когда его привезли, я сказал себе: «Приятель, он из тех лошадей, что нравятся миссис Таунсенд».

– Черный араб? – не успев остановить себя, спросила Шарлотта.

– А, уже заметили его, да? – Меррик хлопнул себя по ляжкам. – Мне следовало об этом догадаться. Непослушный негодник. Он еще не выиграл ни одной скачки, но в нем есть кровь Эклипса.

– Многообещающий претендент, – проворчал Себастьян. Но Меррик опять не стал обращать внимания на спутника Шарлотты и продолжал искушать ее:

– Миссис Таунсенд, вам нужно поближе взглянуть на него. Он в вашем вкусе – упрямый и надменный. – При этом он бросил выразительный взгляд на Себастьяна.

Шарлотта прикрыла рот рукой, чтобы скрыть улыбку. Боже правый, до чего же этот Меррик нагл и беззастенчив! И вдобавок от него отвратительно воняло лошадьми, луком и прокисшим элем. Но в нем было что-то такое, чем он ей сразу же понравился.

– А теперь, – менее уверенно продолжал букмекер, – не могли бы вы пойти и дать свое благословение этому упрямцу? Я просто знаю, что ваше искреннее расположение смирит его и подстрекнет к соперничеству.

Заразительное озорство Меррика покорило Шарлотту, и

она обернулась к Себастьяну:

– Можно пойти?

– Меррик, сегодняшней день вы должны занести в свою книгу, – объявил Себастьян, отступив на шаг и глядя на Шарлотту. – Миссис Таунсенд спрашивает у меня разрешения! Оба мужчины рассмеялись.

– Просто я проявляю вежливость. – Не понимая, что в этом смешного, Шарлотта все же растянула губы в улыбке.

Но ее слова еще больше развеселили обоих мужчин.

– Миссис Таунсенд! – воскликнул Меррик, снова хлопнув себя по ляжкам. – Сегодня вы в отличном настроении. Веселая, как всегда.

Что плохого в том, чтобы быть учтивой? Хотя, судя по их удивленным взглядам, женщинам легкого поведения, по-видимому, позволено не обладать хорошими манерами. Очевидно, быть Лотти означало, что можно вообще не считаться с мнением стоявших рядом мужчин, а держать их в своем распоряжении, командовать и как угодно помыкать ими.

Шарлотту пронзило странное, тревожащее ощущение власти, и, взглянув из-под поля шляпы на Себастьяна, она заметила, что он подмигнул ей.

– Это твои деньги, Лотти, моя любовь, – со смехом сказал он. – Но не забывай, как в последний раз Меррик представил тебе на благословение одного из своих «красавцев», а бедолага покалечился еще до начала скачек. Тогда тебе пришлось на месяц остаться без посещения шляпниц.

Подстрекаемая блеском у него в глазах, Шарлотта ответила Себастьяну тоже шуткой:

– Уверена, на этот месяц у меня достаточно шляп.

– Твоих шляп хватит еще на два сезона, но это тебя не остановит. – Снова засмеявшись, он смотрел на нее с таким счастливым выражением, что у Шарлотты растаяло сердце. – Выиграешь ты или проиграешь, все равно в конце недели ты будешь щеголять в новом наряде. – Его пальцы игриво потрепали нелепое украшение из перьев у нее на шляпе, а потом, погладив по щеке, взяли Шарлотту за подбородок. – Делайте что хотите, мадам, против ваших капризов я бессилён.

От такого интимного жеста у Шарлотты захватило дух.

Бессилён? Этот человек, должно быть, шутит, потому что лишь одно его прикосновение вызывало трепет во всем ее теле с головы до кончиков пальцев на ногах. У нее подкосились колени, а губы сами собой потянулись вперед (потому что Шарлотта никогда бы этого не допустила) и сжались вместе, готовые к следующему поцелую, неистовому и пьянящему, не похожему на тот, что был сорван у нее в экипаже.

– Кхе, – кашлянул Меррик. – Итак, миссис Таунсенд, ваша лошадь? Мне будет досадно, если вы не успеете вовремя сделать ставку.

– Да, конечно, – ответила Шарлотта, с трудом отведя глаза от Себастьяна, все еще загипнотизированная его откровенностью. – Лошадь. Как я могла забыть?

Как она вообще могла о чем-то помнить, когда Себастьян так смотрел на нее?

– Миссис Таунсенд, – просиял Меррик, – вы самая замечательная женщина на свете. – Он снял шляпу и поклонился Шарлотте. – Я повторяю это каждый вечер, когда читаю молитвы. «Боже, – говорю я, – позаботься о миссис Таунсенд. Она самая прекрасная леди, несмотря на все, что о ней говорят».

После такой восторженной речи Шарлотта оглянулась на Себастьяна, а тот, подойдя к мужчине, дружески положил ему руку на плечи.

– Но ведь не дополнительные проценты, которые вы получаете каждый раз, когда она делает ставку, влияют на вашу огромную симпатию к леди, правда, Меррик?

Сбросив его руку, Меррик снова сосредоточил внимание на Шарлотте и принялся перечислять невероятные достоинства, которыми, по-видимому, обладала та безукоризненная лошадь.

Внимательно слушая, Шарлотта кивала, когда считала это необходимым, но не понимала почти ни слова из того, что говорил Меррик.

– Вы оба просто безнадежны, – вставил Себастьян. – А вы, Меррик, как сам дьявол, продолжаете соблазнять эту женщину скаковыми лошадьми.

– Милорд, как вы можете так говорить! – Меррик обернулся к Шарлотте и покачал головой. – Он не понимает, по-

тому что у него нет вашей способности разбираться в животных, мэм.

– Я разбираюсь в животных? – обратилась Шарлотта к Себастьяну.

– О, и в этом, и во многих других вещах, – с кривой усмешкой ответил он. – А теперь, мой друг, пойдите и посмотрим на это совершенство о четырех ногах, которое привлекло внимание миледи и, как вы утверждаете, сделает ее самой богатой женщиной в Лондоне.

Когда они пробирались сквозь толпу, все головы поворачивались в их сторону. Известие об их прибытии, – а точнее, о присутствии миссис Таунсенд – распространилось с быстротой ветра или двухлетнего жеребца, выпущенного на пастбище. Приветствия и свист сыпались со всех сторон, и Шарлотта поражалась царившим вокруг разгулу и безнравственности.

На некотором расстоянии был сооружен приподнятый боксерский ринг, и на нем двое мужчин – О'Брайен и Макконнелл, поняла Шарлотта, – избивали друг друга, а собравшиеся зрители заходились в кровожадных криках одобрения.

Шарлотта и ее спутники прокладывали себе путь в лабиринте столов, предлагавших развлечения всех сортов: кости, рулетку, карты.

– Миссис Таунсенд! – радостно закричал мужчина в блестящем темно-красном костюме и изумрудном жилете. –

Партию в квинз? – Его компаньоны были одеты в такие же кричащие комплекты из ярких сюртуков и расшитых золотом жилетов, а их булавки с огромными драгоценными камнями и пестрые шейные платки только сильнее подчеркивали безвкусицу остальной одежды.

– Даже не думай играть с этими шулерами, – сказал ей Себастьян, увлекая ее в противоположном направлении, – или ты пойдешь обратно в город пешком.

Шарлотта бросила последний взгляд на троицу, радуясь, что не может присоединиться к ним, потому что не имеет ни малейшего понятия, как играть в квинз. Впрочем, и в скаковых лошадях она не разбиралась.

О Господи, зачем она высказала желание? Как могла эта Лотти, особа безнравственная, склонная ко всякого рода авантюрам и определенно не умеющая себя вести, быть той женщиной, которую любил Себастьян Марлоу и которой восхищались большинство мужчин Лондона?

Шарлотта отодвинула от глаз перья и сделала глубокий вдох. Годы наставлений от матери и кузины Финеллы о правилах приличия были сейчас почти так же полезны ей, как уроки латыни и этикета, на которых они тоже настаивали.

– Следи за своей сумочкой, – посоветовал Себастьян. – Сегодня здесь довольно много сомнительной публики.

Слишком мягко сказано, решила Шарлотта и, крепче стянув шнурок, прижала к себе сумку.

Бездельники и франты расхаживали среди толпы, а у края

поля болталась группа подозрительных молодых людей.

Где-то шел петушиный бой, рядом – соревнование по борьбе, а вдоль дороги конюхи устроили между собой импровизированные состязания по ходьбе.

– Ты сегодня чересчур тихая, – отметил Себастьян, пока они шли. – Придумываешь, как тебе вернуться к столам с Трубриджем и его компанией? Или пытаешься в уме оценить свой счет, чтобы знать, сколько можешь позволить себе потерять на этой лошадке?

– Ни то ни другое, – быстро ответила Шарлотта.

– О, меня не проведешь. У тебя в глазах такое выражение, будто ты не можешь окончательно решить, в каком направлении податься – немного побоксировать, поиграть в рулетку или посмотреть, здесь ли те отпетые мошенники, которых ты так любишь, с какими-нибудь новыми побрякушками, которые тебе, возможно, захотелось бы иметь. Я не имею глупости такое покупать, но ты в любом случае выманишь их у меня лестью.

– Я не... – начала Шарлотта и тут же поняла, что эта Лотти повела бы себя именно так. Эта женщина, за которую принимал ее Себастьян, была способна на все, о чем сама Шарлотта не имела вообще никакого представления.

Дама может склонить мужчину купить ей драгоценности? Но как это делается?

Лошадь – тугой комок арабских нервов, – которую держал на поводу дрессировщик, гарцевала и становилась на дыбы,

а жокей, худощавый парнишка лет пятнадцати, пытался забраться в седло.

– Я такого не видел, Лотти, – сказал Себастьян. – Сомневаюсь, что этот мальчик сумеет дойти до первого поворота, прежде чем окажется в Суссексе.

Суссекс? Шарлотта могла представить себе, как бедняга жокей приземляется на полпути до Ла-Манша, но что, кроме этого, она знала? Скачки на лошадях, как же! Но она не могла избавиться от смутных воспоминаний, будораживших ее мысли.

Длинные ноги. Мощная грудь. Вытянутая голова.

Животное гарцевало и металось, и Шарлотта видела, как эта лошадь по-чемпионски пробивается сквозь массу конкурентов, обходит их всех и во весь опор мчится к финишной черте.

«Что за выдумки?» – покачала головой Шарлотта.

– Если он на этой неделе не победит, то через две недели будет на аукционе у Татта, – говорил дрессировщик своему приятелю. – Кровь или не кровь, его милость больше не станет тратить на него деньги, если он не выиграет.

– Кто его владелец? – поинтересовался Себастьян.

– Я, – раздался позади них глубокий сочный голос.

– Рокхест! – воскликнул Себастьян. – Мне следовало догадаться, что это невоспитанное животное принадлежит тебе.

– Невоспитанное? – Граф скрестил руки на широкой гру-

ди. – Скорее, оно напоминает мне тебя, Трент.

Повернувшись, Шарлотта увидела стоявшего позади известного всему Лондону графа Рокхеста. Как получалось, что этот человек оказывался везде, где была она? Сейчас он смотрел на нее тем же пристальным, оценивающим, совершенно непристойным взглядом, полным желания, как перед домом Арбакла.

Шарлотта с трудом перевела дыхание. Если Гермиона считала Рокхеста самым энергичным мужчиной на земле, то Шарлотта находила его неугомонность раздражающей.

Конечно, изменения в Себастьяне ее тоже несколько смущали, но это было совершенно другое дело.

Тем временем Себастьян здоровался с графом, как с братом, которого давно не видел; мужчины похлопали друг друга по спинам и обменялись несколькими шутивными ударами.

Себастьян и Рокхест – друзья? Это совершенно озадачило Шарлотту.

А затем в этот мужской мир ворвался Роуэн, знаменитый волкодав графа, почти всюду сопровождавший хозяина и отпугивавший как навязчивых свих, так и грабителей.

Шарлотта всегда смотрела на огромного пса с некоторым опасением, и нынешний день не явился исключением, тем более что животное, подбежав и остановившись рядом с хозяином, спустя минуту повернуло большую голову и посмотрело прямо на нее, а потом глухо, угрожающе зарычало.

– Роуэн! – Взяв собаку за ошейник, граф встряхнул ее. – Что с тобой? Это же наш хороший друг, миссис Таунсенд.

Но пес не успокоился и продолжал рычать и лаять на Шарлотту, словно она представляла угрозу для короля и страны.

– Прекрати, глупое животное! – Рокхест взял собаку на поводок и заставил сесть.

Еще раз напоследок гавкнув, но так и не спустив с Шарлотты глаз, Роуэн улегся на ноги графа.

– Примите мои извинения, мадам, – обратился граф к Шарлотте, покачав головой. – Совершенно не понимаю, что с ним сегодня случилось.

– Ничего страшного, – ответила Шарлотта, еще раз взглянув вниз на настороженного пса и почувствовав, как у нее по спине пробежала дрожь. Она могла поклясться, что волкодав знает правду – чует, что она не Лотти.

– Меррик, вы убедили миссис Таунсенд поставить на мою замечательную лошадь? – спросил Рокхест у букмекера.

– Я как раз показывал ей его – это великолепное животное, – ответил Меррик.

Словно по команде лошадь недовольно фыркнула и мотнула головой, а несчастный жокей так и остался висеть крепко вцепившимся в седло.

– Да, прекрасное животное, – вздрогнув, повторил Меррик и сделал какую-то пометку о продаже. – Он будет бежать так, как еще никто не видел.

– Прямо к ближайшей кобыле, если он хоть чем-то похож

на своего владельца, – прокомментировал Себастьян.

Фыркнув, Рокхест встал между ним и Шарлоттой и, спокойно переложив ее руку с локтя виконта на свой, повел ее вокруг лошади, чтобы избавиться от постоянного присутствия Себастьяна.

– Такому упряму требуется только благородное влияние редкой красавицы.

Шарлотта не поняла, говорил ли он о лошади, о своей собаке или о самом себе.

Но лошадь... Шарлотта была зачарована ею – арабская стать, четкий, решительный стук копыт о землю. У нее захватило дух, и мысленным взором она увидела, как бежит это животное, как развеивается по ветру его грива, а хвост покачивается при каждом стремительном и уверенном шаге. Никогда еще Шарлотте не доводилось быть так близко к такому величественному созданию.

– У него есть имя?

– Пока нет, – ответил Рокхест. – Он его еще не заработал. Но если хотите, то, может быть, дадите ему имя, миссис Таунсенд?

– Я? – Шарлотта не могла понять, почему он хочет, чтобы она дала имя его лошади. – Это очень ответственное дело, чтобы вот так просить кого-то это сделать.

– Вас, мадам, а не просто кого-то, – тихо возразил он. Заметив, как у него заблестели глаза, Шарлотта все поняла: он пытается купить ее. Не драгоценностями, не поэзией и не

цветами, а этой своей лошастью, обладающей магнетической силой, которая – Шарлотта прекрасно понимала – в конце концов покорит любую женщину.

– Как бы вы его назвали? – спросил граф и, опустив дру- гую руку, сжал ей пальцы.

Шарлотта вздрогнула от этой ласки Рокхеста, которая подразумевала укрощение и соблазнение, и, выдернув свою руку, встретила взглядом с Себастьяном, стоявшим напро- тив них и пристально наблюдавшим за ней.

Шарлотта не могла понять, о чем он думал, но ей хоте- лось, чтобы сейчас он был рядом, перелетел через эту разде- лившую их пропасть и заявил свои права на нее.

«Лотти бы знала, что делать», – подумала Шарлотта и то- же нашла выход из положения. Она призывно улыбнулась Себастьяну, а потом снова посмотрела на непокорного, свое- нравного жеребца, стоявшего между ними, и придумала пре- восходное имя.

– Борей, – сказала она, переведя взгляд на Рокхеста и ста- раясь сохранить спокойствие на лице, чтобы не дать этому мужчине ни малейшего повода догадаться о ее чувствах. – Думаю, вы должны назвать жеребца Борей.

– В честь северного ветра. – Себастьян подошел к ним, ясно дав понять, кто имеет права на Шарлотту, и она с об- легчением вздохнула, радуясь, что он снова возле нее.

– Борей, – повторил Рокхест. – Великолепное имя.

Шарлотта подошла ближе к только что нареченной лоша-

ди и протянула руку, чтобы погладить ее темную шею, поласкать густую гриву и шелковую шкуру под ней.

– Я бы не делал этого, мэм, – нараспев прокричал дрессировщик с того места, где он обсуждал что-то с Мерриком. – Вы вполне можете остаться без пальцев, если он не в настроении.

– Что, Борей, никто в тебя не верит? – прошептала Шарлотта и, не обращая внимания на ирландца, подошла еще ближе. – Прости их. По-моему, ты замечательная лошадь. Совершенно не знаю почему, но я уверена, что ты победишь. И довольно легко – Улыбнувшись, она отступила назад.

– Что скажете, миссис Таунсенд? – подскочил к ней Меррик. – Красавец, не правда ли? Просто весь дышит триумфом.

Поймав по-деловому сосредоточенный взгляд мужчины, Шарлотта кивнула, отлично понимая, что он имеет в виду.

Эта лошадь победит.

– Итак, что скажете, мэм? Ваша обычная ставка? Обычная ставка? Кто бы мог подумать, что быть любовницей Себастьяна так сложно?

– Ты даешь Меррику ровно то, что он хочет, – шепнул ей на ухо Себастьян.

– Что ты под этим подразумеваешь?

– Ты прекрасно знаешь что. Он хочет, чтобы ты высказалась за это животное, а он смог бы облапошить всех этих твоих поклонников, которые убеждены, что ты наделена да-

ром в отношении выбора лошади.

– Ты правда считаешь, что у меня есть такой дар? – Шарлотта изо всех сил старалась не обращать внимания на громкий стук сердца и будоражащий гул одобрительных возгласов, когда Борей стремительно пересечет финишную линию.

– Что-то есть, – признал Себастьян. – Но этот жеребец, Лотти, сбросит своего наездника, если тот направит его не туда, куда ему хочется.

– Пожалуй, так, – шепнула она в ответ. – Но он победит.

– Ты всегда это знаешь, – засмеялся Себастьян, – и вечно досадуешь, когда они не выигрывают.

– Но я уверена, – настаивала Шарлотта, – Борей сегодня победит.

Отойдя на шаг, Себастьян внимательно посмотрел на нее и пришел к заключению:

– Ты действительно веришь, что его ждет успех?

Шарлотта кивнула.

Обернувшись, Себастьян несколько секунд сосредоточенно смотрел на лошадь, а затем его лицо засветилось, словно внутри вспыхнула свеча.

– Ей-богу, думаю, ты права.

– Да, Меррик, моя обычная ставка, – объявила Шарлотта, снова почувствовав, как у нее по спине пробежала дрожь.

– И такую же сумму запишите на мое имя, – сказал ему Себастьян.

Это повергло в изумление всех стоявших поблизости, и

Рокхест, подойдя к нему, тихо сказал:

– Послушай, Трент, ты можешь себе это позволить? Я не хочу, чтобы ради меня ты залез в долги.

Но вместо того чтобы возмутиться тем, что его финансовые неурядицы становятся всеобщим достоянием, Себастьян только отмахнулся.

– Если миссис Таунсенд говорит, что эта лошадь придет первой, я не могу этому не доверять.

Но Меррика, по-видимому, ничто не волновало, он просто занялся заполнением квитанций.

– Да, сегодня замечательный день, – сказал он, торопливо закончив, и унесся, чтобы до начала скачек успеть собрать как можно больше ставок.

– Теперь, заручившись вашим участием в игре на скачках, он сократит разрыв, – сказал Рокхест.

– Нам нужно просто все организовать, – сказал Себастьян другу.

– Каким образом?

– Мы скажем всем, что вчера вечером миссис Таунсенд слишком много выпила и сегодня утром не в себе.

Рокхест разразился смехом, а Шарлотта постаралась закрыть непроизвольно открывшийся от изумления рот.

– Лорд Трент! – возмутилась она. – Это безобразие! Я не... – О Господи, было трудно что-либо возразить на такое заявление, когда она не имела ни малейшего представления о том, что делала Лотти прошлым вечером, и Шарлотта избра-

ла другую тактику: – Что подумают обо мне люди?

– Что ты просто восхитительна, как всегда, – ответил Себастьян, поцеловав ее в лоб, и обратился к Рокхесту: – Ты возьмешь на себя одну половину толпы, а мы другую.

– Если ты полагаешь, что я стану участвовать в этом жульничестве... – возразила Шарлотта.

– Проклятие! – выругался Рокхест, перебив ее протест. – Сюда направляется этот зануда Баттерсби. У нас нет выбора, нужно поторопиться.

Взглянув на луг, Шарлотта увидела быстро приближавшегося к ним мужчину.

– Никак это вы, Трент? Рокхест? – воскликнул высокий худой франт.

Рокхест не потрудился даже поклониться и достойно уйти, а просто бросился в толпу и вмиг исчез, а Роуэн радостно побежал вприпрыжку вслед за ним.

Что касается Себастьяна, то он чуть задержался, чтобы схватить Шарлотту за руку и потащить в противоположную сторону. Ей пришлось быстро перебирать ногами под юбками, чтобы поспевать за Виконтом, и держать рукой съехавшую набок шляпу.

– Едва не попались, – сказал он, когда они на полной скорости завернули за угол палатки. Он привлек Шарлотту к себе и, крепко держа, выглянул из-за угла, чтобы убедиться в успехе.

– Почему мы удираем от бедняги Баттерсби, словно он

французский бандит? – поинтересовалась Шарлотта, поправляя шляпу.

– Лучше встретиться с армией лягушатников, чем сейчас столкнуться с Баттерсби. – Оглянувшись по сторонам, Себастьян увидел позади них торговца, продававшего корзины с едой. – Проголодалась?

Шарлотта кивнула, ведь прошло уже несколько часов с тех пор, как она позавтракала клубникой.

– Корзину, – сказал он продавцу и, достав монеты, положил их на прилавок, а потом оглянулся на Шарлотту: – Теперь нам остается только не попадаться на глаза Баттерсби.

– Ты так и не сказал мне, что он совершил, – напомнила ему Шарлотта, не отрывая глаз от продавца, наполнявшего корзину.

– Баттерсби выиграл последние оставшиеся акции шхуны «Агата Скай», той, которая несколько месяцев назад отправилась в кругосветное плавание, – объяснил Себастьян, одновременно осматривая окружавшую их толпу и покручивая пальцами выбившуюся у Шарлотты прядь волос.

Она сочла неприличным, что он продолжал так интимно касаться ее, словно для них обоих это было вполне привычным делом. «Но так и есть, – шепнул ей внутренний голос. – Обычно это и еще многое другое».

Вздвогнув, Шарлотта постаралась внимательно слушать, что говорил Себастьян и не обращать внимания на то, как ее губы слегка трепетали, словно ожидая еще одного сорванно-

го поцелуя, как ее тело в сладостном предвкушении напряглось в тех местах, которые она никогда не считала способными быть такими... самостоятельными.

Но Себастьян, по-видимому, не замечая ее смущения, положил руку ей на талию.

– А они чего-нибудь стоят? – удалось ей произнести, несмотря на то что ее груди потяжелели, а соски неприлично поднялись, как это было утром, когда он был... нагой. На ней. И его руки блуждали...

«Спокойно, Шарлотта, – сказала она себе. – Не думай об этом!»

Ох, это было так трудно выполнить теперь, когда она знала... как это просыпаться с мужчиной. Поэтому Шарлотта приложила невероятные усилия, чтобы сосредоточиться на разговоре, который они вели.

– Но эти акции должны что-то стоить.

– Я бы сказал, не больше, чем бумага, на которой они напечатаны, – фыркнул Себастьян. – Баттерсби выиграл их на прошлой неделе – его слишком долго не было в городе, и он не знал, что они обесценились, считая, что получит целое состояние. Он прижал ее бедрами к столбу палатки, и Шарлотта могла поклясться, что чувствует все дюймы его тела.

Даже те дюймы.

– А где сейчас это судно «Агата Скай»? – запинаясь спросила она, стараясь не вспоминать, как он выглядел, когда нагим расхаживал по ее спальне, – сильный, худощавый, му-

скулистый,двигающийся с завораживающей грацией.

Тогда она была не в состоянии отвести от него глаз, так же как сейчас не была способна не вспоминать об этом.

– Опаздывает на несколько месяцев, – пожал он плечами.
– Несчастные, наверное, уже на дне моря. – Себастьян взглянул на Шарлотту и несколько секунд смотрел так, словно не мог наглядеться, будто представлял ее себе без одежды.

Шарлотта пыталась восстановить дыхание, выбросить из головы такие мысли, но, Боже, как она могла это сделать, когда он обнимал ее и смотрел на нее так, словно мог овладеть ею прямо сейчас на этом самом месте?

Между тем к палатке подошли два молодых человека и стали делать заказ мужчине за прилавком, а когда один из них бросил плотоядный взгляд на Шарлотту, Себастьян выпрямился в полный рост и выразительно посмотрел на обоих, оградив своим телом Шарлотту от их похотливых взглядов.

– Ваша корзина, милорд! – крикнул продавец, спеша избежать конфликта перед своей палаткой.

– Спасибо, мой друг, – поблагодарил Себастьян, одной рукой беря наполненную доверху корзину, а другой – руку Шарлотты, чтобы увести ее от молодых людей.

Свободной рукой Шарлотта туже стянула накидку, и ей снова захотелось, чтобы ее наряд был немного скромнее. Себастьян уверенно вел ее вдоль бесчисленных балаганов и столов, где азартные игры собирали не меньше участников,

чем скачки.

– Жаль, что эти акции ничего не стоят, – продолжил он разговор, когда они проходили мимо колеса большой рулетки. Мужчина, крутивший колесо, радостно приветствовал Шарлотту, но Себастьян не позволил ей остановиться. – Они наполнили бы сундуки какого-нибудь удачливого бездельника, если бы ей удалось вернуться в порт. Ее сестра «Мэри Айона» принесла Боксли кругленькую сумму. Но я сомневаюсь, что кто-нибудь получит хоть фартинг от «Агаты» – последний раз ее видели огибающей мыс Доброй Надежды, и с тех пор от нее нет никаких известий.

– Это ужасно. – Оглянувшись на вертящееся колесо, Шарлотта задумалась, как бы это было, если бы она сыграла на этом новомодном изобретении.

– Да, для всех нас, – язвительно заметил Себастьян. – Теперь всем нам следующие несколько недель придется избегать Баттерсби, пока этот чересчур назойливый малый не найдет подобного же болвана, которому сплавит акции. – На секунду замолчав, он посмотрел вокруг.

– Взгляните-ка, друзья! Это миссис Таунсенд! – раздались веселые возгласы от другой рулетки. – Идите сюда, дорогая, и принесите нам удачу, хорошо?

Не успев себя остановить, Шарлотта повернулась, и восхищение, звучавшее в голосах игроков, и постукивание колеса «клик, клик, клик» потянули ее в ту сторону.

– Логги! – последовало предупреждение от Себастьяна.

– Но я... – Никогда еще она не ощущала ничего подобного.

– Ты же обещала, – напомнил он. – А кроме того, я, пожалуй, могу предложить тебе кое-что более интересное.

Но в данный момент настойчивое желание испытать судьбу в рулетке казалось самым увлекательным.

– Что скажешь, если мы немного побудем вдвоем?

– Пожалуй... – сказала она, совсем не подумав и проводя взглядом прыгающий шарик.

Когда Себастьян снова потянул ее, так что ей не осталось другого выбора, как последовать за ним, Шарлотта задумалась над своим ответом.

Вдвоем? Не хочет же он сказать...

Шарлотта прокляла свои неблагоразумные губы... за то, что они ответили на его предложение так быстро... с такой легкостью и так охотно, и ей захотелось, чтобы «вдвоем» означало еще один поцелуй.

– С этим яблоком в руке ты соблазнительна, как Ева, – пошутил Себастьян.

Шарлотта замерла, внезапно ощутив себя такой же обольстительной, как Лотти на портрете. Она уже была готова отведать плода, но вместо этого протянула его Себастьяну, предлагая откусить кусочек. Обхватив ее руку своими пальцами, теплыми и сильными, он вонзил зубы в яблоко, и ей в ладонь побежал сладкий сок.

Забрав у нее яблоко, Себастьян поднес ко рту ее руку и медленно, чувственно стал целовать ее пальцы и ладонь, втя-

гивая в себя весь яблочный сок – и не только.

Шарлотте с трудом удавалось дышать, когда его губы воспаляли ее тело, заставляя ее трепетать с ног до головы.

– Чертовски соблазнительна, – пробормотал Себастьян и, поцеловав ей тыльную сторону ладони, вернул яблоко.

«Дай ему откусить еще», – шепнул Шарлотте тихий озорной голосок.

Шарлотта вздрогнула и не осмелилась: они сидели на виду на верное, у половины светского общества, потому что по мере приближения времени знаменитых скачек бескрайний луг лорда Сандертон все больше наполнялся зрителями.

Судя по дерзкому блеску в глазах Себастьяна, Шарлотта подозревала, что он собирался предложить что-то неприличное прямо здесь... где под ней промнется прохладная трава, а их нагие тела будут нежиться под лучами солнца...

Несмотря на то что ее тело пробудилось, ожило и затрепетало от поцелуя, Шарлотта отодвинулась и поспешно откусила от яблока.

– Мне очень нравится за городом, – сказала она, чтобы сменить тему.

– Отсюда очень далеко до твоей модистки, – засмеявшись, пошутил Себастьян, кивнув на ее шляпку.

– Знаешь, я смогу пережить такое лишение, – задорно отвечала она.

– Ну, не уверен. Тебе действительно здесь хорошо? – взглянув на Шарлотту, спросил он.

– Да! – с восторгом воскликнула она. – Здесь такой чистый воздух, и я люблю траву. – В подтверждение своих слов она покачала мысками туфель.

– Ты хочешь сказать, беговую дорожку и лошадей... – снова пошутил Себастьян.

Шарлотта поняла, что ей приятно, как он ее поддразнивает – даже немножко сердит, и в ней пробудилась смелость, которой она в себе не ожидала.

– Нет, траву и цветы, – возразила Шарлотта, задрав в воздух нос. – И прогулка в экипаже доставляет мне удовольствие. Но я подумываю поменять спутника.

– Но ты же не сердись на меня, нет? – Вытащив из бутылки пробку, Себастьян сделал глоток – прямо так, без бокала и даже без стакана, и Шарлотта нашла это восхитительно неприличным.

– Сержусь? За что? – За то, что он устроил для нее этот замечательный пикник? За этот изумительный день?

Шарлотта легла навзничь на дорожное одеяло, которое Себастьян утащил из двуколки графа Рокхеста, и, глядя вверх на голубое небо, задумалась, что могут предложить небеса такого, чего у нее не было в этот последний час.

Она и Себастьян полакомились жареной курицей, пышным хлебом с большим куском масла, двумя сортами сыра и двумя яблоками – все из корзины, которую он купил, – а кроме этого, бутылкой французского вина (позаимствованной тоже из экипажа Рокхеста).

– За то, что увел тебя от твоих развлечений.

– Развлечений? – Шарлотта встретила с ним взглядом.

Себастьян протянул ей бутылку, а когда Шарлотта вежливо покачала головой, пожал плечами, сделал еще глоток и заткнул пробку.

– От твоих обычных забав – игры в кости, в карты, от скачек... и от боксеров. – Он поднял брови.

– О Господи, нет. – Шарлотта села.

– Господи? – повторил он. – Ты говоришь как одна из моих незамужних сестер. Где же моя развязная, моя откровенная Лотти? – Он принял возмущенную позу, схватился рукой за голову и заговорил фальцетом: – «Пошел ко всем чертям, Трент. Если я хочу проиграть свои подвязки, это не твое собачье дело».

– Я бы никогда ничего подобного не сказала. – Но против собственной воли Шарлотта засмеялась.

– Да, пожалуй, не сказала бы, – согласился Себастьян. – Здесь пропущено по меньшей мере еще одно богохульство и два ругательства.

Прекрасно! Теперь она знала о ругательствах столько же, сколько о... других вещах. Однако в его пародии было что-то еще, что озадачило Шарлотту.

– Ты не находишь, что эта... моя склонность к таким выражениям отвратительна? – Она села на пятки. – Просто неприлична?

– Лотти, – рассмеялся он, – ничто, сказанное тобой, не

кажется мне отвратительным. – Я люблю в тебе все.

Его признание поставило Шарлотту в тупик. Он любил эту Лотти, невзирая на ее пристрастие к азартным играм, на ее не подобающий леди язык? Любил, несмотря на то что почти все мужчины в Лондоне знали, как она выглядит обнаженной?

Любил искренне и страстно?

– Честно говоря, спорим, что ты не сможешь сказать ничего такого, что меня удивило бы. – Бросив такое заявление, как перчатку, Себастьян выразительно посмотрел на Шарлотту.

Она понимала, что порядочная леди не стала бы реагировать на такие слова. Попытаться опорочить джентльмена своим знакомством с ним? Что ж, мнения губительны.

Однако его самоуверенность показалась ей слишком заманчивой. «Что мне терять, если лорд Трент – о нет, весь Лондон – считает меня падшей? Так почему бы не попробовать?»

Опершись на локоть, Себастьян в это время обрывал лепестки у несчастной ромашки, делая вид, что не обращает внимания на Шарлотту.

– Как? Несдержанная миссис Таунсенд лишилась дара речи? Мне следует послать сообщение в «Морнинг пост»?

– О, дай мне подумать.

– Ты должна над этим задуматься? – Взяв у нее из руки яблоко, Себастьян откусил от него и вернул обратно. Он с

удовольствием хрустел украденным фруктом и этим мешал Шарлотте замыслить что-нибудь по-настоящему непристойное.

Вечно она избегала всего, даже отдаленно нарушающего приличия, и теперь ей было нелегко окунуться в эти незнакомые воды. Впрочем, до нынешнего утра ее никогда не целовали, она не видела мужчину в... нет, без...

Образ Себастьяна, нагишом разгуливающего по ее комнате, подстегнул воображение Шарлотты, и внезапно стало абсолютно очевидно, что может быть самым поразительным.

– Я хочу пойти в музей, – объявила она. – Желаю посмотреть коллекцию греческих статуй лорда Таунли.

– Что ты хочешь увидеть? – Себастьян с разинутым ртом уставился на Шарлотту.

– Коллекцию греческих мраморных статуй Таунли.

И в это мгновение Шарлотта поняла, что проделка ей удалась, – Себастьян был поражен.

Но причина была совершенно не та, о которой она подумала.

– Ах, плутовка, – усмехнулся он и, перевернувшись на спину, расхохотался во все горло. – Ты чуть не поймала меня, Лотти. Статуи Таунли, как же!

– Я серьезно, – сказала она, ткнув Себастьяна под ребра. – Хочу увидеть их. Слышала, что они бесподобны.

– Одна обнаженная фигура бесподобнее другой?

– Думаю, знакомство с ними пойдет мне на пользу, – отве-

тила Шарлотта, не находя в этом ничего смешного, и сложила руки на груди. – Я смотрела путеводитель, читала все статьи в газетах и... Чего Шарлотта не могла сказать ему, так это того, что его сестра и мать подробно описывали ей статуи, так как ходили их смотреть, а она умирала от желания увидеть то, что большинство distinguished лондонцев считали непристойным.

Перестав смеяться, Себастьян повернул к ней голову и пристально всмотрелся в Шарлотту.

– Ты и вправду серьезно! Ты на самом деле хочешь пойти посмотреть эти проклятые статуи?

Она кивнула.

– А я-то полагал, что ты не сможешь меня удивить. Лотти Таунсенд, любительница шляпок, заядлая картежница и транжира – и она втайне «синий чулок»? – Он тихо прищелкнул. – Да кто же в это поверит? Никто, даже если «Пост» опубликует такое откровение. – Себастьян покачал головой. – Неужели у тебя действительно есть путеводитель?

Шарлотта кивнула.

Сделав большие глаза, он, сдаваясь, поднял руки вверх.

– Значит, я победила? Я удивила тебя?

– Да, – согласился он. – Но не рассчитывай на скорое посещение коллекции. Все, что у меня было, я уже потратил на это пари у Меррика.

Его беззаботные слова Шарлотта чуть не пропустила мимо ушей, потому что она все еще наслаждалась своей побе-

дой, однако у Себастьяна слегка дрогнул голос, и это привлекло ее внимание.

– Что ты сделал? – прошептала она.

– Поставил все на эту лошадь, которая тебе так понравилась. – Он беспечно улыбнулся, не ища оправдания. – Если она проиграет, я буду полностью разорен. И тогда мне останется только...

У Шарлотты сжалось сердце, когда его неуместная улыбка исчезла.

Жениться на мисс Берк.

Эти невысказанные слова повисли между ними, как петля палача. Это был бы конец всему – для них.

– Как ты мог так поступить?

– Смешная девочка. – Протянув руку, Себастьян потрепал ее по волосам. – Что такое деньги, если я потерял свое сердце и душу? Нам их всегда хватало, и мы всегда знали, что это только вопрос времени... Во всяком случае, пока ты решительно против...

Звук трубы, раздавшийся внизу на поле, прервал его речь. То, что он собирался сказать, вероятно, было важно, но, когда труба протрубила снова, они одновременно сели, чтобы посмотреть вниз на дорогу.

– Скачки! – Себастьян поспешно поднялся. – Идем, Лотти, моя любовь. Посмотрим, что судьба уготовила нам. Так ли быстр Борей, как ветер, или хотя бы стремительнее прославленного скакуна лорда Сандертон?

Глава 7

«Как мог Себастьян поставить все свои наличные на исход скачек? – с тревогой думала Шарлотта, когда они рука об руку бежали вниз по склону холма. – Рискнуть будущим, положившись на мою интуицию?»

Они пробежали мимо опустевших балаганов, брошенных партий в вист и замерших колес рулеток. Казалось, все позабыли об азартных играх, чтобы посмотреть скачки – зрелище захватывающее и с более крупными ставками.

– Проклятие! – выругался Себастьян. – Они уже стартовали.

– Но разве самое важное не финиш?

– Да, верно, – согласился он, протискиваясь вместе с Шарлоттой сквозь толпу.

Вокруг них царило всеобщее возбуждение. Но Шарлотту охватил сжимающий сердце ужас.

– Мне жаль, что ты бросил на это все свои деньги. А вдруг я ошиблась?

– Что на тебя нашло сегодня? – Себастьян с удивлением обернулся к ней. – Беспкоишься о моих потерях? По-моему, тебе лучше подумать о том, как ты вернешься домой и скажешь Финни, что лишилась всех денег, которые должна отдать за месяц зеленщику, или – что еще страшнее – не сможешь покрыть половину ее последнего счета у мадам Клоди.

Ты же знаешь, как она относится к твоим играм. – Он ласково взял Шарлотту за подбородок и поцеловал в лоб. – Впрочем, не важно. Если она начнет донимать тебя, скажи, что ты слышала, как она прошлой ночью предлагала лорду Рейнольдсу свои чулки, чтобы оплатить ее проигрыш в двадцать одно. – Он опять рассмеялся. – Ай да Финни!

– Да, – согласилась Шарлотта, – это в ее духе. – Закрыв глаза, она попыталась избавиться от картины того, как достойная незамужняя кузина ее матери предлагает кому-то свои чулки. «Нет, – решила Шарлотта, – нужно что-то придумать, да поскорее».

Что, если Борей не победит? И Себастьян потеряет все свои деньги? Что тогда будет с ее желанием? Она, возможно, и останется женщиной, которую он любит, но Себастьяну придется в срочном порядке жениться на Лавинии Берк и ее десяти тысячах годовых.

Шарлотта посмотрела на человека, которого, как ей казалось, она знает, которого ей хотелось бы знать. В сдвинутом набок цилиндре, с небрежно завязанным мятым платком на шее он с горящими от возбуждения глазами обнимал ее рукой за плечи, не обращая внимания ни на кого вокруг. Взглянув на нее, Себастьян подмигнул, словно на свете не существовало ничего, кроме этого момента.

– Не беспокойся, Лотти, – шепнул он, – ничто не разлучит нас, кроме времени.

И тогда Шарлотта поняла, чего именно она желала: вот та-

кого мгновения, когда их со всех сторон будет сжимать возбужденная толпа, а они, будучи совсем не одни, останутся в своем собственном мире.

Потому что он любил ее.

И она – его.

Но нельзя отрицать, что его финансовое положение поставит их обоих перед выбором, которого ей не хотелось делать, во всяком случае, сейчас, в данный момент, когда только что исполнилось ее желание и она узнала истинное счастье любви.

Поднялся шум, и земля задрожала от топота копыт.

– Они приближаются. – Шарлотта поднялась на цыпочки, стараясь увидеть финишную черту. – О, черт, мне ничего не видно!

– И мне тоже. – Взглянув вокруг, Себастьян подхватил ее за талию и поставил на большую бочку. – Как теперь? – прокричал он, заглушая хлопки и крики, наполнявшие воздух.

Покачиваясь на своем помосте, Шарлотта крепко держалась за руку Себастьяна, чтобы не упасть. Поверх моря цилиндров и редких украшений из перьев Шарлотта устремила взгляд в сторону лошадей.

Борей, подобный ветру, в честь которого был назван, стремительно несся через луг к своей судьбе, а его жокей прильнул к спине громадного животного. Но, к ужасу Шарлотты, он был позади чалого скакуна лорда Сандертон.

Позади?

Паника заставила Шарлотту забыть о необходимости соблюдать правила приличия, принятые в Мейфэре. О, проклятие, этого не будет!

– Быстрее, черт побери! – закричала она. – Давай, Борей, давай!

Лошади шли голова в голову, и Шарлотта, вцепившись в руку Себастьяна и позабыв об осторожности, прыгала и изо всех сил кричала, подбадривая лошадь.

А затем скачка закончилась так же внезапно, как и началась, и Шарлотта от изумления не могла поверить тому, что видела. Вокруг нее часть зрителей охватило бурное ликование, а большая часть застонала, осознав, что лишилась всех поставленных денег.

– Кто выиграл? – нетерпеливо спросил Себастьян, повернув Шарлотту лицом к себе. – Который из них, черт возьми?

Наклонив голову, она в течение секунды могла только смотреть на него в безмолвном изумлении, а затем улыбнулась широкой, радостной улыбкой.

– Ура-а-а! – заорал Себастьян.

Опрокинутая буйной парой изрядно подвыпивших мужчин, Шарлотта благополучно попала прямо в объятия Себастьяна, и он, поймав ее, притянул к себе и горячо поцеловал.

Захватив в плен ее губы, он играл с ее языком, дразня и соблазняя, а рукой подхватив ее под ягодицы, привлек еще ближе, так что они оказались почти в таком же интимном

положении, как были этим утром в постели.

Ее сердце, еще не утихшее после пережитого возбуждения, теперь отбивало бурную барабанную дробь. Губы Себастьяна спустились от ее рта к шее, и тепла его поцелуя оказалось достаточно, чтобы ноги перестали держать Шарлотту.

– Ей-богу, я тебя люблю, – с прерывистым вздохом прошептал Себастьян. – Люблю, как никого на свете, и всегда буду любить, моя девочка.

Взяв в ладони ее лицо, он вновь поцеловал Шарлотту, на этот раз неторопливо и с такой нежностью, что она могла думать только об одном: «Если бы только у меня было еще одно желание...»

– Не имею ни малейшего представления, что меня ожидает, – несколькими часами позже сказал ей Себастьян. – Ты прекрасно знаешь, что как бы сильно ни хотелось мне провести остаток вечера в твоей постели, я не могу этого сделать. – Он на секунду замолчал и, усмехнувшись, добавил: – Во всяком случае, сейчас не могу.

После победы Борея они целовались и отплясывали бешеную джигу вокруг бочки. И Шарлотте было безразлично, что вокруг смеялись над ними или просто откровенно глазели на их нелепое поведение. Никогда еще она не чувствовала себя такой свободной, такой беспечной.

И богатой! Когда Меррик, неторопливой походкой подойдя к ним, сообщил сумму ее выигрыша (учитывая, что непредсказуемая лошадь Рокхеста была бесподобна), Шар-

лотта не могла придумать, что она будет делать с таким неожиданно свалившимся на нее богатством.

Затем, когда солнце опустилось низко к горизонту, пришло время возвращаться в город. Проехав лондонские ворота, они углубились в улицы Блумсбери, и Себастьян, свернув за угол – на Литл-Тичфилд-стрит, – остановился перед домом в середине квартала. Шарлотта хотела сказать, что это не ее дом, но вовремя удержалась.

Она напонила себе, что больше не живет в старом тесном доме кухни Финеллы на Беркли-сквер. Взглянув на свой дом, Шарлотта с удивлением увидела ярко-голубую дверь, а на окнах из вишневого дерева ящики с цветами и тонкие занавеси.

– Вот ты и прибыла, – объявил Себастьян.

Шарлотта бросила еще один взгляд на дверь и неожиданно пришла в смятение: знаменитый дом Лотти, ее новая жизнь. Так что же ей теперь делать?

И она прибегла к единственному, что хорошо знала, – к хорошим манерам Мейфэра.

– Благодарю вас, что доставили меня домой, лорд Трент, – сказала она, все еще с некоторым беспокойством глядя на дом перед собой. Если пригласить Себастьяна зайти, он захочет...

Шарлотта сделала глубокий вдох. Целоваться с Себастьяном – это одно, но оказаться с ним в постели нагой и в обнимку, как утром, – это совершенно иное дело.

И как она могла допустить такое?

Между тем, посмеявшись над ее чопорной благодарностью, он спрыгнул с сиденья и подошел, чтобы помочь ей спуститься.

– Я рад, что мог оказать вам любезность, миссис Таунсенд.
– Его шутливая официальность содержала некоторый намек, потому что, произнеся эти слова, он дерзко подмигнул Шарлотте.

Его лукавый, жадный взгляд проскользнул прямо ей в душу, и она постаралась перевести дух и придумать, что делать дальше. Поблагодарить его на улице, сердечно пожать руку и отправить... к той, другой?

Нет, нет, рукопожатие не годится! Она не может отпустить его к Беркам с воспоминанием только о вышитом узоре на ее перчатке, и ей стало досадно, как уже бывало раньше, что Лавиния Берк – это часть жизни Себастьяна, в которой для нее самой нет места.

Шарлотте пришлось собрать все свое мужество, когда он положил руки ей на бедра, чтобы спустить ее с сиденья на булыжники мостовой. Она позволила себе прижаться к его груди и, ища надежную опору, уперлась руками ему в плечи. А потом, не сознавая, что делает, придвинулась еще ближе и, откинув назад голову, заглянула в его темные глаза.

Быть может, все не так трудно, как ей казалось.

– Сейчас даже не помышляй, – предупредил он.

– Не помышлять о чем?

– О своих хитростях. Ее хитрости?

– Почему? – осмелилась спросить Шарлотта, чувствуя себя всемогущей. Да разве могло быть иначе, когда он вот так держал ее?

– Ты прекрасно знаешь почему. Сначала это будет: «Себастьян, проводи меня до двери...»

– А что в этом плохого?

– А то, что, оказавшись у двери, ты повернешься ко мне, как сейчас, и потребуешь поцелуя.

О, эта миссис Таунсенд была бесстыжей дамой.

– Я? – Пораженная отвагой Лотти в таких делах, Шарлотта постаралась подавить усмешку.

– Да, ты.

– И это сработает? – Она постаралась, чтобы в ее словах не прозвучала надежда.

Лотти Таунсенд была бесстыжей; Шарлотта Уилмонт все еще оставалась добропорядочной жительницей Мейфэра, однако что-то подталкивало ее забыть о своем предыдущем существовании. Что оно принесло достойной старой деве? А в том, чтобы быть любовницей Себастьяна, быть женщиной, которую он любит, скрывалось нечто соблазнительное, дававшее ей острое ощущение приключения.

– Ответьте же, милорд. Это сработает? – повторила Шарлотта.

– Сегодня – нет, – решительно объявил Себастьян, выпуская ее из объятий.

Но Шарлотта вовсе не была в этом убеждена и поэтому снова потянулась к его теплому телу.

– И скажете, что вы не проводите меня до двери...

– Чего я не сделаю... – Он скрестил руки на груди и свел брови.

– Да, как скажете, – с готовностью согласилась она, кладя руку ему на локоть. – Но вы говорите, что обычно провожали меня. И возле двери у меня хватало дерзости попросить поцелуя, а вы, как джентльмен, – а мы оба знаем, что вы истинный джентльмен, – соглашались удовлетворить мою просьбу? Ну и какой от этого вред?

– Лотти, зачем ты это делаешь? – У него на лице появилось странное настороженное выражение.

– Что именно?

– Сегодня весь день убеждаешь меня, будто искренне, всей душой любишь меня...

– Но я...

Движением руки Себастьян остановил ее возражение.

– ...а через два дня станешь швырять в меня красивыми туфельками, обзывать всякими непристойными словами и выгонять за дверь.

Неужели она такое делала? Шарлотта содрогнулась, и ее восхищение Лотти резко опустилось на несколько делений.

– Вероятно, у меня изменилось настроение, – быстро ответила она.

И жизнь... и взгляды... и... в общем, все.

Он фыркнул, но остался таким же настороженным.

– Поверь мне, – обеими руками держа его рукава, Шарлотта придвинулась еще ближе, – последнее, что я когда-нибудь сделаю, – это выброшу тебя из своей жизни, из сердца.

Себастьян посмотрел на нее, и она почувствовала, что он борется с собой, опасается, но полон желания поверить ей. Издав какой-то глухой звук, он крепко обнял Шарлотту и без всякого предупреждения и тем более без разрешения накрыл ее губы своими губами.

На этот раз, как и всегда, его поцелуй застал Шарлотту врасплох. На протяжении секунды она (несмотря на всю свою браваду) не чувствовала ничего, кроме паники, потому что лорд Трент бесстыдно целовал ее прямо посреди улицы, но эта мимолетная тревога не успела пустить корни и была сметена тем восхитительно приятным теплом, которое он пробудил к жизни внутри ее.

Шарлотта прильнула к нему всем телом, прижавшись грудью к жесткой, колючей шерсти его куртки, а бедрами к его бедрам, и даже не осознала, что вздохнула, ощутив выпуклость у него под бриджами.

А так как ранее она получила точное представление о том, что именно скрывал виконт в своих бриджах, Шарлотта почувствовала порочное желание увидеть это выпущенным на свободу из темницы буйволово́й кожи.

Но Себастьян вдруг прервал поцелуй так же внезапно, как начал его, и, резко отстранив Шарлотту, посмотрел на нее с

неистово пылающей яростью в глазах.

– Ты опасно соблазнительная женщина, Лотти Таунсенд. – Произнеся это, он вернулся в экипаж и тронулся с места, но напоследок бросил еще одну фразу, от которой у Шарлотты по все еще трепещущим конечностям пробежала холодная дрожь: – Мы закончим это сегодня ночью, мадам.

– Я иду с тобой, – сказала Финелла, решительно ведя Шарлотту под руку по последним ступенькам лестницы.

Шарлотта покорно вздохнула; у нее было такое ощущение, словно она парит, как воздушный шар, так что кухне незачем было так настойчиво тащить ее.

Финелла бросила возмущенный взгляд на отъезжающего виконта, а затем, упершись сжатыми кулаками в бедра и выставив локти, как пару крыльев, критически взглянула на свою заблудшую подопечную.

– Только посмотри на себя! Устраиваешь еще одно представление для миссис Спартлинг. Никак не пойму, почему тебе нравится дразнить эту старую болтливую кошку?

Так как Шарлотта понятия не имела, кто такая эта миссис Спартлинг, она ничего не ответила на причитания Финеллы. К тому же она все еще находилась под впечатлением поцелуя Себастьяна и головокружительного, опьяняющего восторга от его прикосновений.

– Лорд Трент считает меня соблазнительной, – мечтательным тоном протянула Шарлотта.

– Святые небеса! – покачала головой Финелла. – Что на

тебя нашло? Ты ведешь себя так, словно тебя никогда раньше не целовали. – Она повела Шарлотту вверх по лестнице к ее комнате. – Я с тобой, потому что тебе едва хватит времени подготовиться к сегодняшнему вечеру. Боже правый, что ты сделала со своим платьем? Оно все покрыто травой и грязью. – Недовольно вздохнув, она отправилась в гардеробную.

Но Шарлотта не слышала почти ни слова из того, что говорила кузина.

«Мы закончим это сегодня ночью, мадам».

Что закончим? Закусив губу, Шарлотта посмотрела в зеркало над туалетным столиком, ища ответа у своего отражения. Что он имел в виду?

У нее напряглись бедра и затвердели соски. О да, у нее было смутное представление о том, что это означало, но как она сможет... хм, закончить?

Правда, Куинс обещала, что рано или поздно к ней вернуться воспоминания Лотти, но Шарлотта хотела бы, чтобы это произошло раньше, – во всяком случае, до того как вернется Себастьян.

– Лотти, я не люблю читать наставления... – говорила Финелла из глубины гардеробной.

Шарлотта со вздохом взглянула в том направлении и поняла, что в одном Куинс была права: некоторые вещи просто невозможно изменить.

– ...но я хочу, чтобы сегодня вечером ты уделила графу особое внимание, – продолжала Финелла, просунув голову

в дверь.

– Графу? – отозвалась Шарлотта.

– Да, графу Рокхесту. – Финелла снова посмотрела на грязный подол платья Шарлотты и покачала головой. – Нынче ты пригласила его к себе в ложу, и не помешает, если ты весь вечер будешь флиртовать с ним, чтобы вызвать у Трента бешеную ревность.

– И что же из этого получится? – спросила Шарлотта вдогонку Финелле, снова скрывшейся в гардеробной.

Ее наивный вопрос, очевидно, не подобал леди, потому что до нее донесся стон отчаяния.

– Лотти, ты неисправима. Ты так же хорошо, как и я, знаешь, что нет ничего плохого в том, чтобы заставить мужчину немного нагулять аппетит, прежде чем он нанесет визит. – Финелла вернулась с большим свертком в коричневой бумаге, перевязанным шнуром. – Были времена, когда я тоже считала это немного грубым. – Она мечтательно улыбнулась, потом вздохнула и, подойдя к шкафу, достала ножницы и разрезала шнурок. – Но, – повернувшись к Шарлотте, она помахала перед ней ножницами, – не следует так подло обходиться с Рокхестом, тем более что в последнее время он очень внимателен. Раньше или позже ты порвешь с Трентом – и я молюсь, чтобы это случилось побыстрее, – так что лучше иметь наготове следующего претендента, чем остаться без покровителя. – Она положила ножницы обратно в шкаф и принялась разворачивать загадочный сверток.

«Покровитель». Это слово зазвенело в ушах Шарлотты, как погребальный колокол.

– Лаймен, – прошептала она.

– Лаймен! – воскликнула Финелла, забыв о бумаге и путанице шнурков. – Не хочешь же ты сказать, что это самодовольное ничтожество снова приставало к тебе?

Повернувшись к зеркалу, Шарлотта прикрыла локонами свою царапину. Она могла представить себе, какую сцену устроила бы Финелла, если бы узнала все подробности. Конечно же, Шарлотта не собиралась рассказывать кухне о том, что ходила домой в Мейфэр, так как тот дом больше не был ее домом. А, кроме того, у нее было такое чувство, что подобная история дала бы леди лишний повод с удовольствием сесть на любимого конька.

– Он проезжал мимо, когда я была...

– Держись от него подальше, – посоветовала Финелла, погрозив пальцем. – Не становись у него на пути. И вообще тебе не следует пускать таких, как он, к себе в постель, пока ты обладаешь такой внешностью и... – Она представила платье на обозрение Шарлотте.

– Вот это да! – прошептала Шарлотта, с восхищением глядя на шикарное вечернее платье из голубого бархата. С модной вышивкой по переду низко вырезанного лифа и с декоративными вставками на коротких рукавах, оно было самым элегантным из всех, которые ей когда-либо доводилось видеть – и тем более носить.

– Думаю, здесь мадам Клоди превзошла самое себя. – Финелла улыбнулась, ее недовольство исчезновением Шарлотты и отвращением той к ухаживаниям Рокхеста было окончательно забыто. – Днем я забрала его для тебя и шляпу тоже. – Отдав платье Шарлотте, она вернулась в гардеробную и вышла оттуда, неся в руках маленькую шляпку из голубого шелка с вышивкой по полям и с тремя пышными перьями, элегантно свисавшими на одну сторону. – Я не отдам тебя такому, как Лаймен, – продолжала она, – но Рокхест... – Она издала урчащий звук, который означал, очевидно, одобрение Лотти-на-портрете. – Он станет хорошо с тобой обращаться. И будет отличным любовником, его хватит на всю ночь. И он не оставит тебя и не уйдет, получив свое, если ты понимаешь, о чем я. И он любит это делать на французский манер. Во всяком случае, так миссис Вейч говорила мадам Клоди.

Шарлотта поблагодарила Бога за то, что в этот момент Финелла натягивала ей через голову голубое платье, потому что ее щеки стали такого же цвета, как красное платье кузины.

Заниматься любовью по-французски? О, святые небеса! Шарлотта не имела даже смутного представления, как это делается по-английски, не говоря уже о том, чтобы иметь склонность к континентальным способам.

– А месье Дешан говорил мадам Клоди – о, ты ведь знаешь, это портной, что живет напротив мадам Клоди! – так вот, месье говорил ей, что лорду Рокхесту не требуется подкладок в бриджи, он настоящий жеребец. – Финелла снова

издала тот же голодный урчащий звук.

– Прошу вас! – закрыв руками уши, остановила ее Шарлотта, чтобы Финелла не углубилась в подробности. – Довольно говорить о графе. – Господи, как она сможет смотреть на мужчину, а тем более сидеть рядом с ним на протяжении всей оперы, зная, что он... хм... в достаточной степени мужчина.

С нее довольно и того, что она видела лорда Трента в голом виде. И если Рокхест наделен еще более щедро, то она сказала бы, что граф имеет больше общего со своим непокорным жеребцом, чем только характер.

– О, не будь такой жеманной, – хихикнула Финелла. – Я знаю, ты считаешь лорда Трента самым лучшим любовником на свете и, Бог свидетель, почти всегда выглядишь удовлетворенной, но он весь в долгах.

– Не совсем, – сообщила она кухне. – Сегодня на скачках он выиграл кругленькую сумму. – Еще не договорив фразу, Шарлотта поняла, что ступила на зыбкую почву.

– На скачках? – Финелла снова уперлась руками в бедра. – Это вполне объясняет, почему у тебя такой подол! Но, Лотти, ты же обещала, что больше никаких игр! Разве ты не знаешь, сколько леди в нашем неопределенном положении погубили себя игрой в кости и лошадьми?

– Или бесконечной игрой в двадцать одно? – отозвалась Шарлотта, вспомнив сплетню, которой недавно поделился с ней Себастьян.

Безмолвно открыв и закрыв рот, Финелла смотрела на Шарлотту, словно старалась угадать, как много ей известно... и, по-видимому, не захотела рисковать, сравнивая недавние потери. Еще несколько минут повозившись с прической Шарлотты, она как бы между прочим спросила:

– И ты тоже выиграла?

– Восемьсот фунтов, – кивнула Шарлотта.

– О! – Лицо кузины расплылось в довольной улыбке. – Полагаю, это компенсирует то, что мы не получили от Трента. – И хотя удача Шарлотты, казалось, перехватила ветер из поднятых парусов Финеллы, леди вскоре вернулась к излюбленной теме: – Моя дорогая девочка, конечно, очень приятно иметь любовника для чистого удовольствия, но ты с Трентом уже почти год, а твой доход все уменьшается. Тебе нужен какой-нибудь Чезан, человек, который оставил бы тебе приличный годовой доход и еще один дом. – Финелла водрузила ей на голову шляпу, так что перья обольстительно закачались. – Желательно в провинции.

Шарлотта открыла для себя, что Лотти Таунсенд не отличалась умеренностью: у нее были лучшие наряды, моднейший экипаж и великолепнейшая ложа в опере. И, как она узнала от Финеллы, то, что она имела, досталось ей от старого Чезана.

Шарлотта не была уверена, что ей хочется вспомнить абсолютно все стороны жизни Лотти: ночи, проведенные с Себастьяном, – это одно дело, но два года с престарелым герцо-

гом вряд ли были занимательными или стоящими того, чтобы держать их в голове.

Сидя в кресле, Шарлотта искала в сумочке лорнет, который – она видела – Финелла туда положила.

– Миссис Таунсенд, как приятно видеть вас сегодня вечером, – раздалось приветствие из-за низкой перегородки, отделявшей ее ложу от соседней.

Шарлотта оглянулась и была поражена, увидев, что с ней здоровается лорд Пилсли. Муж ее матери.

– Лорд Пилсли, – выдавила она из себя, вытянув шею, чтобы узнать, кто с виконтом.

– Сегодня вечером на вас такое красивое платье, – сказал пожилой джентльмен. – Правда, вы всегда чудесно выглядите. – Он шагнул вперед, как будто его подтолкнули сзади, и это так и было. И только тогда, когда он сел в кресло, смущенно улыбаясь ей, Шарлотта увидела рядом с ним женщину. Свою мать.

Шарлотта открыла было рот, чтобы поздороваться, ожидая, что ее узнают, но получила от леди Пилсли лишь презрительный, раздраженный взгляд, который, как по опыту знала Шарлотта, был предвестником взрыва ярости. Задрав нос кверху и еще раз ткнув мужа веером под ребра, Аврора демонстративно отодвинулась подальше от ложи Шарлотты.

Отвергнута! Собственной матерью! Как могло дойти до такого? Шарлотта снова села и попыталась сдержать прихлынувшую к глазам влагу. Конечно, мать никогда не являла

собой образца материнской преданности, но Шарлотта всегда полагала, что причиной холодного отношения к своему единственному ребенку был характер этой женщины.

Ее размышления нарушил приглушенный мужской смех позади, не оставив ей времени и дальше ломать голову над этой загадкой. Обернувшись, Шарлотта увидела стоящего у портьера лорда Рокхеста, выглядевшего, как всегда, истинным джентльменом. Ее взгляд на долю мгновения опустился от его жилета к черным панталонам в обтяжку. Однако доказательство способностей Рокхеста только встревожило Шарлотту, а не привлекло вопреки заверению Финеллы, что это всегда желанно. Она быстро перевела взгляд вверх на самого джентльмена и постаралась улыбнуться, словно не имела ни малейшего понятия о том, чем он обладает и что скрывает под модными облегающими бриджами.

Судя по его самодовольному выражению, Рокхест, очевидно, перехватил ее любопытный взгляд. С хозяйским видом войдя в ложу, он сел в кресло рядом с Шарлоттой, вытянул перед собой ноги и с ослепительной улыбкой обратился к ней:

– Снова провоцируете леди Пилсли? У вас дьявольское чувство юмора. – Он склонил к ней голову. – Именно поэтому вы мне и нравитесь.

– Я вам нравлюсь? – Встревоженная его близостью, Шарлотта отодвинулась.

– По-видимому, я недостаточно информирую Финеллу,

иначе глубина моих чувств не явилась бы для вас такой неожиданностью. И еще вы прекрасно осведомлены, что в Лондоне вами восхищаются все. – Он взглянул поверх нее на соседнюю ложу. – За редким исключением в лице леди Пилсли. – Оглядев пустую ложу Шарлотты, он снова улыбнулся. – Вижу, сегодня вечером мы одни. Меня не будет окружать голодное полчище ваших почитателей? Вероятно, тот ящик бренди, который я недавно отправил Финни, в конце концов не пропал даром. – Эти слова объяснили его утреннюю осведомленность о цвете платья Шарлотты и бесконечный поток восторженных похвал Финеллы в его адрес. – Или этот вечер в узком кругу спланирован специально, чтобы наш общий друг имел возможность видеть, как вы беззастенчиво флиртуете со мной? – продолжал граф, кивком указывая через зрительный зал на противоположные ложи.

Взглянув туда, Шарлотта увидела, что Себастьян смотрит на нее; у нее на губах тотчас заиграла улыбка, и она уже готова была помахать ему, но в последний момент заметила, что он не один.

Рядом с ним сидела надутая мисс Берк.

На мгновение Шарлотта забыла, что одета в самое элегантное платье, которое когда-либо видела, что она Лотти Таунсенд, прославленная красавица и самая желанная женщина в Лондоне.

Глядя на Лавинию Берк, оставшуюся такой же хорошенькой, изящной и утонченной девушкой, какой она была и

прежде, Шарлотта не могла думать о себе иначе, как о мисс Шарлотте Уилмонт, бедной невзрачной старой деве.

Шарлотта поникла и почувствовала, как у нее сжалось сердце. Разве она могла соперничать с такими девушками, как мисс Берк?

О, это несправедливо! Почему все так изменилось, кроме нее? Когда Куинс перевернула мир вверх тормашками, почему она не поставила мисс Берк на ее хорошенькую головку и не встряхнула как следует?

– Вы не находите, что она очаровательна? – спросил Рокхест, снова наклонившись к Шарлотте. – Окажись я в положении Трента, я бы, наверное, тоже ухаживал за ней. Могу сказать, если нужно жениться на наследнице, то лучше уж на хорошенькой.

– Он ее не любит. – Только эта мысль спасла Шарлотту от потока слез отчаяния.

– Любить? – Рокхест громко и раскатисто рассмеялся, вызвав укоризненный взгляд со стороны леди Пилсли. – Когда это вы, моя циничная, моя корыстная, моя легкомысленная красавица, имели дело с таким глупым чувством, как любовь?

– Я... я... – Шарлотта запнулась, стараясь подобрать объяснение, а лорд Рокхест, откинувшись в кресле, тем временем разглядывал публику, заполнявшую зал.

– Если бы я не знал вас так хорошо, то сказал бы, что вы в него влюблены. – Он бестактно усмехнулся. – А может быть,

это не шутка?

– Я... я... – «Конечно, я влюблена в него. Влюблена уже много лет и буду влюблена до самого дня своей смерти». Но вместо того чтобы повести себя как Лотти и возразить, она отвернулась, вспомнив рассуждения Финеллы на эту тему.

«Но что плохого в том, чтобы быть влюбленной? – хотелось Шарлотте спросить у всех них. – Что предосудительного в том, что Себастьян любит меня?»

Она украдкой бросила еще один взгляд на Себастьяна, который сидел, улыбаясь мисс Берк и ловя каждое ее слово, каждый взмах ее желтого шелкового веера. «Пожалуйста, Себастьян, – взмолилась про себя Шарлотта, – посмотри на меня».

И, словно по волшебству, он подчинился и, подняв голову, без колебаний встретился с ней взглядом. На секунду он прищурился, а затем Шарлотта увидела ее – эту вспышку, эту связь. И больше того, она ее почувствовала, ощутила всем своим существом до самых кончиков ног, одетых в шелковые лодочки, словно его взгляд обжег голую кожу ее шеи тем же жаром, каким раньше его поцелуй пробудил ее.

И на его взгляд отреагировало не только это место, однако Шарлотта еще недостаточно превратилась в Лотти, чтобы признаться в этом.

Но Себастьян на этом не остановился. Подняв руку, он прочесал пятерней свои густые темные волосы, и Шарлотта почувствовала его движение – вспомнила его.

«Лотти, мне так нравятся твои волосы». Он запускает пальцы ей в прическу и торопливо вытаскивает шпильки, чтобы собрать все локоны в свои руки.

Ощущение было таким реальным, воспоминание таким живым, что Шарлотта подняла руку, чтобы коснуться волос пальцами и убедиться, что ее тщательно сооруженная прическа еще в порядке.

Но все равно у нее стало покалывать кожу головы, тело затрепетало, жадно требуя своей доли прикосновений, а Себастьян улыбнулся так, словно все понял.

Адский жар разлился по ее венам, и Шарлотта беспокойно подвинулась в кресле.

Рука Себастьяна двинулась вниз от головы к сюртуку, медленно и нежно поглаживая воображаемые волосы или куsocек ткани на груди.

У Шарлотты затвердели соски, а дыхание перехватило, как будто его пальцы проявляли к ней такое же неторопливое внимание. Как он это делал?

Нежный, обольстительный голос прошептал ей из глубины памяти; «Хочешь еще, Лотти? Тебе нравится, когда я так делаю?»

Шарлотте казалось, что ее соски вот-вот лопнут от желания, пока его пальцы медленно и завораживающе поглаживали сюртук.

«О, перестань», – хотелось ей сказать. Но лучше так, чем предаться распутному желанию опустить лиф платья, осво-

бодить мучительно болящие груди и заклинять его взять то, что ему нужно, умолять целовать ее набухшие соски, пока она не... «Мой Себастьян. О, прошу тебя, Себастьян». Воспоминания нахлынули на Шарлотту, как какие-то непонятные волны, раньше неведомые ей, а сейчас встречаемые с желанием, которого она не могла подавить.

Его нагое тело сплелось с ее телом. Блеск пота у него на спине и его соленый вкус у нее на губах. Широкая грудь и упругие мышцы бедер. Он перекачивает ее под себя и накрывает своим телом.

Погружается в нее и наполняет ее.

Ее бедра поднимаются ему навстречу. Ее и его потребности настолько сливаются, что она не знает, как их различить, и не хочет знать.

Шарлотта заерзала на сиденье, совершенно не представляя себе, как такое могло происходить, но одно она поняла совершенно точно – теперь она многое узнала.

Туманные образы и смутные воспоминания наполнили ее мысли.

От поцелуя Себастьяна она вся вспыхивает огнем, а его губы прокладывают жгучую дорожку по ее телу. Она раскрывается навстречу его прикосновениям, его разведке, мечтая только о том, чтобы быть его Индией, его дальним берегом.

Его дыхание, горячее и частое, касается ее сокровенного места, и по ее телу пробегает волна желания.

Нет, он не собирался целовать ее там. Он не мог... Это

было бы...

О Господи!

Внезапно ее ужас, вызванный рассуждениями Финеллы о любви по-французски, показался Шарлотте глупым, потому что, если бы здесь был Париж, она бы носила треуголку с кокардой и восторженно и неистово выкрикивала бы «Vive la France!».

А когда его язык, коснувшись ее, проворно юркнул в расщелину, она снова выгнулась, и ее бедра, храня воспоминания, безудержно потянулись вверх к нему.

Шарлотта прекрасно понимала, к чему могли привести ее телодвижения. Она закрыла глаза и постаралась прогнать от себя эти воспоминания, попыталась остановить их поток, но не могла сделать ничего, кроме как сдержать трепетавшее внутри ее желание.

...он руками еще шире раздвинул ей ноги, а его язык с жадностью нырнул еще глубже, посылая пронзительные волны желаний во все части ее тела.

В испуге взглянув на Себастьяна, Шарлотта встретила со взглядом его горящих темным огнем глаз.

«О, Себастьян! Прошу тебя, Себастьян», – молило ее воображение.

Его губы медленно растянулись в улыбке, как будто он понимал ее мысли, знал о ее потребности и имел возможность даровать ей такое облегчение, такое наслаждение, каких она никогда не знала – до нынешнего времени.

До тех пор, пока она не пожелала этой любви и не открыла, что в ней заключено гораздо большее, а не просто его доброе отношение, не только букет оранжевых цветов.

Как она могла быть столь наивной? Шарлотта снова посмотрела на Себастьяна и поняла, что любовь не романтическая выдумка поэтов и страдающих от одиночества глупцов, а глубокая, бесконечная страсть, которая возникает между мужчиной и женщиной, когда они делятся друг с другом своими мыслями, пристрастиями и всеми желаниями.

«Прошу тебя, Себастьян. Ну, пожалуйста же, черт возьми!»

Он так же медленно кивнул ей и провел языком по губам.

«О Господи!» Шарлотта едва не задохнулась, когда внутри ее вырвались на волю остальные воспоминания, принеся с собой ту же сладостную радость, которую Лотти-на-портрете скрывала за своей таинственной улыбкой.

«Нет, это невозможно», – решила Шарлотта, стараясь перевести дыхание, хотя ее тело продолжало таять от удовольствия, волнами накатывавшегося на нее.

Затем зажегся свет, и зал наполнился громом аплодисментов. Первый акт закончился, но Шарлотта не уловила ни единой ноты из него.

Обратив взгляд к Себастьяну, она улыбнулась ему, вздохнув напоследок, и он ответил ей нежной улыбкой.

Но потом связь между ними прервалась, потому что мисс Берк посмотрела сначала на одного из них, потом на другого,

поняв, что ее почти жених не уделяет ей того внимания, которого она заслуживает. Что-то сказав Себастьяну и не получив от него ответа, она резко взмахнула веером и уронила его ему на колени, и этот полет, подобно удару молнии, разделил двух влюбленных.

Себастьян взял веер из шелка и слоновой кости и галантно подал его хорошенькой маленькой наследнице. После обмена несколькими фразами гордая дебютантка бросила уничтожающий взгляд через зал, направив его, как пушечное ядро, в сторону Шарлотты.

«Он будет моим, – казалось, говорили ее холодные глаза, – полностью моим».

«Никогда. Никогда. Никогда!..» Что-то горячее и непокорное кольнуло Шарлотту в сердце.

Она сомневалась, что другая девушка получит много радости от украденного угощения для пикника, или от бешеной скачки в экипаже, или от джиги, отплясываемой после выигрыша в азартную игру, а тем более от ночей, проведенных за чтением Кольриджа. Но что гораздо важнее, она никогда не узнает его страсти.

Что сказала ей Куйнс, когда Шарлотта возмутилась всем этим?

«Позвольте ему любить вас, а остальное...»

Шарлотта улыбнулась, потому что теперь до конца поняла, что имела в виду Куинс – и что теперь ей самой делать.

Она тоже будет любить его, всем сердцем, всей душой и,

уж несомненно, всем телом.

Глава 8

Можно волноваться, сидя в опере и предаваясь фантазиям, всплывающим из памяти Лотти. Но как пережить невероятную смесь тревоги и радости, охватившую ее, когда она в своей гостиной ожидала приезда Себастьяна.

По уверению Куинс, все, что нужно было сделать Шарлотте, – это вспомнить...

Обхватив себя руками, Шарлотта зажмурилась. Эти воспоминания заставили ее содрогнуться от кончиков перьев на шляпе до нарядных туфелек.

О, она обнаружила, что притворяться Лотти Таунсенд очень легко, и весь остаток вечера восторженно приветствовала стадо поклонников в фойе распутной улыбкой, а потом на протяжении второго акта беззастенчиво флиртowała с Рокхестом, в то же время ловя недовольный взгляд Себастьяна из противоположной ложи.

Но когда Рокхест помог ей спуститься из кареты и холод булыжной мостовой пробрался сквозь ее туфельки, Шарлотта, остановившись у нижней ступеньки, посмотрела на свой дом.

Ее дом. Подарок, который она получила за то, что была любовницей герцога, за то, что впустила его к себе в постель и позволила ему...

Шарлотта закрыла глаза и сказала себе, что это не она, это

Лотти вела себя так постыдно. Но теперь она была Лотти, а это означало, что нынешней ночью Себастьян будет подниматься по этим самым ступенькам, ожидая того, что не имеет никакого отношения к мечтам, зато напрямую связано с атласными простынями и полным отсутствием одежды...

– Миссис Таунсенд, мээм?

Лотти обернулась и увидела на пороге гостиной служанку. О Господи! Неужели он уже пришел?

– Гм... – запинаясь, пробормотала она, стараясь придумать, что бы ей ответить. Возможно, ей помогло бы, если бы она смогла вспомнить имя служанки, но – увы.

– Я отнесла поднос этому герру Тромлеру, – переминаясь с ноги на ногу, заговорила девушка, – и если я вам больше не нужна, то пойду вниз к себе в комнату спать. Миссис Финелла сказала, что вернется домой поздно и я ей не понадобится.

– Герр Тромлер?

– Да, немец.

Закусив губу, Шарлотта пожала плечами.

– Тот, из соседнего дома, – вздохнула служанка. – Вы сказали, что я обязана хотя бы раз в день кормить его, чтобы он играл для вас на своей скрипке.

Как по мановению волшебной палочки, из открытых окон полилась сладостная, волшебная мелодия.

– Это он? – Шарлотта стояла как завороченная.

– О да, мадам. Осмелюсь сказать, вы очень добры, что кор-

мите его. На прошлой неделе хозяйка заставила его продать сюртук, чтобы заплатить ей за квартиру. – Наклонив голову набок, девушка с растерянным видом прислушалась. – Музыка красивая, но не думаю, что она стоит бифштекса.

Не стоит бифштекса? Закрыв глаза, Шарлотта слушала нежную мелодию. Нет, она стоит целой коровы. Шарлотта постояла еще некоторое время, размышляя, почему герр Тромлер не играет для высшего общества каждый вечер, не дает концерты для самого короля. Его музыка, такая чарующая, невероятно чувственная, успокоила ее страхи, заставила забыть обычное беспокойство о том, что нужно быть осмотрительной и скромной.

Пруденс! Ее имя Пруденс.

– Да, Пруденс! – вслух повторила Шарлотта.

– Да, мэм. Это все, мэм?

– О да. Простите. Не думаю, чтобы мне еще что-нибудь понадобилось.

– Быть может, только отворить дверь.

– Дверь?

– Да, мадам. Колокольчик звонит. Посмотреть, кто там? –

У нее на лице было такое непроницаемое выражение, словно вовсе не удивительно, что кто-то наносит визит в столь поздний час.

Шарлотта испуганно вскинула глаза. Он здесь? Сейчас?

О Господи, как же пережить эту ночь?! Волшебная мелодия скрипки герра Тромлера, струившаяся из окна, посте-

пенно притупила ее страхи, они улетели в ночь и оставили час удовольствию совершенно иного рода.

– Мэм? Дверь?

Колокольчик снова зазвонил, и Шарлотта резко повернула голову. А что, если он, как раньше высказалась кузина Финелла, «нагулял аппетит»?

Что ж, вероятно, пришло время это выяснить, и Шарлотта, сделав глубокий вдох, кивнула Пруденс:

– Да, пожалуйста, посмотрите, кто там.

Коротко кивнув, девушка оставила Шарлотту одну в окружении мягких романтических звуков скрипки герра Тромлера.

Словно прикованная к месту, Шарлотта прислушивалась, как Пруденс открывает дверь, а затем до нее донесся бархатный голос Себастьяна, спрашивающего, дома ли миссис Таунсенд.

Все совершенно официально и пристойно, и Шарлотта рассмеялась бы, если бы не паника, поднимавшаяся внутри ее. Но лучше это, рассудила она, чем если бы он ворвался в дом, грубо забросил бы ее на плечо и понес наверх для ночи французского распутства.

«Qui. Oh, qui, – выкрикивала та бесстыжая часть памяти Лотти. – Tres bon!»²

– Ну конечно, тебе легко так говорить, – пробормотала ей в ответ Шарлотта. – Но что скажу ему я?

² Да. О да. Очень хорошо! (фр.)

Она повернулась и прошла по комнате, слушая, как Пруденс берет у него пальто и шляпу, а Себастьян отпускает несколько игривых замечаний по поводу ее рыжих волос.

«Придумала. Мы немного поговорим – о погоде». Шарлотта представила себе картину наподобие той, что описана в одной из ужасных адаптации Шекспира, принадлежащей леди Уолбрук.

Себастьян: Чудесная ночь.

Шарлотта: Поистине, милорд. Исключительно теплая для этого времени года.

Себастьян: Пойдем в постель сейчас?

Шарлотта: Вы очень горячи и нетерпеливы.

Шарлотта постаралась подавить еще одну волну панического страха. Предложит ли он, или она сама должна пригласить его наверх?

Шарлотта зажмурилась, надеясь, что это он заявит о своей готовности поскорее подняться наверх, потому что совершенно не представляла, как ей удастся выдать из себя хотя бы слово.

– Я не ослышался? Ты все еще кормишь герра Тромлера? Обернувшись, она увидела, что Себастьян в вечернем костюме стоит на пороге.

В синем сюртуке, кружевом шейном платке, свисающем поверх жилета, расшитого серебряными нитями, которые поблескивали в сиянии свечей, и в бриджах из буйволовой кожи, скроенных так – специально так, – чтобы подчеркнуть,

что лорд Рокхест не единственный мужчина в обществе, которому не требуются подкладки, он был ослепительно красив.

Если одежда придавала ему блеск и особый стиль, то его искусно высеченная линия подбородка, черные волосы, темно-зеленые глаза и прямые, уверенно расправленные плечи делали его неотразимым.

По скромной оценке Шарлотты, Себастьян Марлоу был самым красивым мужчиной во всем Лондоне.

Тут страхи Шарлотты приняли иное направление. С него придется снять всю одежду, чтобы... хм... заняться этим делом, а она совершенно не знала, как раздеть мужчину.

Она даже не задумалась, как освободиться от своей одежды, хотя по дерзкому блеску в глазах Себастьяна заподозрила, что это-то ему известно.

– Чем ты его кормишь, Лотти? – Он стоял, наклонив голову и слушая музыку. – Сегодня он в отличной форме.

– Бифштексами, – прошептала она, боясь произнести еще хотя бы слово.

– У вас золотое сердце, миссис Таунсенд. – Усмехнувшись, Себастьян пересек комнату и, заключив Шарлотту в объятия, потерял носом о ее шею.

У нее по спине пробежал трепет желания, слишком сильный для такого короткого разговора.

– Ты бесподобна. – Затем он так же стремительно разжал объятия и отстранился. – Но держись, я на тебя сержусь.

– Сердишься?

Себастьян отошел и сел на диван, даже не дожидаясь, чтобы сначала села она. Рядом с ним было место, но Шарлотта выбрала кресло у окна.

«Ты просто куртизанка», – почти явственно услышала она в ушах голос Лотти.

– Да, мне трудно удержать досаду. Не думай, что я не видел тебя сегодня вечером. С ним.

– С Рокхестом?

– Ты говоришь, как какая-то наивная девушка из Бата, – усмехнулся он. – Да, с Рокхестом. Если бы он не был моим лучшим другом, я, вероятно, вызвал бы его на дуэль за его наглость. Ухаживать за тобой, когда он знает, что я не могу ничего сделать, кроме как наблюдать!

– Ты ревнуешь? – Шарлотта едва сдержала радость, готовую выпрыгнуть у нее из груди. Себастьян ее ревнует! Что ж, это было так же невероятно, как и вся эта бессмыслица с желанием.

– Конечно, ревную. Мне пришлось терпеть болтовню о погоде и рассуждения о том, что лучше подойдет для званого вечера леди Ратледж: возвышенное цитирование моральных заповедей или эмоциональное прочтение баллады. – Себастьян вздрагивал на каждом слове. – И мне ничего не оставалось, как лишь издали смотреть на тебя. Как на мечту. Клянусь, там через зал я на мгновение уловил твой аромат, ощутил у себя под пальцами шелковую кожу твоей гру-

ди, вспомнил, как мы провели прошлую ночь... – Он не стал продолжать перечисление. – Дьявольски трудно было сидеть там, затвердев, как скала, и надеяться, что леди Берк ничего не заметит и решит, что я в таком состоянии из-за ее скучнейшей дочери. – Он фыркнул.

Он совсем не увлечен мисс Берк? Но как это... Значит, он чувствовал все то же самое?

– Я совсем не собиралась... То есть, если бы я знала... Встав с дивана, Себастьян двумя легкими шагами пересек комнату и взял Шарлотту за руку.

– Я мог думать только о том, чтобы прийти сюда и, обняв тебя, под музыку герра Тромлера закружить в новомодном немецком танце, который все находят совершенно неприличным. – С этими словами он положил руку ей на талию и завальсировал по комнате, прижав к себе ее правую руку. – Твое место здесь, и мое тоже, – шепнул он ей на ухо и некоторое время молча кружил ее в танце под звуки сладостной мелодии. – Помнишь ту ночь, когда мы вот так же танцевали, пока не спустилась Финни и не сказала, чтобы мы шли наверх заниматься своим делом и дали ей немного поспать? – Он усмехнулся.

Шарлотта не помнила и поэтому только улыбнулась в ответ. Музыка постепенно нарастала, Себастьян притянул Шарлотту ближе, и ей показалось, что она плывет по комнате. Прежде танцы и балы были для нее мучением, так как она была уверена, что обязательно пропустит фигуру или собьют-

сы с ритма, но этот немецкий танец был совсем не сложным – особенно когда Себастьян держал ее так... так... крепко.

– Мне нравится, – шепнула она.

– Да, я знаю. – Он с улыбкой посмотрел на нее. – Возможно, это к лучшему, что здесь нет свидетелей, – ты заставила бы всех матрон скрежетать зубами, потому что все мужчины в «Олмаке» выстроились бы в очередь, чтобы потанцевать с тобой.

– Едва ли было бы что-либо подобное.

– Можешь не сомневаться. И я бы тоже был там и остался бы без ног, как прошлой зимой, когда ты и Коринна устроили тот невероятно грандиозный прием, который ты называла балом, и хотела, чтобы я танцевал с тобой все танцы. С вашей стороны, миссис Таунсенд, это просто возмутительно и неприлично.

Шарлотта вздохнула, снова пожалев, что не может этого вспомнить. Она давала бал? С миссис Форнетт? Однако хорошо, что она весь вечер танцевала с Себастьяном.

– Пожалуй, мне не стоит беспокоиться из-за Рокхеста, – продолжал Себастьян, делая очередной поворот, – мне следует опасаться твоего друга из соседнего дома.

– Как так? – удивилась она.

– Послушай его музыку. – Он кивнул головой в сторону окна. – Этот человек влюблен.

– В бифштексы, – уточнила Шарлотта.

– Нет, если он видел тебя в этом платье... или тем более

без него. Себастьян неторопливо, мягко, но настойчиво прижался губами к ее губам, и, как и раньше, его поцелуй привел Шарлотту в трепет. – Я точно знаю, что ты замышляла на сегодняшний вечер, – сказал Себастьян, снова ведя ее в танце по комнате.

– Правда? – Господи, Шарлотта была рада, что он знал, потому что у нее не было ни малейшего представления о том, почему она решила провести вечер с графом, когда могла получать поцелуи от Себастьяна.

– О да, маленькая кокетка. Ты весь вечер флиртовала...

– Ничего подобного!

– Флиртовали, мадам, – усмехнулся он. – И делали это специально, потому что хотели, чтобы потом я примчался сюда, сердитый, распаленный и готовый заявить свои права на вас. – Сильной рукой обхватив ее, он резко притянул Шарлотту к своей крепкой груди без малейшего намека на проявленную недавно мягкость. Прижавшись губами к нежному месту у нее за ухом, он зубами прикусил ей кожу, а рукой в это время подхватил под ягодицы и, приподняв, прижал к себе – как раз туда.

Она с трудом вздохнула, а ее тело отреагировало так, как, вероятно, нравилось Лотти, но Шарлотта боялась, что знакомый ей жар может стать смертельным.

– О да, я знаю, что ты задумала, – хриплым прерывающимся голосом прошептал Себастьян. – Ты хотела, чтобы я прибежал сюда разгоряченный и возбужденный, готовый тут

же овладеть тобой.

– Я? – Шарлотта вздрогнула, но совсем не по той причине, которая могла прийти ему в голову.

– О да, ты, маленькая хитрая плутовка. – Он коленом раздвинул ей ноги и провел рукой вверх по бедру, пробираясь к горячему источнику ее желания.

– О нет, – прошептала Шарлотта, испугавшись не столько этого разъяренного, нависшего над ней Себастьяна, сколько опасного направления, по которому двинулась его рука.

– Но я не стану этого делать. – Он выпустил ее так же внезапно, как схватил, именно в тот момент, когда, как показалось Шарлотте, его пальцы уже добрались до ее сокровища.

Ее сокровище.

Шарлотта пошатнулась, почувствовав себя неустойчиво из-за высоких каблуков и головокружительного вожделения. Она тяжело дышала от желания к этому мужчине, и ее тело снова содрогнулось, на этот раз не от страха, а от потребности – от безумной, примитивной и глубокой.

– Нет, Логги, у меня нет желания тебя насиловать, я придумал более изощренное наказание.

Разве может быть что-то еще хуже того состояния, в котором она находилась сейчас? Шарлотта не знала, сможет ли выдержать еще что-то.

– Нет, маленькая хозяйка моего сердца, я решил, что не стану бросать тебя на этот диван и овладевать тобой напористо и стремительно, как ты обожаешь.

Напористо и стремительно? Если бы это освободило ее от мучительного, тревожного желания, то в данный момент она бы пошла на риск.

Себастьян подошел к ней сзади, и Шарлотта, откинувшись, прижалась к его телу и снова ощутила его жар. Они покачивались в такт музыке, но Себастьян не обнял Шарлотту и даже не сделал попытки привлечь ее ближе, а она пребывала в полной растерянности, не зная, что сделать, чтобы... чтобы вернуть его к более приятным мыслям. Но она напрасно беспокоилась, потому что он, наклонившись, прошептал ей на ухо:

– Я собираюсь сегодня ночью заниматься с вами любовью, мадам. Медленно. Томительно. Пока вы не начнете умолять меня убить вас.

Шарлотта старалась дышать.

«Просто дыши», – бормотала она про себя, пока Себастьян кружил ее по комнате, с самоуверенностью хищника вонзившись в нее ястребиным взглядом.

О Господи, что сделала бы Лотти?

Шарлотта зажмурилась, сознавая, что то, как поступила бы Лотти, ей сейчас не поможет. Эта женщина была по-настоящему порочной, а сама Шарлотта... слишком невинна для такой игры в кошки-мышки.

И ее целомудрие вот-вот будет уничтожено, поняла она и вздрогнула, когда Себастьян протянул к ней руку и провел пальцами по ее обнаженным плечам.

– Ты дрожишь, – прошептал он. – Ты встревожена, моя любовь?

«Ты даже не представляешь как», – сказала бы Шарлотта, если бы думала, что ее губы смогут выговорить эти слова.

– Это не означает, что ты не получишь удовольствия, – говорил он, проводя пальцами по краю выреза ее платья, – но за него нужно заплатить.

Его губы пощипывали ей плечо, шею, мочку уха, и от его прикосновений у Шарлотты свело плечи и закололо кожу.

Заплатить за все это? Какова бы ни была цена, Шарлотта была счастлива отдать ее.

Музыка Тромлера, грозная и насмешливая, во многом похожая на Себастьяна, все еще наполняла комнату, и Себастьян, повернув Шарлотту, так что она оказалась лицом к нему, тотчас же поймал ее губы ненасытным требовательным поцелуем.

Прежде от его поцелуя Шарлотта ощущала головокружение и пошатывалась, ошеломленная его интимностью: в его поцелуе чувствовалось право собственника, невысказанные желание и любовь. Этот же сладостно мучительный поцелуй заставил Шарлотту сжать бедра, словно в стремлении погасить огонь, все сильнее разгоравшийся там с каждым движением языка Себастьяна. И пока он целовал ее, перед Шарлоттой всплывали картины из воспоминаний Лотти.

Его губы, прижавшись к ее груди, втягивают сосок, пока он, налившийся и твердый, не поднимается торчком. Его го-

рячее дыхание касается кожи у нее на животе. Он медленно опускается ниже и, раздвинув ей половые губы, так же медленно и уверенно проделывает то же самое с ее затвердевшим и пульсирующим бугорком.

– О-о... – вырвался у нее тихий стон, то ли от этих воспоминаний, то ли оттого, что Себастьян, накрыв руками ее груди, большими пальцами поглаживал соски.

– Это платье изумительно, – объявил он, почти не глядя на ее наряд, – но мне ты больше нравишься нагая.

Шарлотта даже не успела ничего сказать или попытаться воспротивиться, как он опустил вниз короткие рукава ее платья. К этому времени он уже умудрился распустить шнуровку на спине – она даже не заметила, как он это сделал, и это только подтвердило ее прежнюю уверенность, что для него не составит никакого труда снять с нее одежду.

Так же быстро ее платье превратилось в голубое бархатное озеро на полу, а она осталась стоять перед Себастьяном лишь в корсете и подвязках.

Шарлотта с трудом дышала – и не только она. Себастьян, задохнувшись, смотрел на нее.

– Логги, ты великолепна. Божественна. – Он пожирал ее глазами. – Ты создана, чтобы заманить меня в ад.

Великолепна? Божественна?

Эти два слова обратили в бегство ее страхи, а третье – заманить – дало, им такого пинка, что они улетели за гору. Она, Шарлотта Уилмонт, соблазняет его? Не в силах удер-

жать себя, она выпрямилась, так что ее груди подались вперед и вверх.

На лице Себастьяна промелькнуло мрачное, подавленное выражение, он, застонав, снова привлек к себе Шарлотту, и на этот раз его поцелуй, грубый и настойчивый, окончательно лишил ее сил.

А затем произошло то самое – без всякого «с вашего позволения» или «пойдем» Себастьян подхватил ее на руки и понес вверх по лестнице в спальню, прекрасно ориентируясь в неосвещенном, темном доме.

Шарлотте следовало догадаться, что ему хорошо известна дорога, – а теперь и она тоже будет ее знать.

Опустив ее на кровать, Себастьян вышел из комнаты.

Шарлотта быстро села, напуганная тем, что часть ее наказания состояла в том, чтобы она оставалась в таком ужасном состоянии.

Изнывая и мучаясь, она хотела большего – хотела всего.

И как раз в тот момент, когда она уже собралась позвать Себастьяна, чтобы умолять его о прощении, он вернулся с тонкой свечой из светильника внизу. Ногой захлопнув за собой дверь, он прошел по комнате и зажег несколько свечей – достаточно, чтобы видеть друг друга, и в то же время столько, чтобы дальние углы комнаты оставались в темноте.

– Так много? – спросила она, боясь, что умрет со стыда.

– Если я решил мучить тебя так, как ты сегодня вечером терзала меня, я хочу видеть твое лицо, всю тебя.

Он хочет видеть ее? Прижав ладони к горящим щекам, Шарлотта посмотрела на висящий в полутьме портрет Лотти и почерпнула немного уверенности в дерзком взгляде леди, но, снова обернувшись к Себастьяну, в смятении увидела, что он торопливо раздевается, – его платок полетел в одну сторону, жилет в другую, и аккуратная комната быстро превратилась в беспорядочную свалку одежды.

– Флиртовать с Рокхестом, противная девчонка, – ворчал он, стягивая через голову рубашку.

Шарлотта понимала, что ей не следует этого делать, но все же смотрела на его гладкую голую грудь, вцепившись пальцами в простыню, чтобы удержать желание коснуться его.

– Не возражай, Лотти. Больше не возражай. Ты ужасно дерзкая плутовка, и пришло время кому-нибудь отвести тебя в постель.

Угроза, скрывавшаяся за его словами, заставила Шарлотту вздрогнуть.

О, если бы она была дерзкой! Тогда у нее хватило бы смелости уступить этому порочному желанию погладить ладонями мускулы у него на груди, поцеловать его, как он целовал ее, везде-везде, узнать его вкус.

Узнать его вкус? Закусив нижнюю губу, Шарлотта задумалась, принадлежала ли эта идея Лотти или ей самой.

«Но разве это имеет какое-то значение?» – решила она, когда Себастьян снял туфли, а потом бриджи.

– Ну а сейчас пора кое-что прояснить между нами... – Он

потянулся и выпустил на волю свое мужское достоинство.

Невозможно подсчитать, сколько раз за день Шарлотта думала, возможно, даже представляла, что она увидит, проснувшись у него в объятиях. И вот он здесь, щедро одаренный и такой же мужественный, каким она его помнила.

– ...Я не хочу, чтобы мной играли, миссис Таунсенд. Ты моя. Моя. От одного этого слова у Шарлотты по спине пробежала дрожь.

Он гордо подошел к кровати, а Шарлотта, непроизвольно отодвинувшись от него, нечаянно запуталась в простынях и опрокинулась на спину, представив всю себя ему на обозрение.

Поймав ее за лодыжку, Себастьян потянул Шарлотту обратно, ближе к себе, и наклонился над ней, пожирая ее взглядом, словно решал для себя, как лучше овладеть ею. О, что же теперь ей делать?

Но Шарлотта напрасно беспокоилась, ее тело ответило быстрее, чем успела вмешаться ее мейфэрская щепетильность. Ее бедра поднялись вверх, а ноги слегка раздвинулись в безмолвном приглашении.

«Потрогай меня, Себастьян. Потрогай здесь». Не спеша подняв одну ее ногу, он стал целовать икру, слегка касаясь языком кожи и медленно направляясь к колену.

Шарлотта мало что знала о ведении войны, но теперь считала себя знатоком в вопросах капитуляции. Просто нужно отдать ему все, что он хочет.

Себастьян притянул ее еще ближе и, опустившись на колени у кровати, взял ее за бедра и придвинул к себе. Жар его дыхания обжег ей бедра и волной разлился по всему телу.

«Поцелуй меня, Себастьян», – взмолилась бы она если бы могла хоть что-нибудь произнести.

И он откликнулся. Осторожно раздвигая большими пальцами складки плоти, он другими пальцами поглаживал завитки волос, и Шарлотта снова задрожала, но на этот раз от чего-то совсем другого – от желания.

– Ты этого не заслужила. – С порочной улыбкой на губах он нагнул голову, чтобы отведать ее.

И в тот момент, когда его губы коснулись ее, а язык нырнул и закружился вокруг ее центра, Шарлотту охватило восторженное удивление. Она затрепетала, и ее бедра потянулись навстречу Себастьяну.

Не заслужила этого? О нет, заслужила. Она будет такой безнравственной, как ему хочется, станет повторять все снова и снова, чтобы только получить этот подарок.

Она продолжает флиртовать с Рокхестом, носить платья, бросающие вызов правилам приличия, позволит Арбаклу рисовать ее совершенно голой посреди Гайд-парка – и все это ради того, чтобы только свести Себастьяна с ума, разжечь в нем ярость, привести его в ее постель в этом взбешенном, сердитом состоянии.

Себастьян прижимался к ее рту, его язык играл с ее языком, а она задышалась и ловила воздух.

– А-ах, – простонала Шарлотта и, освободив руки от простыней, вцепилась ему в волосы, чтобы удержать его на месте. Теперь она больше всего боялась не того, что раздета, а того, что Себастьян остановится.

Его язык плясал вокруг ее языка, с жадностью упиваясь ею и направляя ее дальше и выше по спирали желания. Шарлотта мотала головой взад-вперед и тянулась к Себастьяну, желая большего, а у нее перед глазами мелькали отдаленные тени и отблески свечей.

О Господи, что Себастьян делает с ней? Ее тело стало напрыгаться в такт с бешеной музыкой, бедра поднимались, спина выгибалась, все ее клеточки тянулись к чему-то – неземному и эфемерному.

Но в тот момент, когда Шарлотта подумала, что сейчас найдет ответы, которые искала, Себастьян замер и, откинув назад голову, посмотрел на нее.

Шарлотта понимала, что выглядит ужасно. Она вытащила из волос все шпильки, и когда-то тщательно уложенные локоны теперь растрепались и стали влажными, ее тело блестело от пота, а грудь высоко поднималась и опускалась; она дрожала и не могла ничего с собой поделать.

– Себастьян, прошу тебя, пожалуйста, продолжай, – прошептала она. Нет, она умоляла его. – Ну пожалуйста. Он поднялся, все еще не отводя от нее взгляда, и с той же порочной улыбкой на губах. Его член, налившийся, поднявшийся и гордо стоявший прямо впереди него, больше не пугал

Шарлотту, она вся трепетала, сгорала от желания.

– Ну пожалуйста, Себастьян, – снова прошептала она. Тогда он лег на нее, накрыв своим телом, просунул под нее руку и, распустив шнуровку корсета, быстро снял его ей через голову и швырнул через всю комнату.

– Признайся, что вела себя скверно, – сказал он, опустив голову к ее соску, который мгновенно затвердел и поднялся.

– Я вела себя скверно, – послушно повторила Шарлотта, сжимая бедра от нового приступа желания. – Очень скверно.

– Скажи мне, что я единственный мужчина, который тебе нужен. – Его рука скользнула вверх по ее бедру, и Шарлотта раскинула ноги, стремясь познать поражение еще до начала битвы.

– Единственный, – признала она, едва дыша. Если бы Себастьян только знал, как он ей нужен!

«Ты всегда будешь единственным мужчиной, который мне нужен».

Играя и дразня ее, его пальцы вели ее опять к тому вечному краю, к которому привел Шарлотту его язык. На этот раз она застонала без всякого стеснения.

– Скажи, что хочешь меня, – прошептал Себастьян ей в самое ухо, и его пальцы скользнули внутрь ее, размазывая влажное, скользкое доказательство ее желания.

– Хочу, – прохрипела она, начиная содрогаться.

У Себастьяна загорелись глаза, он схватил Шарлотту за бедра и быстрым резким движением погрузился в нее.

– О-ох, – выдохнула она, схватившись за его плечи, словно цепляясь за самое жизнь. Он был ужасно большим и твердым, и она ощущала всего его, когда он двигался и растягивал ее, делал себя частью ее.

Подняв глаза, Шарлотта обнаружила, что Себастьян, продолжая двигаться, смотрит на нее, и ее бедра поднялись ему навстречу. Он слегка наклонил голову, словно не до конца мог поверить тому, что видел, как будто понял, что она не Лотти, которую он любил, и у Шарлотты остановилось дыхание.

Мгновение они лежали, соединенные вместе, их тела дрожали от желания, требуя завершения, но Себастьян замер и смотрел на Шарлотту, заглядывая ей в глаза, словно искал там что-то.

– Лотти? – прошептал он.

– Да? – Потянувшись вверх, она дотронулась до его лица и поразилась интимности этого прикосновения.

Ее пальцы, слегка уколотившись о щетину, с восторгом погладили его теплую кожу, твердую скулу, ямку на подбородке, а другая ее рука продолжала сжимать его плечи, не в состоянии разжаться... во всяком случае, в этот момент.

«Он знает. Он знает, что я не она». Зажмурившись, Шарлотта спрятала лицо на груди Себастьяна. О, что же теперь ей делать?

«Позвольте ему любить вас, – прозвучал внутри ее тихий ободряющий голос. – Позвольте ему любить вас».

– О, прошу тебя, Себастьян, – прошептала она. – Нет, умоляю.

Он снова стал двигаться и быстро вернулся к прежнему восхитительному, чувственному ритму, и ее пальцы, все еще цеплявшиеся за его плечи, как будто не желая его отпускать, в конце концов разжались, отдавшись страсти, которую он возбудил в ней.

И Шарлотта, ни о чем не думая, погрузилась в эту страсть и бросилась в океан исступленного восторга. Ее руки искали какой-нибудь опоры и в итоге остановились на бедрах Себастьяна, чтобы притянуть его еще ближе и заставить продолжать. И когда она, прогнувшись, потянулась вверх к нему, Себастьян опустил голову и накрыл поцелуем ее рот.

В отличие от недавнего ненасытного, горящего ревностью поцелуя на этот раз его губы коснулись ее с нежностью и страстью, говорившими о чем-то большем.

В этом поцелуе, задушевном и сладостном, как скрипичная музыка, содержалось и что-то еще.

Любовь.

Если Шарлотта полагала, что уже нырнула, то теперь она опускалась в глубину, увлекаемая собственным открытием.

Он ее любит, любит безгранично, нежно, всей душой. Своей плотью он продолжал разжигать внутри нее пламя желания, и Шарлотта, двигаясь вместе с ним, с ненасытной жадностью целовала его в ответ. Ее тело становилось все напряженнее, она уже ничего не видела и не могла ни о чем

думать, все ее мысли сосредоточились в одном месте – там, где соединялись оба тела.

Лежавший на ней Себастьян теперь прерывисто дышал, он весь напрягся и мощными движениями поднимал ее все выше.

Сначала Шарлотта не понимала, что происходит; ее мысли были пусты, как абсолютно новый мир страсти, взрывающийся внутри ее, а тело, безумно содрогаясь, получало облегчение.

Едва дыша, Шарлотта прижалась к Себастьяну, а он испустил громкий стон – рев, полный триумфа, – глубоко погрузился в нее и, быстро и энергично двигаясь, вонзался снова и снова, пока, тоже содрогаясь, не рухнул на нее с последними судорогами освобождения, сотрясавшими его тело.

– Лотти, о, моя дорогая девочка! – прошептал он, притянув ее ближе и все еще оставаясь единым целым с ней. – Я люблю тебя, Лотти.

– А я тебя, Себастьян, – шепнула она в ответ, – тебя.

Когда Шарлотта оглянулась вокруг в следующий раз, свечи в подсвечниках уже почти догорели. Потом она и Себастьян снова занимались сексом, Себастьян был чрезвычайно нежен и медленно и умело подвел ее к освобождению, а теперь спал рядом с ней.

«Значит, вот почему повесы нигде не появляются раньше двух часов дня, – с мягкой улыбкой подумала Шарлотта. – Такой труд надолго удерживает их в постели».

Однако сама она не чувствовала никакой усталости. Если учесть, каким был прошедший день, она должна бы остаться совсем без сил, оказавшись в такой поразительной жизни, но Шарлотта никогда не ощущала себя более бодрой.

Здесь, в объятиях Себастьяна, она обнаружила, что такие несущественные светские дела, как приемы и приглашения, новые платья и достойные знакомства, вели ее в мир, который принадлежал только любовникам, в мир страсти и восторга, к дальнему берегу, которым могло быть тело любовника, к целой жизни открытий и желаний.

Взглянув на Себастьяна, Шарлотта увидела, что он внимательно смотрит на нее.

– Мне всегда нравился этот дом. – Протянув руку, он пальцем обвел контур ее лица. – Приятно быть здесь с тобой – только вдвоем, как сегодня ночью. Танцевать, играть в карты – ну, быть может, не в карты, потому что ты всегда выигрываешь, – даже читать эти ужасные французские романы, которые ты так любишь. И до этой ночи я думал, что знаю все твои настроения, все твои секреты... – Он замолчал, и Шарлотта прикусила губу. «О Господи, что же я творила?» – На мгновение, когда мы были... – Пристально глядя на нее, Себастьян пожал плечами. – Понимаешь...

– Да, я понимаю. – О, она отлично все понимала.

– Как ни странно это прозвучит, но тогда мне на миг показалось, что я тебя не знаю.

– Как это? – едва дыша, со страхом спросила Шарлотта.

– Это звучит смешно. – Он потянулся к пряди ее волос. – Но ты выглядела такой невинной, такой... такой удивленной.

«Я и была...»

– Правда?

– Что на тебя нашло? – Он взъерошил ей волосы. – Странная девочка, ты неожиданно стала совсем другой, даже заговорила по-другому.

– Я... я... – запинаясь промямлила Шарлотта. Боже правый, как она могла ему объяснить? Он сочтет ее сумасшедшей – хотя это и на самом деле не исключено. Разве миссис Кингстон из номера пятнадцать на Куин-стрит не проснулась однажды утром герцогиней кентской?

– Конечно, твой небольшой флирт с Рокхестом вчера вечером противоречит всему этому, – пошутил он, но Шарлотта услышала в его голосе неуверенность.

– Я не флиртовала с Рокхестом, – возразила она. Усмехнувшись, Себастьян перевернулся на спину, а Шарлотта забралась на него и уперлась руками в его голую грудь.

– Я не кокетничала с графом.

Одна аристократическая бровь выгнулась дугой.

– Не заигрывала с ним, – продолжала настаивать на своем Шарлотта. – Что мне может быть нужно от него?

– Он богат. Я слышал, как Финни превозносила его достоинства и расхваливала его кошельки.

– Она не имеет права вмешиваться, – усмехнулась Шарлотта.

– Она принимает твои интересы близко к сердцу.

– Да, это так, – согласилась она. – Но решаю я. А мне нужен ты, только ты. И я хочу...

Шарлотта оборвала себя. Как она об этом расскажет? Она использовала свое единственное желание, и ничего на свете ей не нужно было, кроме любви Себастьяна.

– И что, Логги? – Он сел и заключил ее в объятия. – Чего ты хочешь?

– Яэто уже получила, – ответила она, беря в ладони его лицо. – У меня есть ты, и это все, чего мне когда-либо хотелось.

– Ты действительно так думаешь? – Слегка отстранившись, Себастьян посмотрел на нее.

Шарлотта кивнула, не в состоянии вымолвить ни слова из-за застрявшего в горле комка.

– А как же эти последние недели? Я считал, ты...

– Забудь это. – Она остановила его, прижав ему к губам палец. – Вычеркни из памяти все, что ты знал обо мне. Если я не говорила тебе, как много ты для меня значишь, то я была глупа. Для меня не существует других мужчин, кроме тебя.

Себастьян снова пристально всмотрелся в ее лицо, и на этот раз Шарлотта не отвернулась – она позволила ему заглянуть к ней в Душу, и постепенно у него на губах заиграла медленная улыбка.

– Значит, покончим с этим?

– О да, – кивнула она. – Несомненно. Буду очень призна-

тельна.

– Где ты научилась таким манерам обитательницы Мейфэра? – усмехнулся Себастьян и снова взъерошил ей волосы.
– Если бы я не знал тебя, то сказал бы, что вчера ты ударила голову сильнее, чем мы думали.

– Что-то вроде этого, – прошептала она, прежде чем он наклонился и коснулся губами ее губ, а его руки заскользили по ее телу, ища чего-то, что, как она теперь знала, закончится наслаждением.

Глава 9

Если раньше Шарлотта всегда удивлялась, почему Коринна Форнетт и другие подобные ей знаменитые дамы полусвета всегда выглядят довольными собой, то теперь она это знала. Проведя всю ночь и большую часть утра в объятиях Себастьяна, Шарлотта считала себя одной из них. И ей не трудно было понять, почему Лотти-на-портрете так самодовольно улыбается.

И теперь, когда Себастьян, непристойно обнаженный, расхаживал по ее спальне, она, вместо того чтобы отвести глаза, откровенно его разглядывала, восхищаясь его фигурой и мечтая узнать побольше о хитростях Лотти, чтобы таким образом удержать его при себе навсегда.

– О, Лотти, моя девочка, – говорил он с беспутным блеском в глазах, натягивая на себя одежду, – я вернусь сегодня вечером... если ты меняпустишь.

– Сегодня вечером? – Вскочив с постели, Шарлотта закуталась в простыню. Хотя она и не имела ничего против наготы Себастьяна, самой ей все еще было неловко стоять перед ним голой. – Так не скоро? – А она мечтала о праздном проведенном дне, о пикнике и свежем ветре, о лошадиных скачках и прочих занятиях, которые недоступны старым девам из Мейфэра.

– К сожалению, я должен уйти. Мне нужно заняться де-

лами. – Тень омрачила его лицо, и, натягивая брюки, Себастьян отвернулся.

Но он напрасно прятался от ее взгляда. Шарлотта совершенно точно знала, что это могут быть за дела.

Мисс Берк.

Чтоб она провалилась, эта противная наследница! Шарлотта взглянула на кольцо у себя на пальце. О, если бы у нее было еще одно желание!

Несколько секунд она предавалась бесплодным фантазиям о том, что Куинс сотворит что-нибудь впечатляющее из недостатков светского и исключительно изысканного облика Лавинии.

– Но я вернусь сегодня вечером, так что не строй никаких планов, – бросил через плечо Себастьян, наклонившись, чтобы достать из-под стула туфли. – У меня есть для тебя сюрприз.

– Сюрприз? – Шарлотта добавила к своим пожеланиям Лавинии еще просьбу о тяжелом случае чесотки и внезапной ужасной сыпи.

– Да. Но убери с лица это выражение. Ты ничего у меня не выведаешь. – Он погрозил ей пальцем. – Так что даже не пытайся.

Шарлотта кивнула. Никогда прежде никто не делал ей сюрпризов, а по хитрому блеску в глазах Себастьяна она могла представить себе, что это будет нечто восхитительное.

Одетый, хотя и менее опрятно, чем подобает истинно-

му джентльмену, Себастьян вернулся к кровати и заключил Шарлотту в объятия.

– Не ввязывайся ни в какие неприятности сегодня. – Его зеленые глаза серьезно смотрели на нее, а брови сошлись в прямую линию. – Никаких игр, никаких выпивок, никаких выходок с этим моим так называемым другом. Просто оденься и жди меня, я заеду за тобой после одиннадцати.

– Да, милорд, – ответила она, как послушная девочка.

– Это же очень легко. – Он отступил назад и посмотрел на нее. – Что так подействовало на тебя, Лотти?

– Ты, – совершенно честно ответила Шарлотта. – Ты, Себастьян.

Усмехнувшись, он наклонился и поцеловал ее. Как только губы Себастьяна коснулись ее, Шарлотта вздохнула и полностью отдала себя в его распоряжение, не заботясь о том, что накидка из простыни соскользнула у нее с плеч, оставив ее нагой и дрожащей в его объятиях. Но к ее великой досаде, Себастьян отодвинулся и рассмеялся.

– Мне следовало догадаться, что ты используешь это невинное действие, чтобы снова завлечь меня в постель.

– Я не...

– Лотти, – фыркнул он, направившись к двери, – ты обманщица, но не слишком искусная. – Послав ей с порога воздушный поцелуй, он побежал вниз по лестнице. – Будь готова к одиннадцати! – крикнул он ей. – Думаю, мой план покажется тебе очень... поучительным. – Снова раздался смех,

а затем стук входной двери.

Шарлотта легла навзничь на кровать и сложила на груди руки, размышляя, что же ей делать до тех пор.

И словно по мановению волшебной палочки в комнату влетела Финелла и, раздвинув шторы, впустила в спальню дневное солнце.

– Я не прочь немного прогуляться по магазинам. – Положив руки на бедра, она повернулась к Шарлотте: – Что скажешь?

Шарлотта открыла для себя, что ходить по магазинам, когда есть деньги, которые можно потратить, – это настоящее развлечение.

Она и Финелла прошли сначала по одной стороне Бонд-стрит, а потом по другой, наполняя свой экипаж шляпными коробками и пакетами, пока для них самих уже почти не осталось места.

А теперь, вот уже несколько часов, Шарлотта стояла одетая в голубое атласное вечернее платье, отделанное в греческом стиле белой шнуровкой по переду лифа и по верхним частям рукавов. Чтобы до конца выдержать стиль, Шарлотта попросила Финеллу сделать ей прическу как на портрете, – хотя Финелла не видела смысла так утруждать себя, когда сердце Себастьяна уже завоевано, а его кошелек пуст.

Но мольбы Шарлотты все же возымели действие, и Финелла сотворила волшебство. К своему творению она добавила золотой ободок, усеянный сапфирами, и вытащила из

запертого сундука пару изящных серег-колечек и под стать ободку роскошное ожерелье.

И когда наконец Финелла воткнула сбоку в волосы Шарлотты белое с позолотой перо, она не смогла сдержать улыбки и заметила: «Просто великолепно», а еще: «Но это пустая трата времени».

Затем Финелла вздохнула, еще немного попричитала и ушла, так как Шарлотта была слишком поглощена ожиданием сюрприза Себастьяна, чтобы обращать на нее внимание. По-видимому, Финеллу больше привлекало провести ночь за игрой с молодым графом Боксли, чем продолжать ворчать по поводу любовника своей подопечной.

Но одиннадцать давно пробило, миновала и половина второго, а Шарлотта все продолжала расхаживать по маленькой парадной гостиной, останавливаясь всякий раз, когда слышала звук приближающегося экипажа. Она бросалась к окну и вслух вопрошала:

– Ну где же он может быть?

Опоздать на два с половиной часа! Она понимала, что должна рассердиться на него, но в то же время это ведь был Себастьян, а она так долго ждала его любви, что, несомненно, могла простить ему небольшую задержку.

К этому времени у нее уже заболели ноги от новых туфель. Когда Шарлотта покупала эту пару отделанных атласом лодочек на высоких каблуках, они казались ей божественными, но теперь сдавливали ей пальцы на ногах, а от золотого шну-

ра у нее на пятках образовались водяные пузыри. Шарлотта, прихрамывая, подошла к дивану, сбросила туфли и покачала ногами в чулках.

Подув на перо, чтобы убрать его от глаз, она взглянула на свое отражение в зеркале. Ее прическа испортилась, а по щекам, как пара черных гусениц, поползла краска для век, которой, по настоянию Фйнеллы, она подвела глаза, и Шарлотта решила, что превратилась в настоящую куртизанку.

– И все потому, что ты дурочка, – сказала она себе и, подойдя к зеркалу, принялась стирать с лица косметику.

– Дурочка? – спросил с порога тихий мужской голос.

– Себастьян! – воскликнула Шарлотта, быстро обернувшись. – Я не слышала, чтобы колокольчик...

– Я не звонил. – Он покачал ключом на ленте. – Я сам себя впустил.

Шарлотта кивнула. Конечно, у него есть ключ. Если он владеет ключом от ее сердца, то почему не иметь и от двери?

– Ты, наверное, считаешь меня дурочкой, потому что я стою здесь и разговариваю сама с собой.

– Ничего подобного. – Положив в карман ключ, Себастьян вошел в комнату, уверенный и красивый, одетый в эту ночь в простые темные куртку и бриджи.

Но вместо того чтобы подхватить ее на руки и отнести наверх для еще одной разрушительной ночи (как она полуожидала, полунадеялась), Себастьян, остановившись перед Шарлоттой, пристально всматривался в нее, как будто был за-

стигнут враспloch тем, что увидел, а затем, забрав у нее из руки платок, закончил вытирать растекшуюся краску.

– Ну вот, это леди, которую я обожаю. – Склонив голову, он рассматривал Шарлотту. – Само совершенство.

Шарлотта не знала, что сказать, околдованная его горящим взглядом и нежно произнесенным комплиментом.

– Боюсь, с моей стороны вся эта краска и вообще все это было глупостью, – сказала Шарлотта, жестом руки указывая на перья и драгоценности.

– Глупостью, Лотти? – Себастьян снова улыбнулся и, протянув руку, коснулся одного из богато украшенных локонов, в которые Финелла закрутила ее волосы. – Кто-нибудь, возможно, так и сказал бы. – Он принял смешную позу, изображая чопорную старую матрону или древнего джентльмена. – «Миссис Таунсенд? Глупая? Вы только посмотрите на ее сумасбродные, экстравагантные, возмутительные выходки. О, я слышала, что она поставила двести фунтов на эту бешеную лошадь Рокхеста. Она глупая, безнравственная леди». – Себастьян усмехнулся и одним пальцем поднял ей подбородок, чтобы Шарлотта смотрела прямо на него. – Но мне лучше знать. И я собираюсь доказать это сегодня же ночью.

Эти слова прозвучали так зловеще, что у Шарлотты перехватило дыхание.

– Как это? – почти со страхом прошептала она.

Почти – потому что в его темно-зеленых глазах светилось дерзкое приглашение, манившее ее.

– Я намерен исполнить твои самые заветные желания, – ответил Себастьян, погладив ее по щеке.

– М-мои желания? – О Господи, Шарлотта надеялась, что они не распространяются на те темные области континентальных обычаев, о которых упоминала Финелла. Один Бог знает, что скрывает в своей сбившейся с пути душе такая женщина, как Лотти Таунсенд.

– Да, твои желания. Я собираюсь сегодня ночью полностью удовлетворить тебя. – Обняв Шарлотту, он потерял носом о ее шею. – Лотти, моя любовь, ты пойдешь со мной?

Она только кивнула, потому что ее сердце громко стучало и дрожащие губы не могли произнести ответ. Когда Себастьян повел ее к выходу из комнаты, Шарлотту охватила паника и захватывающее дух предчувствие. Однако, выйдя в коридор, он, вместо того чтобы свернуть направо к лестнице, ведущей наверх в ее спальню, повел Шарлотту налево к парадной двери.

«Не наверх? Теперь жди чертова момента!» – возмутилась в ней часть, принадлежавшая Лотти.

– Себастьян? – Упершись в пол пятками, Шарлотта остановилась и кивком указала в противоположную сторону: в сторону лестницы... спальни... постели.

– О конечно, – всплеснул он руками, – тебе же нужна накидка.

Накидка? Значит, он собирается увести ее из дома? В половине второго ночи? Время было не столь важно, как наме-

рения Себастьяна. Он был одет не для бала и даже не для игры в карты.

Честно говоря, он больше походил на бандита, отправляющегося грабить магазин.

– Куда мы идем? – спросила Шарлотта, стараясь, чтобы в ее словах не было заметно холодка разочарования. Она еще питала небольшую надежду на то, что если он собирался исполнить заветное желание Лотти, то они должны подняться наверх, чтобы совершить подвиг.

Но она не успела задать еще один вопрос или хотя бы получить ответ, потому что он заметил шаль, которую она раньше оставила на кресле, и накинул ей на плечи, а потом восторженно снова потянул Шарлотту к двери.

– Себастьян!

– Да?

– Я без туфель. – Она приподняла подол юбки, чтобы он мог увидеть, что ее ноги в одних только чулках.

Себастьян бросился в комнату и вернулся с парой ее новых туфель – с вычурной отделкой, с золотой вышивкой и перьями они выглядели сейчас нелепо. Держа их, словно что-то, вытащенное из-под конского копыта, он внимательно смотрел на них.

– Опять покупки?

– Я не могла устоять. – Шарлотта взяла туфли и нагнулась, чтобы надеть их.

– А следовало бы. На вид они кажутся на редкость неудоб-

НЫМИ.

– Они такие и есть, – призналась она.

– Тогда они не подойдут. – Он нагнулся и, прежде чем Шарлотта поняла его намерение, протянул руку ей под юбку и снял сначала одну, а потом и другую туфлю. Шарлотта покачнулась, но все же удержала равновесие, схватившись за плечи Себастьяна. Порывшись под скамьей, он вытащил оттуда пару удобных ботинок и, с торжествующим блеском в глазах подняв их, объявил: – Вот эти сгодятся.

Шарлотта с отвращением смотрела на ботинки. Вероятно, мисс Уилмонт и могла носить их, но Лотти Таунсенд никогда бы не надела.

– Они принадлежат Пруденс. – Глядя на простую коричневую кожу, она снова спрятала ноги под юбки. – И они не подходят к моему платью.

Не став с ней спорить, Себастьян просто сунул ботинки ей в руки, и не успела она возразить что-либо еще, как он подхватил ее на руки, так что они оказались лицом к лицу.

– Подойдут. Ты можешь надеть их в экипаже, – заявил он, насмешливо улыбаясь, и с этими словами понес ее из дома в ночь.

Они пересекли Бедфорд-сквер, проехали по Грейт-Расселл-стрит и оказались в Блумсбери. Сначала Шарлотту не интересовало, куда они направляются, потому что поездка казалась ей просто волшебством. Лондон почти затих, окутанный темнотой, и в своем дремотном состоянии действо-

вал странно успокаивающе; он совершенно не походил на тот шумный, суматошный город, который она знала. Правда, Шарлотта никогда прежде не оставалась среди ночи одна наедине с мужчиной.

Но чем дальше они ехали, тем больше ее любопытство перевешивало чувство удивления.

– Я знаю, что не осыпаю тебя драгоценностями, не наполню твои погреба и не оплачиваю счета от модисток, как это делают другие твои поклонники, – говорил Себастьян, – но кое-что я все же могу для тебя сделать. – Он направил лошадей к тротуару и кивнул на стоявшее впереди здание. – Я дарю тебе Британский музей. – Широким жестом он указал на величественное здание, бывший Монтегю-Хаус, лондонский дом герцога Бедфорда. Себастьян прищурил уголки глаз, и у него на губах заиграла озорная улыбка.

Шарлотта покачала головой, все еще думая – нет, надеюсь, – что они отправятся в какой-нибудь игорный зал или на другое непристойное развлечение из тех, которых Шарлотта Уилмонт не только не видела, но даже не знала об их существовании. Возможно, это будет бал куртизанок, полный незнакомков и их кавалеров, – в любом случае что-то скандальное и нечестивое.

Но вместо этого Себастьян посмеялся над ее секретом, который она накануне открыла ему. Шарлотта, возможно, обиделась бы на него, если бы не крошечное подозрение, что на этом его сюрприз не заканчивается.

– Вижу, ты не слишком обрадована. – Себастьян отложил поводья и повернулся лицом к ней. – Да будет тебе известно, что мне пришлось приложить невероятное старание, чтобы все это устроить, что с моим безмерным обаянием и с частью моего выигрыша у Меррика я оказался способным подарить тебе Британский музей, мой неподражаемый «синий чулок». – Он подмигнул Шарлотте.

– Ты даришь мне музей? – рассмеялась Шарлотта. – Вот так подарок! – Она вытянула руку, с радостью подыгрывая ему. – Мои ключи, пожалуйста.

Себастьян театрально порывлся в карманах, затем в его глазах вспыхнула радость, и он, выудив из кармана жилета неприглядный ключ, опустил его Шарлотте в руку.

– Обследуем твой новый дворец?

– Она взглянула на подарок Себастьяна, еще хранивший тепло его тела и вызвавший у нее легкий трепет.

Почему даже легкий намек на его мужское тепло лишал ее способности дышать?

– Ну так что, ты хочешь увидеть свою сокровищницу или нет?

– Ты говоришь, что он проведет нас туда? – Покачав головой, она посмотрела на ключ у себя в руке, который словно заманивал ее.

Себастьян кивнул.

– По-моему, ты сошел с ума. – Шарлотта попыталась вернуть ему ключ.

– Ничего подобного. – Он спрыгнул вниз и привязал лошадей к столбу. – Ну что, попробуем? – спросил Себастьян, подавая ей руку, чтобы помочь выйти из экипажа.

– Себастьян Марлоу, вы не в своем уме. – Шарлотта отодвинулась на сиденье, теперь уже не сомневаясь, что он помешался. – Этот ключ не от той двери. – Она указала на огромные массивные парадные двери.

– Я и не говорил, что он от этих дверей. Боюсь, моя прекрасная королева, вам придется смириться и войти через черный ход.

И пресекая все ее возражения, Себастьян стянул Шарлотту вниз, а затем, пошарив под сиденьем, вытащил оттуда коробку и сунул ее себе под мышку.

Шарлотта поспешно схватила ботинки Пруденс, которые еще не надела, но она так и не успела их натянуть, потому что Себастьян уже тащил ее за угол музея, через маленькую калитку в ограде и дальше в темноту, где бывшая резиденция герцога возвышалась над ними, такая же высокая и надменная, как ее прежний владелец, герцог Монтегю.

Чувство нереальности наполняло сердце Шарлотты, пока она осторожно ступала ногами в одних чулках. Несомненно, Себастьян окончательно сошел с ума, но теперь такое же безумие охватило и ее.

– Куда мы идем? – спросила Шарлотта, когда они завернули еще за один угол.

– К задней двери.

Что ж, это она и сама поняла.

– Могу я напомнить, что сейчас середина ночи? – Самая благоразумная часть Шарлотты восстала против такого безрассудства. – Полагаю, что, помимо всего прочего, у нас нет ни билетов, ни разрешения.

Посыпанная гравием дорожка уперлась в узкую деревянную дверь, прятавшуюся среди кустарника, росшего вдоль стен музея.

– Как выяснилось, ночью билетов не требуется, – проговорил Себастьян и, взяв Шарлотту за руку, направил ее руку с ключом к замку. Вместе они вставили ключ в прорезь, и он повернул ее руку так, чтобы замок открылся.

– Святые небеса, Себастьян! – покачала она головой, когда дверь отворилась перед ними. – Ты же не собираешься вот так войти туда? Если нас поймают, у нас будут огромные неприятности.

– Полагаю, так, – ответил он, таща ее за собой внутрь. – Но, как я сказал, на сегодняшнюю ночь это твой дворец.

Шарлотта все еще не могла этому поверить и чуть не упала в обморок от страха, когда изнутри раздался окрик:

– Кто идет?

Но Себастьян, не проявив ни малейших признаков страха, двинулся в темный проем. В помещении, которое, по-видимому, было коридором, стояла одинокая свеча, бросая скудный и не очень-то гостеприимный свет.

– Я спросил, кто там? – повторил голос, на этот раз злоб-

ный, как у бульдога и Шарлотта вцепилась в рукав Себастьяна.

– Дитч? – окликнул его Себастьян.

– Ах да, милорд. Это вы? – отозвался мужчина, и его грубый голос неожиданно прозвучал чуть дружелюбнее.

Прищурившись, Шарлотта перевела взгляд с мужчины, стоявшего рядом с ней, на крепкую фигуру человека в темной одежде, который держал толстую дубину и, несмотря на невысокий рост, похоже, умел великолепно обращаться с этим дьявольским орудием.

– Все, как мы договорились? – понизив голос, спросил Себастьян.

– О да, – кивнул мужчина, и его нависшие брови сошлись в прямую толстую линию. – Те бутылки сделали свое дело. Большинству из них уже море по колено. – Он кивнул на другую дверь. – Даже не соображают, что их заперли.

– Благодарю вас, мистер Дитч. Я у вас в долгу.

– Да что вы, милорд. Вы уже щедро отблагодарили меня. – Мужчина с алчным блеском в глазах погладил нагрудный карман. – На эту ночь он ваш, милорд, – сказал он, указывая на коридор, и протянул Себастьяну небольшую связку свечей.

– Что ты сделал? – шепотом спросила Шарлотта, когда Себастьян провел ее мимо ухмылявшегося мистера Дитча.

– Ничего такого уж страшного. – Подняв повыше свечу, он повел Шарлотту дальше по коридору в темный музей. –

Я пожертвовал ящик бренди этим бедным, забытым всеми ребятами, которые по ночам охраняют здесь пустые залы. — Себастьян усмехнулся. — Акт благотворительности, пожертвование в пользу искусства, так сказать.

— Ты напоил охранников? — Не в силах этому поверить, Шарлотта бросила еще один взгляд назад на едва различимого Дитча.

— Да. Но не переживай, я утащил ящик из подвалов Рокхеста. И к счастью для нас, они не слишком привередливы.

— А как же этот мистер Дитч?

— Этого парня, очевидно, не тянет к выпивке, как его приятелей. Он предпочитает пожертвование в более твердой форме.

Золото. Шарлотта мысленно увидела, как Себастьян улыбается, получая свой выигрыш у Меррика.

— Ты его подкупил?

— Совершенно верно! Я же сказал тебе, что эта ночь будет поучительной. Так и есть.

Они поднялись по узкой лестнице, и Себастьян, не тратя времени даром, распахнул дверь и провел Шарлотту в галерею Таунли, которая двумя годами раньше была пристроена к задней стороне Монтегю-Хауса.

Галерея освещалась несколькими свечами, дававшими достаточно света, но не так много, чтобы привлечь внимание снаружи к их незаконному посещению.

Шарлотта глубоко вдохнула, ботинки Пруденс выпали у

нее из рук, и она совсем не как леди широко раскрыла рот.

– Вот это да! – наконец удалось ей воскликнуть.

Вдоль каждой стены зала одна за другой стояли древние статуи – боги и богини, на веки вечные заключенные в тюрьмы из великолепно обработанного мрамора. Себастьян словно дал ей ключ не от музея, а от самой горы Олимп.

– Твое заветное желание, Лотти, – прошептал он ей на ухо, подойдя сзади, и, нежно положив руки ей на плечи, слегка подтолкнул вперед. – Удовлетворяю это твое тайное желание «синего чулка».

У Шарлотты заблестели в глазах слезы, которым она не могла найти объяснения. Она осмелилась войти в музей и поначалу осторожными, нерешительными шагами прошла в середину длинного зала.

– В таком платье ты кажешься сошедшей с одного из этих пьедесталов, – сказал Себастьян, прислонясь к стене.

– Я не думаю... – Шарлотта оглянулась на него через плечо.

– Я так думаю.

Шарлотта, возможно, и дальше бы спорила, если бы ее взгляд не остановился на простой, но изящной скульптуре.

– Борзые! – воскликнула она. – Ты только посмотри, они такие же замечательные и милые... – Она чуть было не сказала «как говорила мне Гермiona», но вовремя остановилась. – Как я читала в путеводителе.

– До сих пор не могу поверить, что у тебя есть путеводи-

тель. – Себастьян подошел к ней и поставил возле себя свою загадочную коробку.

– Да, есть, – заявила она, надеясь, что ей не придется его предъявлять, потому что на книге была надпись «Моей самой дорогой подруге Шарлотте от Гермiony», и еще потому, что она держала ее под матрасом на Куин-стрит, чтобы скандальное издание не попало на глаза матери.

– Выглядят дружелюбно, – согласился он, глядя на собак, одна из которых ласково и по-дружески лизала другой ухо. – И, полагаю, они более покладисты, чем тот пятнистый слон, которого Рокхест называет гончей. – Он покачал головой. – Не понимаю, почему вчера Роуэн все время рычал на тебя. Обычно он так и норовит улечься тебе на ноги и ведет себя как комнатный щенок.

– Да, странно, – согласилась Шарлотта, сжав пальцами кольцо на руке.

Шарлотта сделала еще несколько шагов, а Себастьян пересек зал.

– А вот и лошадь для тебя, Лотти, – позвал он ее.

Она подошла к мраморному барельефу, на котором был изображен юноша, удерживающий вставшего на дыбы коня.

– Да, пожалуй, я бы на него поставила!

– На лошадь или на молодого человека? – уточнил Себастьян, слегка отступив назад.

– Ты нахал. – Шарлотта ткнула его в бок. – Это же произведение искусства.

– Так всегда говорит Арбакл, когда с кистью в руке во-
жделенно смотрит на тебя. – Себастьян уже не в первый раз
таким тоном говорил о художнике.

– Тебе не слишком нравится Арбакл, да?

– Он, конечно, мастер, – пожал плечами Себастьян. – Но
когда он стал писать тебя так...

– Как?

– Как будто пытается украсть кусочек твоего сердца лич-
но для себя, – выставив подбородок и помолчав, ответил в
конце концов он.

– Это никому не удастся. – Она крепко сжала Себастьяну
руку. – Мое сердце принадлежит только тебе.

Кивнув, он наклонился и поцеловал Шарлотту в лоб, а за-
тем они продолжили путь по галерее, восхищаясь скандаль-
но знаменитой коллекцией сэра Чарлза Таунли.

– Какая прелесть. – Подняв фонарь, он осветил скульпту-
ру женщины. – Она похожа на тебя.

– Это, должно быть, Клити. – Покраснев, Шарлотта обо-
шла вокруг пьедестала. – Таунли называл ее «моя жена». Во
время восстания, когда ему пришлось покинуть дом, он бе-
рег ее больше всей остальной коллекции.

– Вероятно, потому, что она не слишком ворчала на него...

– Перестань шутить, – оборвала его Шарлотта. – Мне ка-
жется, она грустит. У нее такое печальное выражение.

– Наверное, у нее такое же доброе сердце, как у тебя, –
промурлыкал Себастьян ей в ухо.

Рука об руку они шли дальше по залу, пока не добрались до изюминки всей коллекции.

– Венера! О, Себастьян, смотри, это Венера Таунли! – прошептала Шарлотта, глядя на изящную даму и признаваясь себе, что никогда не видела ничего столь изумительного.

Прекрасная статуя заставила даже Себастьяна прекратить пустую болтовню и настолько подействовала на него, что Шарлотта, обернувшись, чтобы узнать его мнение, увидела, что Себастьян возвращается к своей непонятной коробке.

– Оставайся там, где стоишь, – сказал он, вернувшись не только с коробкой, но еще и с несколькими свечами.

– Зачем?

– Я хочу нарисовать вас обеих: Венеру Таунли и мою Афродиту, – ответил он и, присев на корточки перед коробкой, принялся ее распаковывать.

– Нарисовать меня? – Шарлотта перевела взгляд с грациозной богини на стоявшего мужчину. – Ты рисуешь?

– Да, – ответил Себастьян, доставая альбом, карандаши и лоскут ткани. – Подожди немного, я не так плох, как ты думаешь. – Он посмотрел на Шарлотту. – Разумеется, я не Арбакл, но, думаю, достаточно хорошо знаю свою модель. – Он усмехнулся, и Шарлотта не могла не покраснеть.

Конечно, знал – до последнего дюйма.

– Ты же не ожидаешь, что я... – Снова оглянувшись на Венеру, она указала рукой на обнаженную женскую фигуру, прикрытую только до талии.

– Почему нет? – Усевшись на пол, Себастьян пристроил альбом на коленях. – Ты же делаешь это для Арбакла.

– Я... я... я... – начала запинаясь Шарлотта. О Господи, что она могла возразить против этого? – Что, если войдет кто-нибудь из охранников или...

– Не волнуйся, – рассмеялся он, к облегчению Шарлотты. – Честно говоря, ты мне нравишься именно такой, какая ты есть. Это платье великолепно, как и твоя прическа, – потрясающий контраст. Если тебя не затруднит, поставь его, – ой кивнул на один из фонарей, – вон туда, ближе к пьедесталу, чтобы на стену падала тень.

– Я не знала, что ты любишь рисовать. – Сделав то, о чем просил Себастьян, Шарлотта стала сбоку от пьедестала.

– У меня тоже есть свои секреты. – Встав, он подошел к ней и, окинув взглядом статую, немного подвинул Шарлотту в сторону и приподнял ей голову, чтобы казалось, будто она смотрит на скульптуру. – Великолепно! – Быстро вернувшись на место, Себастьян принялся за работу.

– Почему ты ничего не говорил мне? – Шарлотта повернула голову к нему, но он покачал карандашом, прося ее принять прежнее положение.

– А ты когда-нибудь спрашивала? – Он быстро рисовал, время от времени бросая на нее короткие взгляды. Безусловно, нет.

– Но твои... – Шарлотта снова остановила себя. Не могла же она сказать Себастьяну, что Гермiona подробно перечис-

ляла все достоинства и недостатки брата, но ни разу не упомянула о его художественных способностях. – А кто-нибудь об этом знает?

– Ты намекаешь на мисс Берк? – Себастьян замер.

– Нет, не она, – торопливо сказала Шарлотта, стараясь не думать об этой девушке. Ей следовало догадаться, что достойная леди вроде мисс Лавинии Берк не одобрила бы увлечение мужа рисованием. – Нет, я имела в виду твоих мать и сестер.

– Моя родня не слишком интересуется искусством, – покачал головой он.

Но Шарлотта понимала, что в их другой жизни леди Уолбрук не оставалась бы равнодушной к способностям сына и без усталости донимала бы его. Неудивительно, что никто ничего не знал.

И то, что сейчас Себастьян поделился с Шарлоттой, говорило о многом.

Шарлотта украдкой еще раз взглянула в сторону Себастьяна и, заметив, с каким увлечением он рисует, неожиданно поняла – она много лет была влюблена в Себастьяна Марлоу, но никогда по-настоящему не знала этого человека. О, она отлично понимала внешние проявления его натуры – преданность семье, безграничное чувство долга и чести, но, как она поняла, в нем было гораздо больше, чем видели все остальные.

За последние два дня она открыла для себя Себастьяна

Марлоу, которого никогда бы не узнала в своей прежней жизни леди из Мейфэра. Даже если бы он снизошел до того, чтобы бросить взгляд в ее сторону и ухаживать за ней, они продолжали бы оставаться совершенно чужими до самого дня свадьбы. И даже потом разве он повез бы ее на скачки? Отплясывал бы с ней так бесшабашно? Рисовал бы ее так?

Бросив на него еще один взгляд, Шарлотта улыбнулась сама себе. Ей удалось открыть Себастьяна, которого не знала даже Лотти.

– Мне кажется, я не единственный человек, чье заветное желание исполняется сегодня ночью, – сказала она.

– Что ж, ты меня поймала, – усмехнулся Себастьян. – Мне никогда не удавалось ничего утаить от тебя. А теперь стой спокойно и дай мне закончить. У нас немного времени, и я не знаю, когда еще мы получим такую возможность.

– Быть может, тебе приятнее было бы получить какую-нибудь побрякушку? Бриллианты на старость? – спросил Себастьян, несколькими часами позже везя Шарлотту домой.

– Нет. – Она стряхнула окутавшую ее сонную расслабленность и, положив голову ему на плечо, вздохнула. – Мне не нужны бриллианты. Сегодня ночью ты сделал для меня то, что никогда не сделал бы никто другой.

Он усмехнулся с глуповатым видом, говорившим, что он гордится тем, что совершил, мальчишеской, озорной и, что гораздо важнее, полной любви улыбкой.

Ее желание полностью осуществилось, поняла Шарлотта.

До самого этого мгновения часть ее сердца, принадлежавшая «синему чулку», старой деве, даже леди, на которую никто не обращает внимания, – то есть часть, принадлежавшая Шарлотте, – совершенно не верила, что Себастьян Марлоу может действительно любить ее.

А он любил ее, любил всей душой.

И она его любила.

И все скандальное и непристойное в этой запутанной жизни, которую устроила ей Куинс, бледнело по сравнению с неповторимым теплым светом, искрившимся сейчас в ее душе.

Глава 10

В последние две недели Куинс все снова и снова пыталась улучшить момент, чтобы остаться наедине с Шарлоттой, но ле-ди просто невозможно было загнать в угол – даже тому, кто обладает такими, скажем, особыми талантами, как Куинс.

Если бы не грозный ультиматум Милтона, она, вероятно, безмерно гордилась бы тем, как осуществилось желание Шарлотты.

Ну да, правда, несколько нитей времени необходимо было заправить на место, но одного взгляда на сияющее лицо Шарлотты было достаточно, чтобы не осталось никаких сомнений в том, что она расцвела.

Она и ее красавец Себастьян были почти неразлучны. «Это доказывает, – сказала Куинс рассерженному Милтону, – что желание девушки было судьбой». И молодые люди постоянно подтверждали ее слова тихими пикниками за городом, посещением фейерверков в Воксхолл-Гарденс, поздними ужинами, когда они обменивались лакомствами и поцелуями и проявлением пылких чувств друг к другу при первой же возможности. Это случалось очень часто: днем, когда Финелла отправлялась за покупками, во время долгой поездки домой из загорода, в полуночные часы и по утрам, когда они оба были уставшими и без сил.

Нет, Куинс вовсе не подсматривала за ними специально,

но даже она должна была признать, что удивлена, как малейший повод вызывал бурный взрыв чувств между Шарлоттой и Себастьяном.

И, по правде говоря, мир от этого не стал хуже – разве когда-нибудь истинная любовь приносила вред?

Экипаж, появившийся на улице, отвлек Куинс от мечтательных размышлений, тем более что он остановился у номера четыре на Литл-Тичфилд-стрит.

Кучер поднялся по ступенькам и позвонил в колокольчик, а потом вернулся на тротуар ждать свою хозяйку. Вскоре вслед за этим дверь открылась, и, к радости Куинс, Шарлотта спустилась по лестнице в сопровождении только своей служанки Пруденс.

Куинс не оставила без внимания наряд Шарлотты: богато украшенное муслиновое платье, тирольскую накидку из зеленого бархата, ниспадавшую до самых колен, и изумительную шляпу с огромным страусовым пером и зеленой атласной лентой.

«Хороша», – протянула Куинс и взглянула на свое собственное мрачное платье. В ней проснулось давно забытое тщеславие, и она на миг позавидовала фантастическим шелкам и восхитительным платьям Шарлотты. О, не было смысла желать того, от чего она сама отказалась. Но хуже было то, что перед ней стояла весьма неприятная задача.

– Ну что ж, – пробормотала Куинс и, подхватив корзину, поспешила к своей жертве. – Лотти, моя дорогая девочка, –

окликнула она Шарлотту и, схватив ее под руку, потащила в сторону от экипажа, – нам нужно поговорить.

– Пошла вон, старая карга! – закричал кучер, отталкивая ее. – Убери от нее свои грязные руки!

– Прекратите, мистер Галлахер, – остановила его Шарлотта. – Я знаю эту женщину. Это моя хорошая знакомая, миссис Куинс.

Куинс бросила торжествующий взгляд на нахального мужчину и, переложив корзину, снова потянула Шарлотту за локоть.

– Можете уделить мне несколько секунд?

Нахмутив брови и громко засопев, Галлахер выразил свое недоверие:

– Знакомая, чтоб мне провалиться. Я бы сказал, еще одна попрошайка. Лучше проваливай, – тихо пробурчал он себе под нос.

Он смотрел на Куинс таким пристальным, оценивающим взглядом, что у нее по спине побежали мурашки.

«Ирландец, – сделала она вывод. – С ними всегда много неприятностей, подозрительность просто у них в крови. Однако ничего не поделаешь», – решила она и посмотрела вокруг, ища, чем бы его отвлечь.

– Что-то ваши лошади беспокойны, – махнула рукой Куинс в сторону пары вороных, и не успела она закончить фразу, как лошади рванулись вперед.

– Что за чертовщина! – выругался Галлахер. – Я же поста-

вил на тормоз.

– Видимо, не так, как следовало, – заметила Куинс вдогонку недоумевающему кучеру, бросившемуся за экипажем.

– Кто вы? – спросила Шарлотта, глядя то на Галлахера, то на Куинс.

– О, дорогая моя, сейчас у нас нет на это времени. – Куинс повела ее вдоль улицы, чтобы служанка Шарлотты и особенно ее кучер не могли их слышать.

– К сожалению, в тот день, когда мы встретились в парке, я кое-что не сказала вам. С моей стороны это большая халатность, но если учесть, как вы были расстроены, то можно понять, почему это выпало у меня из памяти. – Она похлопала Шарлотту по руке и оглянулась по сторонам, чтобы убедиться, что поблизости нет никого – а именно Милтона. – И еще кое-что вам необходимо знать.

– Еще? – переспросила Шарлотта. – Мне больше ничего не нужно. – Она похлопала одетой в перчатку рукой по локтю Куинс. – Вы исполнили мое желание, мое заветное желание, и я не знаю, как вас благодарить.

«О, это не сулит ничего хорошего», – решила Куинс, едва не запаниковав.

– Просто вы должны понять...

– Что бы это ни было, оно может подождать, – перебила ее Шарлотта, снова похлопав леди по руке, и повернулась к экипажу, возвращавшемуся вместе с Галлахером.

Судя по решительно выставленному подбородку кучера,

Куинс поняла, что снова отвлечь Галлахера будет совсем не просто – черт бы побрал его ирландскую натуру!

– Но вы должны выслушать меня, моя дорогая девочка, – настаивала Куинс, направляясь вслед за Шарлоттой и чувствуя, как ее тревога перерастает в настоящую панику. Служанка уже сидела в экипаже, и Шарлотта была готова присоединиться к ней. – Вы можете вернуться назад! – выпалила Куинс.

Шарлотта остановилась и медленно обернулась:

– Вернуться назад?

– Да, – кивнула Куинс. – Я должна была раньше сказать вам об этом, но вы были в ужасном состоянии, а потом вы увидели лорда Трента...

Она наблюдала за эмоциями, отражавшимися на лице Шарлотты, и, затаив дыхание, ожидала, чтобы узнать, какая из них выпадет, как шарик в колесе рулетки.

Но, к досаде Куинс, все оказалось совсем не так, как она надеялась.

– О мой Бог, вы беспокоитесь обо мне! Признаюсь, поначалу я была расстроена, но... – Симпатичное личико Шарлотты покрылось нежным румянцем. – Он любит меня, – решительно закончила она. – Конечно, это не совсем та жизнь, о которой я мечтала, но пока у меня есть Себастьян... – Ее вздох добавил выразительности тому, что она уже сказала. – Я должна поблагодарить вас за все.

– М-меня? – заикаясь повторила Куинс, очень надеясь,

что Милтон не бродит где-нибудь поблизости и не слышит всего этого.

– О да, вас! – с горячностью воскликнула Шарлотта. – Большое вам спасибо. – Она быстро повернулась и стремительно заняла место в своем элегантном экипаже.

Не в силах остановить девушку, Куинс встала на цыпочки и прижалась носом к окну.

– Вам необходимо это знать, теперь вам это известно. Шарлотта откинула назад голову, так что перья грациозно закачались у ее хорошенького личика, и в мгновение ока вместо скромной Шарлотты Уилмонт появилась бесшабашная Лотти Таунсенд.

– Господи, Куинс, с какой стати мне захотелось бы это сделать?

Словно по команде Галлахер щелкнул языком лошадям, и экипаж на большой скорости покатил по улице.

Ах, все вышло совсем неудачно, огорчилась Куинс и с тревогой взглянула в оба конца улицы, словно ожидала увидеть направляющегося к ней элегантно одетого Милтона. Однако ей все-таки, хоть и немного, но повезло, потому что там не было никого – ни видимого, ни невидимого.

Не желая искушать судьбу, она поспешно зашагала по улице, размышляя, где в Лондоне можно от него спрятаться хотя бы дней на десять, потому что было маловероятно, что он оставит ее в покое или, помощи Господи, забудет об этом проклятом кольце.

Единственное, что оставалось Куинс, – это надеяться, что Шарлотта поймет, что даже самое замечательное желание имеет непредсказуемые последствия, и передумает.

Откровение Куинс на протяжении нескольких следующих часов диссонансом звенело в голове Шарлотты.

«Отказаться от собственного желания? – с негодованием думала она. – Это полное безумие!»

Вдобавок к этой досаде ее дневная прогулка по магазинам оказалась совсем не такой, как ей хотелось. Она собиралась отправиться туда с Коринной Форнетт, так как выяснилось, что леди раз в месяц ездили вдвоем за покупками или, как выразился Себастьян, устраивали ежемесячные набегии на владения восхищенных и услужливых торговцев на Бонд-стрит. Но, к великому огорчению Шарлотты, в самый последний момент леди прислала записку, сообщая, что не сможет поехать. Несмотря на ее отказ, Шарлотта осталась верна своим намерениям, потому что у нее были деньги, которые можно свободно потратить, экипаж с кучером, служанка, чтобы ей помогать, и возможность выбрать все, что душе угодно. Она делала покупки, не заботясь о цене и не задумываясь, действительно ли ей нужна еще одна шляпа, но все равно ей чего-то не хватало.

В конце концов она отправила Пруденс с покупками в экипаж и уже собралась было последовать за ней, но задержалась в магазине с лентами, в который они с Гермией часто заглядывали.

Насколько веселее было бы провести день, выбирая шелка, шляпы и украшения вместе с...

Колокольчик над дверью звякнул, и в магазин вошла молодая леди.

– Мама, я хочу посмотреть, есть ли у них еще те шелковые ленты, которые я видела на днях.

Гермиона!

Шарлотта открыла рот, чтобы поздороваться, но затем крепко сжала губы и попятилась назад за витринную стойку. Пожирая глазами свою лучшую подругу, Шарлотта поняла, как скучает по ней, ведь прежде и дня не проходило, чтобы они с Гермионой не отправлялись на прогулку или не обменивались книгами и секретами. А кроме того, если бы не ее дружба с Гермионой, она никогда бы не встретилась с Себастьяном.

Шарлотта не раз останавливала себя, чтобы не расспросить Себастьяна о его семье. Как продвигается работа Гриффина над машиной времени? Как может быть, что его отец никогда не уезжал в Южные моря? Почему Корделия не в Бате с тетей Дэви? Какие неприятности доставила Виола на этой неделе? Глядя через зал магазина на Гермиону, Шарлотта поняла, как сильно ей хочется просто провести один день в шумном, суматошном, веселом доме Марлоу.

Но сейчас это было невозможно, и не только из-за того, кем она теперь стала, но и потому, что ее желание положило конец всему этому и еще многому другому.

Только посмотреть на Гермиону! Шарлотта чувствовала себя безмерно виноватой, всматриваясь в это бесцветное, одетое в простое платье подобие своей яркой подруги. Ей казалось несправедливым, что она, Шарлотта, должна была получить так много, когда другие лишились всего, что им было дорого, потеряли те неповторимые качества, которые делали их выдающимися в ее глазах.

Побродив по магазину, Гермиона наконец остановилась и взяла моток лент. Закусив губу, она поворачивала его так и этак, рассматривая красивую, яркую шелковую отделку.

– Ну вот, у меня есть именно то, что вы искали... – проговорила владелица магазина, выходя из задней комнаты.

Шарлотта покачала головой и еще глубже спряталась в тень.

Добрая женщина привыкла к странностям и причудам лондонского высшего света – а точнее, полусвета – и, не сказав больше ничего, обернулась к новым покупателям с сияющей улыбкой, которая исчезла, как только хозяйка увидела, кто они.

– Леди Гермиона, – протянула она сквозь стиснутые зубы.

– Сколько это стоит? – Глубоко вздохнув, Гермиона подняла шелк.

Шарлотта чуть не рассмеялась. Когда это Гермиона интересовалась ценой, если шла за покупками?

«Мода первична, а цена вторична» – таков был принцип ее подруги.

А затем, к ужасу Шарлотты, хозяйка магазина произнесла нечто совершенно убийственное:

– Цена не имеет значения, если вы не собираетесь расплатиться наличными.

– Нет. – Гермiona побагровела и поспешно опустила ленты обратно на прилавок. – Я только надеялась...

Снова звякнул колокольчик, и на этот раз вошли леди Уолбрук и леди Корделия.

– Ах, ты здесь, Гермiona. Нашла свои ленты?

– Боюсь, это невозможно, миледи, – без намека на сожаление объявила хозяйка, сложив на груди руки. – Я только что объяснила вашей дочери, что больше не могу давать в кредит ни ей, ни остальным членам вашей семьи, пока не будет оплачено то, что записано на ваш счет, – и полностью.

Всем своим существом до самых мысков собственных безумно дорогих лодочек Шарлотта ощутила стыд леди Уолбрук и больше всего Гермiony.

Леди Уолбрук оскорбленно шевелила губами, очевидно, стараясь подобрать подходящие слова для такой отвратительной сцены, а потом с тревогой окинула взглядом маленький магазин. Шарлотта пригнулась, чтобы ее не заметили, так как ей не хотелось смущать графиню тем, что кто-то оказался свидетелем ее унижения.

– Вы знаете, кто я? – спокойным сдержанным тоном спросила леди Уолбрук.

Стоявшая позади нее Корделия, старшая из сестер Се-

бастьяна, с непроницаемым выражением лица опустила взгляд.

– Да, миледи, но...

– Как вы смеете стоять здесь и...

– Не нужно, мама, – вмешалась Гермиона, стараясь говорить чрезвычайно вежливо и предотвратить назревающий скандал, – мне кажется, что ленты все-таки не того оттенка.

Никто ей не поверил, тем более что ее зеленые глаза наполнились слезами огорчения.

При виде страданий ее лучшей подруги у Шарлотты сжалось сердце. Правда, теперь они не были друзьями, но для Шарлотты это не имело значения, ведь прежде Гермиона была ее подругой и всегда ею останется...

– Нет, подождите. – Слова вырвались у Шарлотты быстрее, чем она успела себя остановить. – Я заплачу за них, Гермиона. За все, что ты хочешь, – сказала она, поднимаясь из своего укрытия.

Взгляды всех присутствующих в магазине обратились к Шарлотте и впились в нее. Но она тотчас поняла, что ей следовало держать язык за зубами и оставаться за прилавком, где она пряталась, потому что леди Уолбрук поморщилась, в негодовании глубоко втянула в себя воздух и вместо благодарности отрывисто скомандовала:

– Гермиона! Корделия! Ждите меня на улице!

Когда сестры торопливо выходили из магазина, колокольчик над дверью возмущенно задрезжал, и низкий голос,

заглушив эти звуки, вежливо поздоровался с выходявшими сестрами Марлоу, но Шарлотта ничего не заметила, потому что перед ней внезапно оказалась разъяренная леди Уолбрук. Даже у владелицы магазина хватило здравого смысла ради собственного спокойствия скрыться в кладовой.

– Как вы смеете! – набросилась на нее графиня.

– Я только хотела...

Леди Уолбрук подняла руку, и Шарлотте почудилось, что сейчас она получит пощечину. Той мечтательной и взбалмошной женщины, которую знала Шарлотта, не было и в помине, вместо нее стояла эта благонравная и разгневанная матрона.

– Послушайте меня внимательно, вы, девка, – заговорила леди Уолбрук угрожающим тоном. – Если вы полагаете, что, предлагая деньги, сможете легче добиться своего, то глубоко заблуждаетесь. Пока я могу дышать, мой сын не женится на вас.

– Жениться на мне? – У Шарлотты возникло такое ощущение, словно женщина на самом деле ударила ее. Что ж, ей никогда не приходило в голову, что Себастьян мог бы...

Конечно, это была ложь, и леди Уолбрук все понимала.

– О, не прикидывайтесь наивной. Думаете, я не слышала, что говорят, не знаю, где пропадает мой сын последние две недели? – Она недовольно заворчала, – Заманили его в ловушку своими дьявольскими чарами. Но запомните хорошенько: вы его не получите. Он предназначен для другой, и

вы с этим ничего не сделаете. Рано или поздно он придет в себя и вышвырнет вас обратно в канаву, где вам и место.

Шарлотта пыталась вздохнуть, что-нибудь придумать, сказать хоть что-то, чтобы успокоить леди, убедить ее: она совсем не такая бессовестная девушка, какой та ее считает.

– Вы просто шлюха, грязная шлюха! – провозгласила леди. – Происхождение делает женщину леди, а не серебро и золото, которые она находит по утрам на своем туалетном столике. Я скорее буду ходить в лохмотьях, чем допущу, чтобы хотя бы пенни из вашего грязно нажитого состояния попало в мою семью.

Высказавшись, достойная дама подобрала юбки, словно стояла посреди скотного двора, и направилась к выходу из небольшого магазинчика, чуть не сбив с ног стоявшего у двери мужчину.

– Добрый день, миледи, – поклонившись, пробормотал он.

– Рокхест, – ответила она, недовольно засопев. Помимо того что она была зла как черт, она была еще и матерью трех незамужних дочерей, а стоявший перед ней мужчина был графом. К тому же неженатым – и это требовало немедленно вернуться хоть к какой-то видимости приличий.

– Миледи, добрый день, – повторил он.

– Фу-у! – прошипела она и, метнув последний жгучий, возмущенный взгляд на Шарлотту, выбежала на улицу и потащила за собой дочерей, словно спасаясь от чумы.

Шарлотта окаменела, а гневные обвинения графини продолжали жечь ей уши.

Как она могла забыть хотя бы на секунду об огромной пропасти, отделявшей приличное общество от всего, что находилось за его священными стенами! Слова леди Уолбрук напомнили Шарлотте о ее истинном положении: любил ли ее Себастьян всем сердцем или нет, но в глазах леди Уолбрук она была ничем не лучше проститутки с Севен Дайалз.

Она смахнула слезы, затуманившие ее взор, и, подняв голову, ясно увидела перед собой графа Рокхеста и по любезному выражению его лица поняла, что он слышал тираду леди Уолбрук всю до единого слова.

– Отвратительно, – сказал он, и Шарлотта, не в силах удержаться, разразилась слезами.

Рокхест быстро окинул взглядом магазин в надежде, что появится кто-нибудь из женщин, а когда никто не пришел на помощь, поступил совершенно неожиданно и заключил Шарлотту в объятия.

– Ну-ну, миссис Таунсенд. Могу сказать, это не в первый раз случается с леди вашего положения и, полагаю, не в последний.

Когда она немного успокоилась, Рокхест отправил Галлахера и Пруденс домой и, взяв Шарлотту под руку, повел ее по Бонд-стрит.

Недовольный Роуэн плелся позади них, время от времени толкая Рокхеста в спину огромной серой головой и рыча на

леди, шедшую под руку с его хозяином.

Они не успели пройти и половину квартала, как Шарлотта осознала положение семьи Марлоу.

– Не могу в это поверить, – сказала она, оглянувшись на огромного волкодава. Животное вызывало у Шарлотты неприятное чувство, будто оно безошибочно знало, что она не Лотти Таунсенд, как думали все остальные. – У семьи Марлоу карманы никогда не были набитыми, но чтобы они были дырявыми?

– Марлоу по уши в долгах, – сообщил ей Рокхест. Они продолжали идти по шумной улице, а пожилые дамы и аристократки бросали на них возмущенные взгляды и торопились поскорее уйти с пути Шарлотты, но Рокхест если и замечал это, то не обращал никакого внимания. – Могу сказать, у них остается не больше нескольких недель до того момента, когда кредиторы оставят их голыми.

– Этим и объясняется выбор мисс Берк, – вслух заметила Шарлотта, вовсе не собираясь громко выражать свое мнение.

– Совершенно верно, – тихо сказал Рокхест. – Приданого мисс Берк более чем достаточно, чтобы они выбрались из черной полосы и снова пользовались благосклонностью торговцев. Только так Трент и его отец спасутся от самого худшего. Вы же знаете, что все уже давно ожидают оглашения.

– Но они не помолвлены, – излишне поспешно возразила Шарлотта, остановившись перед ювелирным магазином.

– Нет, не помолвлены. – Рокхест слегка приподнял брови.

– Ему не обязательно брать ее деньги, – не подумав, выпалила Шарлотта, – он может взять мои.

– О да, ваши деньги. Конечно, вашего приличного состояния вполне достаточно для Бонд-стрит, но, возвращаясь к недавней сцене, неужели вы действительно думаете, что леди Уолбрук станет вам любящей свекровью?

Шарлотта отвернулась от него и, положив руку в перчатке на стекло, рассеянно смотрела на выставленные на витрине драгоценности – дорогие искусно сделанные украшения мало интересовали ее.

– Она изменит свое мнение.

– Думаете? – Рокхест потрепал Роуэна по лохматой голове, и собака снова недовольно зарычала, но после строгого окрика хозяина покорно села возле него, не спуская с Шарлотты огромных темных глаз. – О да, – продолжал Рокхест, – она будет околдована вашими чарами, когда остальное общество им не поддастся, а ее три незамужние дочери из-за своей невестки не смогут найти кавалеров в «Олмаке», не говоря уже о получении приглашений на какой-нибудь дурацкий карточный вечер.

– До этого не дойдет, – заявила Шарлотта, хотя и отлично понимала, что предсказание Рокхеста настолько же прозрачно, как бриллиантовое ожерелье в витрине магазина. Если она и Себастьян обвенчаются, общество без малейшего намека на сожаление единодушно повернется спиной к Марлоу.

Но неужели их любовь не в силах преодолеть даже такую, кажущуюся несокрушимой, немилость высшего общества?

Шарлотта потрогала пальцами скрытое под перчаткой кольцо. Куинс, вероятно, могла бы помочь ей.

Это было еще одно желание – очень маленькое.

– К несчастью, Трент разрывается между влечением к вам и долгом перед семьей.

– Он меня любит, – тихо сказала Шарлотта.

– Да, любит. – Граф посмотрел вверх и вниз вдоль улицы. – Однако я никогда не думал, что вам так дорого его внимание... Не знаю, что с вами происходит, миссис Таунсенд. Я полагал... в общем, у меня сложилось впечатление, что несколько недель назад мы пришли к соглашению, а потом вы неожиданно... ну, вы...

– Передумала?

Он кивнул и, прищурившись, внимательно посмотрел на Шарлотту.

– Именно так. Я вовсе не возражаю, но это только усложняет ситуацию, потому что я не из тех мужчин, которые согласны делиться благосклонностью леди. И у меня есть большое подозрение, что вас интересует Трент.

Едкие слезы снова обожгли ей глаза, и Шарлотта отвернулась. Она не понимала, почему такое заключение могло заставить ее плакать, но после стычки с леди Уолбрук ее мучил стыд за свои чувства, за желание Себастьяна.

Если бы она не захотела его любви...

– Черт побери, вы действительно любите его! – В голосе Рокхеста прозвучало почти такое же негодование, как недавно у леди Уолбрук.

– Но вы только что сказали, что подозревали это. – Шарлотта вздернула подбородок.

– Подозревал, да. Но убедиться в этом? – Он покачал головой.

Приподняв юбки, она собралась пройти мимо Рокхеста, но Роуэн преградил ей дорогу, дав хозяину возможность поймать Шарлотту за локоть.

– Не обижайтесь, мадам. Признаюсь со всей честностью, я завидую ему.

Его слова выразили, вероятно, больше, чем ему хотелось, и он так же неожиданно, как остановил ее, отпустил Шарлотту и сделал шаг назад.

Однако, заглянув ему в глаза, Шарлотта заметила таившуюся там правду. Горевший в них огонь желания открыл ей, что Рокхест питал к ней не только дружеские, заботливые чувства.

Насколько взрыв гнева леди Уолбрук причинил Шарлотте боль, настолько же признание Рокхеста ошеломило ее.

Граф Рокхест влюблен в нее? Шарлотта не знала, могла ли ее жизнь запутаться еще сильнее.

Но какие бы чувства ни питал к ней этот мужчина, его тон снова стал беззаботным – наигранно беспечным.

– Ну-ка, миссис Таунсенд, обернитесь. Если вы должны

отпустить Трента и позволить ему жениться на строгой маленькой наследнице, то я сумею доказать вам какое щедрое у меня сердце.

Вопреки здравому смыслу Шарлотта рассмеялась и, повернувшись, увидела изумительно красивое украшение. двойной ряд бриллиантов соблазнительно сиял и искрился.

– Они и наполовину не стоят вашего расположения. – Рокхест подошел ближе. – Но, могу сказать, в них вы будете выглядеть ослепительно.

– Вы шутите. Вы купите мне их?

– Их и еще многое другое, если хотите. – Голос Рокхеста был полон заманчивого обещания, и Шарлотта вспомнила, как красочно описывала Финелла этого мужчину. – Скажите только слово.

– Какое слово? – раздался сзади них вопрос. Шарлотта и Рокхест одновременно обернулись и увидели Себастьяна, без особого удовольствия смотревшего на стоявших вместе его лучшего друга и любовницу.

– Хм-м... – Шагнув вперед, он посмотрел на ожерелье, на которое показывал Рокхест. – Тебе не кажется, Лотти, что оно немного кричащее даже для тебя? – Горечь и подозрение, прозвучавшие в его голосе, задели ее за живое.

– Я... я... – залепетала она, торопливо и демонстративно отходя подальше от высокого графа.

– Рокхест, – коротко поздоровался с другом Себастьян, не сказав Шарлотте больше ни слова.

– А, Трент! – Граф не стал обращать внимание на его натянутость. – Так рано покончил со своими дневными визитами?

– Да, – ответил Себастьян. – Я думал, что найду миссис Таунсенд в ее любимых магазинах, а она здесь занята совершенно другим. Кажется, ты говорила, что поедешь с Коринной, – обратился он к Шарлотте.

– Я собиралась, но...

– Да, понимаю, – не дал ей закончить Себастьян, и Рокхест улыбнулся.

– Я как раз выбирал ожерелье для леди. Что скажешь, Трент? Думаешь, оно подойдет ей? – Граф указал на бриллианты на витрине. – По-моему, камешки соответствуют ее огню.

Себастьян еще раз внимательно посмотрел на ожерелье и при виде ценника крепко стиснул зубы.

Теперь Шарлотта знала, что такая цена была ему не по карману, и поспешила вмешаться:

– Я как раз собиралась сказать лорду Рокхесту, что мне оно кажется слишком вычурным.

– Когда это ты оставалась равнодушной к бриллиантам? – удивился Себастьян и снова взглянул на камни. – Рокхест прав. В них твой огонь... и твоя ветреность.

В последнем слове чувствовалась неприятная нотка неудовольствия, ревности и возмущения, которых прежде между ними не возникало.

Шарлотте стоило огромных усилий не пуститься в объяснения, чтобы он понял, как и почему она оказалась стоящей именно здесь вместе с графом – с мужчиной, чье имя, как ее следующего покровителя, занимало первые строчки в книге для записей пари в «Уайтсе».

«Он только старался помочь мне, – хотелось сказать Шарлотте. – Я была в этом магазине и столкнулась с твоей матерью...»

О нет, ни за что. Она не смогла бы рассказать об этом Себастьяну, не посмела бы даже намекнуть о том, что знает, в какое трудное положение его поставила.

А затем страшное, убийственное сомнение закралось ей в душу. Что, если Себастьяна влекло к ней только благодаря небольшому колдовству Куинс? Смог бы он когда-нибудь полюбить ее, если бы она не высказала тогда своего желания?

Тем временем Рокхест стал на ее защиту, но от этого жилы на лбу у Себастьяна только еще сильнее вздулись.

– Брось, Трент! Леди ни в чем не виновата. Я нашел ее крайне расстроенной и предложил ей заключить небольшое безвредное пари на то, сколько это...

О да, великолепно! Еще раз подчеркнуть, что Рокхест может позволить себе купить это ожерелье, а Себастьян – нет!

– Лорд Трент, – ринулась вперед Шарлотта, – не будете ли вы столь любезны, чтобы проводить меня домой? К сожалению, я потеряла Пруденс и мистера Галлахера.

Оторвавшись от созерцания бесценного украшения, Се-

бастьян встретился взглядом с Рокхестом, и выражение его лица напомнило Шарлотте, что он так же выглядел во время стычки с лордом Лайменом на Беркли-сквер. Испугавшись, что Себастьян может устроить драку с графом, Шарлотта схватила его за рукав.

– Боюсь, у меня от солнца начинается мигрень.

Это было уже слишком, но никто из мужчин, очевидно, не придал ее словам значения. Рокхест был чересчур увлечен и вел себя так, словно не было ничего необычного в том, что он отправился покупать драгоценности для любовницы своего друга, а Себастьян, по-видимому, готов был вызвать его на дуэль.

– Пожалуйста, – шепнула Шарлотта.

И тут ей на спасение совершенно неожиданно пришел странствующий рыцарь – лорд Баттерсби.

– Ну и ну! Трент! Рокхест! Вас-то я и искал! – закричал он с противоположной стороны шумной улицы.

К счастью для них, движение мешало мужчине перейти улицу – пока мешало.

– Всего доброго, миссис Таунсенд, – обратился Рокхест к Шарлотте, приподняв шляпу. – Трент. – Затем он отрывисто свистнул Роуэну и вместе с собакой заспешил вниз по улице.

Себастьян взглянул на Шарлотту, на миг его выражение смягчилось, и, взяв ее руку, он демонстративно положил ее себе на локоть.

– Да, пойдем. Мой экипаж как раз здесь.

Они добежали до его экипажа, Себастьян помог Шарлотте сесть, сам устроился с другой стороны, и они отъехали как раз в тот момент, когда Баттерсби наконец получил возможность перейти через дорогу. Себастьян пронесся мимо него на бешеной скорости, оставив беднягу в пыли.

На протяжении почти целого квартала между Шарлоттой и Себастьяном не было сказано ни слова, и это молчание привело ее в отчаяние.

– Себастьян, я просто...

– Не нужно, Лотти. Не трудись объяснять мне, что ты делала с ним.

– Я ничего с ним не делала. – Шарлотта подумала, что ей следовало бы удивиться медным ноткам, прозвучавшим в этом заявлении, но она сомневалась, что его плохое настроение может легко запугать Лотти – да и ее самое тоже. – Себастьян Марлоу, вы много значите для меня, но в данный момент вы просто-напросто осел.

Он застыл на сиденье. Вероятно, никогда с ним еще так не разговаривали, во всяком случае женщины.

– Я люблю тебя, – не в силах остановиться, продолжала Шарлотта, – люблю всем сердцем. Я знаю, все считают, что я выберу Рокхеста своим следующим покровителем... – Она подняла руку в перчатке, чтобы предупредить его восклицание. – Я не больше тебя защищена от сплетен, но если бы я устраивала сцены каждый раз, когда ты уходишь ухаживать за мисс Берк... А ведь именно туда ты отправился сегодня

утром, не так ли?

– Ее отец... и мой тоже давят на меня, чтобы я сделал предложение, – кивнув, объяснил он.

– Тебя – они, а меня Финселла донимает при каждом удобном случае, – вздохнула Шарлотта, – и мы пойманы в силки. Так какой же у нас выход? Тратить время на эти нелепые ссоры? Не понимаю, почему мы не используем наше драгоценное время на то, что важнее всего.

Некоторое время они ехали в тишине, пока Себастьян не спросил:

– А это возможно?

– Наша любовь? – Шарлотта всплеснула руками. – Да что с тобой случилось? Ты считаешь меня такой куколкой, которую можно соблазнить уйти от тебя одним только видом бриллиантов?

Себастьян бросил на нее еще один из тех многое говорящих взглядов.

– Это не мешает тебе пить мои вина, которые поставляет лорд Кимптон, или оставаться в моем доме, подаренном... – О Господи, эта историческая подробность вряд ли имела значение в данный момент. Она получила дом, потому что Лотти грела чью-то постель, и Шарлотта была не в силах этого изменить. – ...В общем, кем-то еще. – Она с досадой вздохнула. – Ты любишь меня или нет?

– Да, – буркнул он.

– Тогда почему ты не можешь поверить, что и я тебя люб-

лю?

– Я верю! – воскликнул он с таким пылом, что у Шарлотты стало легче на сердце. – Просто это...

– Ничего больше не говори. – Она прижала палец к его губам. – Я все понимаю.

Но что-то все-таки изменилось: мир под Шарлоттой слегка сместился, правда, не так, как в тот день, когда она высказала свое желание, но она осознала, что опасно близка к тому, чтобы потерять все.

Господи, что сказала Куинс? Что можно все вернуть обратно? Для Себастьяна это, безусловно, будет лучше. Он женится на мисс Берк, и Марлоу будут спасены.

А она сама... она снова окажется на Куин-стрит и будет жить с матерью и со скромной и чопорной Финеллой.

Выдохнув воздух, который задержала в себе, Шарлотта глазами, блестящими от непролитых слез, смотрела на улицы, по которым ехал экипаж.

Подъехав к ее дому, Себастьян резко остановил лошадей.

– Логги, я...

Не дав ему договорить, она бросилась к нему в объятия и прижалась губами к его губам, скрепляя его судьбу со своей. Шарлотта не могла позволить ему уйти, не в силах отпустить его из этой жизни – и не важно, каковы будут последствия.

С ненасытной жадностью Себастьян вернул ей поцелуй. Хотя они провели врозь всего несколько часов, после того как всю ночь почти до рассвета занимались любовью, каза-

лось, что они не виделись целый месяц.

Шарлотта придвинулась ближе, наслаждаясь ощущением его рук на своем теле, его губ, теребящих мочку ее уха, и трепетом желанья, бегущим вниз по ее телу.

Отказаться от этого? Никогда.

– Финелла дома? – шепнул ей на ухо Себастьян.

– Когда я уходила, ее не было, – с готовностью ответила Шарлотта, понимая, о чем он спрашивает. – По-моему, она собиралась провести весь день до вечера с Кимптоном.

– Можно войти? – обрадованно и чувственно промурлыкал он ей на ухо. – Мне хотелось бы извиниться за свое отвратительное поведение более приятным способом.

– О да, конечно. – Шарлотте хотелось почувствовать его обнаженным, на себе, внутри себя.

Покинув экипаж, они, не стесняясь, рука об руку быстро поднялись по ступенькам, вошли в дом – и увидели картину полного разорения, предвещающую несчастье.

Глава 11

– О, мадам, как я рада, что вы дома, – встретила ее Пруденс. – Как бы она себя не погубила, вот.

Шарлотта смотрела на представшее перед ней зрелище.

Финелла неуклюже лежала на лестнице с бутылкой в одной руке и с бокалом в другой и в этот момент как раз наполняла его, а весь холл был наполнен запахом пролитого бренди.

Обычно тщательно одетая, кузина сейчас с перекошенным лицом и в измятом платье выглядела, как неряха с Се-вен-Дайалз.

– За лорда Кимптона! – провозгласила Финелла, поднимая бокал, и бренди выплеснулось ей на рукав. – Чтоб он гнил в аду. Я проклинаю день, когда позволила ему засунуть этот жалкий, крошечный, никудышный...

– Финелла! – оборвала Шарлотта выступление пьяной женщины, пока оно окончательно не превратилось в непристойность.

– Лотти! – Финелла взглянула безумными слезящимися глазами. – Иди выпей со мной, мое дорогое дитя. Выпей за мое несчастье. – Она качнулась вперед.

Учитывая ее состояние, Финелла вполне могла скатиться вниз по лестнице, поэтому Шарлотта подбежала и подхватила ее, пока та не свалилась, как мешок, и ей понадобились

все силы, чтобы удержать леди, которая внезапно, казалось, приобрела еще два лишних стоуна.

– Что произошло, Финелла?

– Лорд Кимптон, этот мелкий, отвратительный...

– Да-да, это я уже знаю. Что он сделал? Я думала, – Шарлотта понизила голос, – у вас с лордом Кимптоном взаимопонимание.

Финелла иронически усмехнулась и снова наполнила свой бокал.

– Что такое взаимность, когда имеешь дело с мужиком? – Она понесла бокал ко рту, но замерла, увидев стоящего на пороге Себастьяна. – С любым из них. Они все одинаковы. Запомни мои слова, Лотти, любовь ничего не значит. Они вышвырнут тебя, как только ты станешь им помехой. – Одним большим глотком она проглотила бренди. – И женятся на другой!

От ее мрачного предсказания у Шарлотты по спине пробежал холодок, и она без раздумий отобрала у Финеллы бокал и поставила его на стол вне пределов ее досягаемости.

– Отдай, – потребовала Финелла, – и оставь меня. – Ее голова закачалась взад-вперед, и Шарлотте показалось, что кухня вот-вот потеряет сознание.

– Что случилось? – спросила Шарлотта у Пруденс.

– Лорд Кимптон женился.

Сразу же ей все стало понятно, и она перевела взгляд с Пруденс на убитую горем кухню.

– Миссис Финелла, по-видимому, пошла к нему на свидание, – продолжала Пруденс печальную историю, – на их обычное дневное свидание, вот, а его дворецкий ее не впустил. Он сказал, что ее услуги больше не требуются. Старый негодяй не соизволил даже спуститься и лично сказать это ей. Он был слишком занят наверху с молодой женой. Ей семнадцать, и она незаконная дочь какого-то выскочки.

– Дочь Граддиджа, – уточнил Себастьян. – Он сделал состояние на перевозке грузов по морю. Половина высшего общества благосклонно относится к нему. И Кимптон более всех прочих.

– Ох, Боже мой, – прошептала Шарлотта. – Бедная Финелла.

– Да, да, бедная Финелла, – повторила кузина, немного придя в себя и с негодованием глядя на обступивших ее зрителей. – Бедная я. Несколько лет он обещал, что женится на мне. «О да, Финелла, я женюсь на тебе. О, моя дражайшая Финни, я люблю тебя всем сердцем». – Она горестно завывала. – Нужно только подождать, пока его праведная матушка отправится в мир иной, чтобы он мог все сделать законно. А потом он идет и женится на какой-то девчонке. Он предпочел ее мне, потому что должен отцу этой сучки пять тысяч фунтов. – Со скоростью, которой трудно было ожидать от Финеллы в таком состоянии, она схватила бутылку бренди и, не взяв бокала, поднесла ее к губам, чтобы залить горе. Густая янтарная жидкость разлилась у нее по щекам и по-

током потекла вниз на бывшее когда-то нарядным платье.

Не зная, что делать, Шарлотта только глубоко вздохнула:

– Нужно уложить ее в постель, – шагнув вперед, сказал Себастьян. Он выдернул крепко зажатую в руке Финеллы бутылку и, не обращая внимания на изъявление недовольства, отдал ее Пруденс. – Спрячьте ее, закройте погреб.

Кивнув, Пруденс ушла в глубь дома, а Себастьян наклонился вперед и одним быстрым движением поднял Финеллу на руки.

– Оставьте меня, ублюдох. Вы ничем не лучше всех остальных. Всегда готовы на обещания и полуправду. Но я-то знаю, знаю, кто вы, – обманщик, как остальные. – Она выла и беспомощно колотила Себастьяна по широкой груди.

– Куда? – спросил он, пропуская мимо ушей пронзительные вопли Финеллы.

– Наверное, лучше всего в ее комнату, – ответила Шарлотта, стыдясь взглянуть в глаза Себастьяну.

Кивнув, он без особых усилий понес женщину вверх по лестнице.

– Полагаю, и ты тоже меня вышвырнешь, Лотти? – не хотела успокаиваться Финелла. – Теперь я тебе больше не нужна. Я просто-напросто старуха. Несчастливая старая женщина, у которой ничего не осталось.

– Нет, Финелла. – Ее стенания разрывали Шарлотте сердце. – Этот дом настолько же ваш, насколько и мой. Вам всегда здесь будут рады.

– Это ты только говоришь так, но я-то все понимаю. Я знаю что ты захочешь меня выгнать. Я это вижу по твоим глазам. Ты любишь меня не больше, чем любил он. – Финелла громко разрыдалась, отдавшись своему горю, и вскоре на сюртуке Себастьяна появились темные пятна от ее слез.

Шарлотта, быстро пройдя вперед, обнаружила, что комната леди находится не в лучшем состоянии. Очевидно, Финелла сначала выплеснула свою ярость в спальне, а уже потом заливала остаток гнева бутылкой бренди.

Невыносимый запах духов наполнял воздух: флаконом запустили в зеркало на туалетном столике, и разбитое стекло усыпало пол. Повсюду валялись кучи одежды, косметики, безделушек и разломанные предметы убранства комнаты.

– О Господи, – остановившись посреди этого хаоса, поразились Шарлотта.

Себастьян молча отнес несчастную женщину к кровати и бережно уложил на скомканные простыни. Финелла тотчас же впала в бессознательное состояние и теперь лежала, посапывая.

– По крайней мере она немного успокоилась, – сказала Шарлотта.

– На некоторое время, – согласился Себастьян. – Ключ от винного погреба лучше всего убрать подальше, и пусть Пруденс как следует осмотрит дом, чтобы убедиться, что у Финеллы не припрятано где-нибудь еще бренди. Ты же помнишь, какая она была прошлой зимой, когда они с Кимпто-

ном поссорились.

Шарлотта кивнула, но так и не осмелилась взглянуть на Себастьяна. Не отводя глаз от Финеллы, она размышляла, не придется ли и ей самой когда-нибудь разделить судьбу этой женщины.

Сломленная и одинокая, без доходов и без покровителя...

Себастьян смущенно переминался с ноги на ногу.

– Пожалуй, мне лучше уйти... Оглянувшись, она кивнула.

– Я еще вернусь.

Это прозвучало так мрачно, что у Шарлотты похолодело сердце. И не успела она подыскать слова, чтобы преодолеть создавшуюся неловкость, как Себастьян ушел.

Шарлотта тяжело вздохнула.

Бедная Финелла! Подняв с пола покрывало, она заботливо накрыла им пожилую женщину.

«Что теперь с нами будет? Что будет со мной?..» – размышляла она.

Шарлотта рассеянно взялась наводить в спальне порядок, ей не хотелось, чтобы кухня проснулась в окружении свидетельств своей ярости и отчаяния.

– Выбросьте из головы этого подлого барона, – сказала ей Шарлотта и, нагнувшись, чтобы поднять брошенную прямо перед камином шляпу, заметила под ней письмо. Старое и пожелтевшее, оно привлекло внимание Шарлотты, и вдруг, словно предостережение, у нее по спине пробежала дрожь.

«Не трогай его».

Но она не послушалась и, подняв письмо, перевернула его, чтобы прочесть адрес.

«Мисс Финелле Аппингтон-Хиггинс, Куин-стрит».

Этот дом Финелла унаследовала от родителей, и позже, когда она приютила Шарлотту с матерью после смерти сэра Нестора, он стал домом и для Шарлотты.

По замусоленным Краям бумаги Шарлотта поняла, что это послание кузина получила еще до того, как стала... в общем, превратилась в падшую Финеллу, до всех перемен, сотворенных Куинс, и у нее задрожали пальцы.

За последние две недели Шарлотта несчетное количество раз задумывалась, почему Финелла занялась этим ремеслом и не возражает против того, чтобы ее молодая племянница пошла по ее стопам. И почему мать Шарлотты отдала ее на сомнительное попечение Финеллы?

Окинув взглядом комнату, Шарлотта обнаружила, что это письмо было не единственным. Еще одно выглядывало из-под кровати, два валялись на камине, другие были разбросаны по полу, а несколько лежало вокруг стула у туалетного столика. Некоторые были сложены, как то, которое Шарлотта держала в руках, а другие раскрыты, как отцветший цветок, и их содержание было доступно любому любопытному глазу.

Шарлотта на цыпочках обошла комнату и, собрав все письма, как разбросанные ветром лепестки, зажала их в дрожащих руках. Она почему-то не могла избавиться от ощущение

ния, что раньше уже видела эти письма, что Лотти прекрасно известно их содержание, но эти воспоминания, как и многие другие, все еще витали где-то в пространстве.

Ну что ж, Шарлотта могла подождать, пока эти воспоминания снова вернутся к ней, или... Сделав глубокий вдох, она открыла первое письмо.

«Моя любимая малышка...»

Взглянув на Финеллу, Шарлотта тихо усмехнулась. Трудно было представить, чтобы какой-то мужчина называл степенную и достойную Финеллу или ветреную и распутную Финни своей любимой малышкой.

«Любовные письма Финеллы? Я бы с удовольствием посмеялась над таким сентиментальным секретом, но, думаю, это было бы несправедливо с моей стороны». Шарлотта с улыбкой смотрела на тайные послания. Она представить себе не могла, чтобы даже такой пылкий мужчина, как лорд Кимптон, использовал такое выражение.

Так кто же был тайный обожатель Финеллы?

– Нет, я не имею права это делать, – прошептала Шарлотта и собралась отложить письмо, но ей в глаза бросились другие его строки:

«Моя любимая малышка!

Представь, как забилося у меня сердце, когда я сегодня утром увидел твою записку. Мне показалось, словно ты проснулась рядом со мной и мы провели ночь...»

Шарлотта опустила листок, внезапно почувствовав, что,

вероятно, поступает нехорошо. Но ведь она никогда бы не оказалась в комнате кухни, если бы не несчастье, постигшее в этот день Финеллу.

– Да еще и мои собственные проблемы, – тихо пробормотала Шарлотта, глядя на дверь, через которую ушел Себастьян. – Быть может, – рассудила она, очень медленно снова открывая письмо, – это урок, который нужно извлечь из ошибок Финеллы.

Конечно же, Шарлотте совсем не хотелось оказаться в таком беспомощном состоянии, поэтому она продолжила чтение... пропустив самые страстные места.

«...что же касается других вопросов твоего письма, то уверяю, ты ошибаешься. Ты слишком доверяешь сплетням о моем положении и от этого нервничаешь и выдумываешь глупости. Я очень сомневаюсь, что ты беременна, потому что мы были вместе всего один тот раз...»

Беременна? Шарлотта прижала руку к собственному плоскому животу. А сколько раз она и Себастьян были вместе? Она покраснела, подумав, как часто они с Себастьяном занимались сексом. До этого мгновения Шарлотте, наивной и неиспорченной, не приходило в голову даже мысли о том, к чему может привести их необузданная страсть.

«Нет, – покачала она головой, – такие вещи происходят только с...»

С девицами определенного сорта, с аморальными женщинами, с теми, которые решили стать... куртизанками.

На этот раз она читала более торопливо, чувствуя, что нити судьбы Финеллы переплетаются с ее собственными.

«Нет, любимая, ты должна дать мне еще две недели побыть дома в имении, чтобы убедить отца благословить наш союз. На его взгляд, ребенок сейчас недопустим, не говоря уже о том, что мы потеряем расположение твоих тети и дяди. Я переломлю сопротивление старика и на сезон вернусь в город. Обещаю тебе, любимая, всего две недели, и потом мы...»

У Шарлотты странно застучало сердце, и ее взгляд непроизвольно метнулся к дате вверху письма; «Февраль 1784 года».

В тот самый год умер ее отец, а мать осталась молодой вдовой, ожидающей ребенка.

Значит, и Финелла была во многом в таком же положении, хотя и не обзавелась до того законным мужем?

Шарлотта искала ответов и нашла один внизу листа в виде только небрежно написанного имени: «Уильям».

Она перевернула письмо и прочитала обратный адрес: «Тел-терн-Збби. Кент».

Нахмутив брови, Шарлотта продолжала читать увещевания Уильяма, которых становилось все больше в течение следующих нескольких недель, пока не дошла до одного, датированного первой половиной апреля. Очевидно, Уильям все еще не вернулся и написал объяснение.

«Дорогая Финелла, не пиши мне так часто и постарайся

держат в секрете свои заботы, просто спрячь их в своем сердце. Прямо сейчас я не могу вернуться в город, но приеду, как только мне удастся сбежать. Чтобы сделать оглашение, еще есть масса времени, но, если понадобится, я увезу тебя в Гретну, где мы с тобой поженимся как положено. Ты и ребенок еще не обещаны. Просто верь в нашу любовь и в обещание, которое я дал тебе в ту ночь, когда ты отдала мне так много своей души, своей любви».

Каждую строчку пронизывало безошибочно угадываемое пророчество, и пелена слез заволочла Шарлотте глаза.

«Ты любишь меня не больше, чем любил он». Финелла говорила не о Кимптоне... она говорила об этом Уильяме, который, как поняла Шарлотта, оставил Финни с ее ношей и с разбитым сердцем.

Шарлотта быстро перебрала письма и обнаружила, что прочитала их все. Но должно было быть еще по крайней мере одно письмо. Ведь Уильям, безусловно, приехал вовремя, прежде чем позор Финеллы стал очевиден?

Шарлотта еще раз обошла комнату и даже встала на четвереньки в поисках письма, которое раскроет то, что – она прекрасно понимала – Финелла никогда ей не расскажет.

И затем, к своей радости – и страху, – она заметила еще одно послание, спрятавшееся под старой заношенной шляпой. Перья на ней были поломаны, а письмо скомкано и запятнано. Шарлотта, позабыв стыд, схватила его и развернула.

На этот раз приветствие не содержало теплоты и беспечности Уильяма.

«Мисс Аппингтон-Хиггинс...»

Даже Шарлотта два с половиной десятилетия спустя почувствовала предвестие беды, пропитывавшее все это послание.

«Мисс Аппингтон-Хиггинс!

Незамедлительно возвращаю вам ваши письма и требую, чтобы по такому делу вы больше не писали мне ни по этому, ни по какому-либо другому адресу. Несмотря на ваше очевидно стесненное положение и насущные проблемы, должен сообщить вам, что вскоре после того, как вы получите это письмо, в «Таймс» появится объявление о моей предстоящей помолвке с леди Порцией Солкотт».

Он женится на другой? И это когда Финелла носит его ребенка?

– Мерзкий ублюдок, – воспользовалась Шарлотта одним из красочных выражений кухни, издав совсем неподобающий леди горловой звук.

Как он мог? Она стала читать дальше, чтобы узнать все до конца, но там было мало что по существу, а все больше настоятельные советы не обременять его снова своими проблемами.

Шарлотта в гневе сжала челюсти, так что у нее вздулись желваки, но потом заметила вложенный в конверт небольшой листок – дополнительное письмо к первому, совершен-

но ледяному.

«Моя любимая...»

– Фу, – проворчала Шарлотта. – То «мисс Аппингтон-Хиггинс», то в следующую секунду «моя любимая». Вы отвратительный человек. Как вы смеете даже пытаться снова завоевать ее расположение?

Но любопытство Шарлотты взяло верх, и она продолжила читать.

«...Я очень надеюсь, что это письмо придет вместе с тем, которое отец заставил меня написать под диктовку, так что я не мог рассказать тебе, что у меня на душе. Мне горько за тебя и за нас, но я не могу спастись от своей судьбы. Мой отец привил всей нашей семье непоколебимое чувство долга, и я обязан жениться на леди Порции ради ее двенадцати тысяч годовых. Если я не женюсь, моя семья погибнет. Мои отец и мать ясно дали мне понять, каков мой долг в этой ситуации. Ради своих сестер и всего, что нам дорого, я должен это сделать».

– А как же Финелла, трус? А как же твой ребенок?

Но Уильям, как оказалось, подумал о них. «Я понимаю, что ты остаешься в отчаянном положении, но во вчерашней «Пост» мое внимание привлекло одно сообщение, и оно может послужить средством спасения, которого я не могу тебе обеспечить».

Сэр Нестор Уилмонт, как я знаю, был женат на твоей кузине Авроре. С его смертью его титул и имущество перейдет

к кому-то из дальних родственников, если у него нет законного наследника. Я думаю, что не состояние здоровья твоей кузины, а смерть сэра Нестора может пойти нам на пользу. Поезжай к своей кузине, Финелла. Признайся ей во всем. Если она не носит ребенка, то тогда, возможно, наше дитя могло бы оказаться ей очень кстати, если ты будешь держать все в секрете и делать вид, что это ребенок сэра Нестора. В этом случае он будет для всего мира законнорожденным. Таким образом, твоя кузина могла бы сохранить дом и доход, а ты через некоторое время вернуться в общество без всяких подозрений».

С похолодевшим сердцем Шарлотта снова и снова пробежала глазами по строчкам письма.

«Поезжай к своей кузине.

Признайся ей во всем. Если она не носит ребенка, то тогда, возможно, наше дитя могло бы оказаться ей очень кстати... делать вид, что это ребенок сэра Нестора».

Шарлотта едва перевела дух, не желая верить пугающему смыслу отвратительного предложения Уильяма. Пол у нее под ногами покачнулся, и она стала снова просматривать более ранние письма, сопоставляя даты и торопливо подсчитывая месяцы.

Семь месяцев. Первое письмо написано за семь месяцев до ее рождения.

И внезапно два мира, в которых она существовала, соприкоснулись, и многие обстоятельства приобрели смысл.

Например, почему ее мать всегда относилась к ней с таким презрением.

Ее мать. Шарлотта не была уверена, что когда-нибудь еще сможет назвать так леди Уилмонт.

«Большинство вещей – самых важных – осталось тем же самым, – сказала ей Куинс. – Но время подобно саду: его то морозит зима, то нежно ласкает весна, и никогда не знаешь, что пустит корни и зацветет».

В той жизни план Уильяма осуществился, а в этой леди Уилмонт, очевидно, презирала свою кузину и не желала с ней знаться, как и со всеми остальными родственниками по линии Аппингтон-Хиггинс, и предоставила Финелле и ее ребенку самим пробиваться в этом мире.

Неудивительно, что в то утро Финни с такой злостью отнеслась к письму Авроры и что бывшая леди Уилмонт была готова оставить свою ложу, чтобы только не сидеть рядом с Шарлоттой – живым олицетворением семейного позора.

Шарлотта молча собрала все письма, связала их в стопку и положила на письменный стол Финеллы, а потом привела в порядок комнату, плотно задернула шторы и тихо вышла.

Ей хватило сил дойти только до лестницы, и она села на ступеньки, потому что ноги не держали ее, словно она выпила бутылку бренди Кимптона.

Горе, глубокое и безграничное, охватило Шарлотту, и она дала волю слезам, оплакивая потерю всего, что знала, своей жизни, своего имени – потому что на самом деле она была

не Шарлотта Уилмонт и даже не Лотти Таунсенд.

И что дальше?

Шарлотта не могла не задуматься о том, не кончит ли она свои дни, как Финелла, в пьяном ступоре, с пожелтевшими и истлевшими воспоминаниями о прошлом, которое лучше всего забыть.

Глава 12

Себастьян не пришел к Шарлотте ни в эту ночь, ни в следующую, и к третьему вечеру она думала, что сойдет с ума. Что же ей делать?

Почти настолько же ужасным, как отсутствие Себастьяна, было открытие, что Финелла – ее мать. У Шарлотты возникла масса вопросов: женился ли Уильям на леди Порции? как и когда Финелла занялась своим ремеслом? И почему она позволила дочери сделать то же самое?

Однако каждый раз, когда Шарлотта открывала рот, чтобы спросить, она останавливала себя. Финелла была вне себя из-за женитьбы лорда Кимптона, и Шарлотте меньше всего хотелось беречь старые раны и подталкивать леди к еще одной попойке.

Даже сейчас, стоя вдвоем в холле, они испытывали неловкость, и Шарлотта подозревала, что Финелла чувствует себя в какой-то мере виноватой за исчезновение Себастьяна.

– Нечего весь вечер расхаживать здесь, – сказала ей Финелла, роясь в своей сумке. Разодетая в пух и прах, с ног до головы в украшениях, собственных и позаимствованных из коллекции Лотти, она все равно имела такой потрепанный и усталый вид, который не могли скрыть никакие драгоценности. – Он не будет проводить здесь все время... – Она замолчала, но Шарлотта могла представить себе недосказан-

ное: «...если он вообще придет».

– Он придет, – убежденно сказала Шарлотта.

– Сегодня у леди Ратледж званый вечер для дебютанток. Он будет на нем. И кроме того, если верить слухам, там должно быть сделано объявление о помолвке.

– О помолвке?

– С мисс Берк. – Финелла крепко завязала шнуровку на сумке. – Лотти, нельзя не видеть правду. Он женится на этой девушке. Я удивлена, что объявление не сделано до сих пор, потому что он не появлялся здесь с...

С момента пьяного представления Финеллы, с тех пор как он обвинил Шарлотту в заигрывании с Рокхестом, с того момента, как все пошло наперекосяк.

– В общем, несколько дней, – подытожила Финелла и, снова развязав шнурок сумки, продолжила бесплодные поиски чего-то внутри.

– Куда ты собираешься? – Шарлотта была не готова провести еще одну ночь в одиночестве.

– Сегодня среда. – Финелла сморщила нос.

– Среда?

– Господи, Лотти, это дело с Трентом сделало тебя такой же рассеянной, как миссис Димбелтон с той стороны улицы. Сегодня среда. – Она немного подождала, а потом тяжело вздохнула. – В среду по ночам я играю в вист. Сегодня мы собираемся у миссис Кемпбелл, потому что миссис Ван Хорн в последнее время плохо себя чувствует.

Шарлотта кивнула, вспомнив, что Финелла уже говорила об этом раньше – о своих еженедельных играх в вист с другими пожилыми куртизанками с Литл-Тичфилд-стрит. Несколько самых знаменитых красоток своего времени теперь проводили ночи за игрой в вист и беззастенчиво плели байки о щедрости и искусстве бывших любовников, выставляя напоказ драгоценности, как будто сидели в лучших ложах оперы. Они собирались в доме миссис Ван Хорн, потому что, как она заявляла, у нее был любовник высшего ранга – приближенный ко двору герцог, который оставил ей приличную пожизненную годовую ренту. То, что она пережила старика Лотарио больше чем на сорок лет, служило постоянным источником раздражения для его потомков, а даме приносило уважение среди подобных ей.

– А ты? – спросила Финелла. – Что ты собираешься делать нынче ночью? – Она посмотрела на огромную вазу, наполненную оранжевыми розами, которые доставили раньше днем, – от Рокхеста. – Ты нарядилась ради графа?

– Нет, – ответила Шарлотта, – сегодня должен прийти Себастьян.

– Он прислал записку? – уточнила Финелла, зная, что этого не было, так как не пропускала ничего, что происходило в доме.

– Нет, но он сказал, что вернется, и мне кажется, что именно этой ночью он явится, чтобы принести извинения.

– Ох, Логги, – простонала Финелла, – нельзя так вести се-

бя, или ты кончишь в Темзе с набитыми камнями карманами, как Сара Уиттинг в прошлом году.

– Финелла, он непременно придет. – Шарлотта расправила плечи, не желая верить ни во что другое, кроме того, что Себастьян ее любит и обязательно вернется. – А если нет, то у него, безусловно, есть серьезная причина...

Еще до того как Финелла успела фыркнуть, колокольчик над дверью зазвенел, и обе женщины замерли.

– Себастьян, – как заклинание прошептала Шарлотта и бросилась вперед. Она распахнула бы дверь, если бы Финелла не схватила ее за локоть:

– Не спеши так, иначе он поймет, что стоит у тебя на первом месте. – Наученная горьким опытом, она недовольно вздохнула и, оттащив Шарлотту назад, медленно сосчитала до двадцати, так что каждое число болезненно ударяло по быстро забившемуся сердцу Шарлотты, а потом неспешно отворила дверь.

Поднявшись на цыпочки, Шарлотта взглянула поверх украшенной перьями шляпы Финеллы и, к полному разочарованию, увидела, что вместо Себастьяна перед дверью стоит невысокий мужчина в простом темном пальто.

– Миссис Таунсенд? – спросил он.

– Кто ее спрашивает? – Упершись кулаками в бедра, Финелла преградила ему дорогу.

– Мистер Бридж. Из «Ранделл и Бридж», мадам. У меня пакет для миссис Таунсенд.

– Я миссис Таунсенд. – Драгоценности? У Шарлотты от изумления открылся рот.

– Да, да, это вы. У меня для вас подарок. – Расстегнув пальто, он достал длинную узкую коробку. – Позвольте? – Он кивнул в сторону холла.

Как всегда корыстолюбивая, Финелла потянула беднягу ювелира внутрь, словно закатывала потерянный бочонок выдержанного бренди.

– Конечно, мистер Бридж. К сожалению, я вас не узнала.

– Миссис Берли, – поздоровался он, не уделив Финелле особого внимания и пристально глядя на Шарлотту. – Мне велено передать это лично вам. – Он вложил коробку в дрожащие руки девушки. – И сказать, что его милость приносит вам искренние извинения.

– Ну? – Финелла быстро, подошла к Шарлотте и подтолкнула ее в бок.

Трясущимися пальцами Шарлотте все же удалось открыть коробку, и от того, что она увидела внутри, у нее остановилось дыхание.

Бриллиантовое ожерелье из витрины, то самое, которое послужило причиной нежданной размолвки между ней и Себастьяном.

– Вам нравится, мадам? – спросил Бридж.

– Пожалуй, – бросила Финелла.

Тем временем Шарлотта прочитала маленькую записку, лежавшую на атласной подкладке: «Вам, ради нашего буду-

щего», и ее глаза наполнились слезами. Он потратил целое состояние – деньги, которых у него не было, – чтобы сказать, что очень сожалеет.

– О, лорду Тренту не следовало этого делать.

– Разумеется, следовало, – возразила Финелла. – И давно.

– Лорду Тренту, мадам? – спросил с порога мистер Бридж, уже собравшийся незаметно уйти. – Это купил не лорд Трент.

– Не он? – переспросила Шарлотта. – Да нет же, он!

– Нет, мадам, – покачал головой мужчина. – Этот подарок прислал вам лорд Рокхест. С наилучшими пожеланиями.

Вечер, как и предрекала Финелла, довел Шарлотту до мыслей об одиноком плавании в Темзе.

Устав ходить по гостиной и бросаться к окну каждый раз, когда ей казалось, что она слышит, как подъезжает экипаж, Шарлотта достала из серванта колоду карт и решила разложить простой пасьянс, но это оказалось так же томительно, как и ожидание. Перевернув очередную карту, она обнаружила, что смотрит на насмешливое лицо дамы червей, которая болезненно напоминала Лавинию Берк.

– Спокойно, Шарлотта, – сказала она себе и, встав из-за стола, снова принялась ходить по комнате. – Если Финелла узнает, что ты провела ночь, разговаривая со стенами и раскладывая пасьянсы, она тебя убьет.

И вообще вся эта бессмыслица с желанием могла довести ее до сумасшедшего дома.

Себастьян Марлоу... ее любит. Нужно быть дурочкой, чтобы поверить утверждению Куинс, что такое возможно и его сердце всегда принадлежало Шарлотте.

Даже Тромлер ее покинул, талантливый немец за весь вечер не сыграл ни единой ноты, оставив ее в тишине и страдании.

Шарлотта снова взглянула на насмешливое лицо дамы червей и в сердцах, быстрым движением руки проведя по столу, смахнула карты, зацепив при этом коробку от «Ранделл и Бридж», и бриллиантовое ожерелье тоже полетело на ковер.

Ледяные камешки смотрели на нее, превращая ее простое желание любви в какую-то пародию.

Будь проклят Рокхест! Пропади он пропадом со всеми его бриллиантами!

Это он во всем виноват.

Нагнувшись, Шарлотта подняла бриллианты и собралась положить их обратно в коробку, но вдруг замерла, замороженная тем, как они сияли и искрились, какими тяжелыми казались у нее в руках. Никогда еще она не держала что-либо такое дорогое, по-настоящему прекрасное.

Примерь их. Что плохого в том, что ты просто примеришь их?

Нет. Никогда. Шарлотта покачала головой, она не хотела иметь ничего общего ни с графом, ни с его подношениями. И все же, когда она посмотрела на ожерелье, которое держа-

ла в руках, искушение примерить эти великолепные камни пересилило.

Шарлотта так никогда и не поняла, почему это сделала, – возможно, из-за того, что Себастьян вот так ушел, – но она закрыла глаза и, надев ожерелье, возилась с застежкой, пока та не попала на место и не щелкнула.

Сначала бриллианты и золотая оправа лежали холодными у нее на коже, но как только она провела пальцами по камням и медленно-медленно повернулась, чтобы посмотреть на себя в зеркало, они потеплели и придали ей чувство уверенности и красоты – она даже не подозревала, что драгоценные камни способны сотворить такое.

– Неудивительно, что все мечтают о таких подарках, – пробормотала Шарлотта, думая о Финелле и ее усыпанных драгоценностями закадычных подругах. Поднявшись на цыпочки, чтобы лучше видеть себя в зеркале над камином, Шарлотта поразилась тому, как шло ей это украшение.

Рокхест был прав. Ожерелье, казалось, было сделано специально для нее. Бриллианты подчеркивали линию ее шеи, а большой камень в центре подвески спускался к верхушке груди, привлекая внимание к выпуклости под атласным платьем.

«Драгоценности на черный день», – сказала бы о них Финелла, но Шарлотта покачала головой при одной мысли о том, чтобы оставить их, – они слишком дорого обошлись ей. Сохранить их означало отказаться от Себастьяна, а этого

она не могла сделать, во всяком случае, до тех пор, пока существовала хоть крохотная надежда, хоть самый маленький шанс, что их ждет совместное будущее.

Шарлотта посмотрела вокруг, и ее испуганный взгляд упал на букет от Рокхеста. Она уже наполовину пересекла комнату, чтобы расправиться с цветами, но в этот момент зазвенел колокольчик над входной дверью.

Себастьян.

Но тут же ей пришла в голову другая мысль – Рокхест.

– Вот досада. – Вздыхнув, она направилась к двери. Колокольчик снова зазвенел, на этот раз более сочувственно. Что ж, быть может, существовал и третий вариант. – Финелла, – пробормотала Шарлотта. Вероятно, леди слишком много выпила и не может найти свой ключ. – Правда, Финелла, если вы не можете держать себя... – начала Шарлотта, открыв дверь.

Ее первое предположение оказалось верным: это был Себастьян.

– Могу я войти? – сухо, официально спросил он. Шарлотта шире открыла для него дверь и прикусила обе губы, боясь сказать что-нибудь бессвязное или нелепое.

В развевающемся плотном черном плаще он быстро прошел мимо нее в гостиную. Шарлотта вдохнула пронесшийся пьянящий аромат лавровишневой воды, подобно тому как Финелла вдыхала запахи, проходя мимо теперь запертого винного бара.

«Успокойся, Шарлотта, – сказала она себе, – не показывай ему, как ты была расстроена».

Как это всегда говорила Финелла? О да: «Хорошая куртизанка всегда холодна и равнодушна».

Но вместо этого Шарлотта побежала за Себастьяном и едва не наткнулась на его спину, а когда он обернулся, почувствовала, что что-то изменилось.

Нет, изменилось все.

Они стояли друг против друга, и Шарлотта всматривалась в Себастьяна, одетого для вечера, но выглядевшего усталым и осунувшимся. Как могло дойти до такого? К этому времени они должны были быть наверху – полураздетые и сходящие с ума от желания, а не смотреть друг на друга как чужие.

– Я рано ушел от леди Ратледж, потому что есть дело, которое нам нужно обсудить.

Дело? Его слова озадачили Шарлотту. Она почувствовала непривычный прилив вспыльчивости Лотти, но не успела ничего сказать, потому что Себастьян снова заговорил:

– Моя мать рассказала мне о сцене, которую ты устроила в галантерейном магазине.

– Я устроила сцену?

– Да, мне все об этом известно. – Он скрестил руки на груди. Устроила сцену, как же! Она совершенно ни при чем. Ну, почти ни при чем.

– Тебя там не было. Я просто...

– Не нужно ничего объяснять. – Он резко повысил голос.

– Это... это отвратительно!

– Себастьян, тебя там не было! Хозяйка магазина вела себя совершенно недопустимо. А бедная Гермиона... – Шарлотта запнулась, заметив, как его брови взлетели вверх, когда она назвала его сестру просто по имени.

Черт побери, леди Гермиона – ее лучшая подруга. Ну, была подругой. И будет, если... если только...

О! Ну как Шарлотта могла все ему объяснить? И она избрала другую тактику:

– Это был всего-навсего кусок ленты, а твоя сестра, очевидно, очень стеснялась. Стыдно, если у меня достаточно денег...

– Финансовые дела моей семьи тебя не касаются. – Он заявил это с таким вызывающим упрямством, столь безапелляционно, что Шарлотта не могла не дать волю своему долго сдерживаемому гневу.

– Чем плохи мои деньги? – возмутилась она. – Они такие же, как и любое другое золото. И могу заметить, что у меня нет проблем с кредиторами.

– Твои деньги? – Он вздрогнул и бросил на нее мрачный, полный негодования взгляд. – Ты хочешь, чтобы я взял твои деньги? – Он с отвращением скривил губы.

Почему он так смотрит на нее?

– Если ты так относишься к этому, – холодно сказала Шарлотта, отступив назад, – то тебе, вероятно, следует вернуться на вечер леди Ратледж. Мне не хотелось бы, чтобы из-за ме-

ня ты опоздал на выступление мисс Берк. Говорят, оно ценится на вес золота. По-моему, десять тысяч в год. – Она заметила, как он стиснул зубы и как ярость вспыхнула у него в глазах. – Какая разница, Себастьян: жениться на мисс Берк ради ее денег или взять мои? Средства будут получены во многом одинаковым образом.

Внезапно Себастьян прищурился: его взгляд тяжело упал на ее шею – на бриллианты Рокхеста.

О, будь прокляты эти бриллианты! Торопясь отворить дверь, она забыла снять их.

Себастьян смотрел на ожерелье, и у него на лице отражались смешанные чувства.

– Вижу, я пришел слишком поздно. – Его горькая усмешка разорвала Шарлотте сердце. – Ирония судьбы в том, что если бы я потратил свой выигрыш на скачках у Сандертонна на то, чтобы купить нелепые акции Баттерсби, я был бы сейчас богатым человеком.

– Как это? – По спине Шарлотты пробежал холодок.

– «Агата Скай» сегодня утром прибыла в порт, – ответил он и, пройдя через комнату, прислонился лбом к зеркалу. – С семимесячным опозданием. Это не имеет значения, когда задержку компенсирует огромный груз восточных пряностей и кофе. Акции Баттерсби стоят целое состояние. Если бы я только потратил свой выигрыш на эти акции, сыграв еще раз, я бы сейчас стоял перед тобой богатым и независимым человеком.

Шарлотта почувствовала, что пол уходит у нее из-под ног.

– О Господи, я полнейший дурак. – Он запустил руку в темные волосы. – Я потратил деньги на тебя, вместо того...

О чем он говорит?

– Потратил их?

– О да, потратил. Повел тебя в музей. – Себастьян покачал головой. – Обычно я был здравомыслящим – во всяком случае, так все считают, и, полагаю, они правы. Но я встретил тебя и потерял сердце, лишился разума. Зачем ты со мной это сделала, Лотти? Для тебя это игра, да?

– Нет, неправда! – торопливо воскликнула она, напуганная отчаянием, наполнявшим его взгляд, обидой и болью, которые почувствовала за его бурными обвинениями.

– Карточные игры, скачки, все эти ночи – это было для тебя просто еще одно развлечение?

– Как ты можешь такое говорить? Ты... – Господи, она не знала, что и думать. Неплохо было бы знать, где она сама и где Лотти и кто настоящий Себастьян – человек, которого она знала, или тот, который сейчас стоял перед ней.

– Я тоже считал... – Замолчав на половине фразы, он кивнул на бриллианты у нее на шее. – Но вижу, это ни к чему. Ты уже сделала свой выбор.

– Нет! – выкрикнула Шарлотта и потянула пальцами ожерелье, пытаясь его снять. – Ничего подобного! Мне нужен только ты.

– Нужен только я? – Он бросил ей эти слова, словно они

згли ему язык. – Для чего? Чтобы сделать из меня посмешище? Превратить в предмет для сплетен? Я разорен, Лотти. Я не могу расплатиться с долгами. Если бы я вел себя разумно, как умоляли меня родители, то к этому времени был бы женат на мисс Берк и не стоял бы сейчас здесь. А теперь из-за тебя, из-за того, что я люблю тебя, я рискнул всем. И ради чего? Я нахожу тебя стоящей здесь в подарке другого мужчины...

– Как ты смеешь?! – резко оборвала его Шарлотта – не Лотти, а Шарлотта Уилмонт. Она почувствовала ложь, скрывавшуюся за его словами, вспомнила историю Финеллы, увидела тонкую как лезвие линию, отсекавшую приличную женщину от общества за малейшее отступление от общепринятых правил. – Как ты смеешь подобным образом разговаривать со мной? – произнесла она тихим угрожающим тоном. – Ты заявляешь, что любишь меня, и тут же называешь распутницей. Кто я, Себастьян? Женщина, которую ты любишь, или просто женщина, брошенная другим мужчиной? – Себастьян повернулся к ней спиной, и Шарлотта поняла, что коснулась его больного места, но, возмущенная до предела, вонзалась все глубже. – Ты не хочешь брать мои деньги, но объясни мне, чем мое нечестно заработанное состояние так уж отличается от приданого мисс Берк, которое ты готов принять? Разве трудно догадаться, что если ты женишься на этой бесцветной крошке, то, проснувшись утром, неизбежно возьмешь с комода кошелек с деньгами?! – бросила она ему

слова его матери.

Он обернулся к ней, и Шарлотта ощутила жар его гнева и долго сдерживаемое кипящее раздражение возникшей между ними ситуацией.

Шарлотта глубоко втянула в себя воздух; еще никогда она не была так рассержена, так готова взорваться. А затем совершенно неожиданно ее захлестнуло желание. При виде его ярости она ощутила, как у нее заболели груди и все тело затрепетало. Сейчас она хотела Себастьяна больше, чем когда-либо прежде. Три дня, проведенные без него, без его поцелуев, ласк, без его признаний, разожгли в ней ненасытный голод.

Ей было не важно, что они ссорились, что, возможно, это был конец их отношений, нельзя сомневаться в том, что существовал единственный выход: Себастьян должен жениться на мисс Берк. Все это не мешало Шарлотте хотеть его – хотя бы еще один раз быть с ним.

– Что ты себе позволяешь?! – набросился на нее Себастьян. – Я покажу тебе разницу. – Он быстро подошел к ней, и его рот молниеносно прижался к ее рту.

Возмущение Шарлотты превратилось в неистовую ярость, у нее сжались кулаки, и она в бешенстве колотила ими Себастьяна по широкой груди за его нахальство, одновременно злясь на себя за свое безудержное влечение к нему.

Он пресек ее протест, поймав обе ее руки и держа их у нее за спиной, почти так, как в то первое утро, когда она

проснулась в его постели, но на этот раз без всякого намека на добродушие, без подшучивания над ее плохим настроением. Именно его неистовство удержало Шарлотту на месте, чтобы он мог успокоить свой гнев этим бесконечно долгим поцелуем.

О, что это был за поцелуй! Язык Себастьяна танцевал вокруг ее языка, настойчиво требуя свое, открывая ее, исследуя ее, получая то, что ему причиталось, нисколько не заботясь о ее желаниях.

Но для Шарлотты этого оказалось вполне достаточно. От такого пиратского нападения на ее губы у нее сжались пальцы на ногах, а тело ожило и страстно затрепетало. Огонь, который зажег Себастьян, разгорелся внутри нее в пламя и требовал одного, только одного.

Воздаяния.

Однако как Шарлотта могла управлять этой стихией, когда ее руки находились за спиной?

Себастьян подтолкнул ее назад, так что Шарлотта оказалась между твердой стеной и его мощным, мускулистым телом – его телом, прижавшимся к ней. Теперь, когда она была в полном его распоряжении и Себастьян мог делать с ней все, что угодно, он одной рукой начал ласкать ее, добираясь до сокровища у нее под платьем, как будто это было золото, которое он собирался украсть.

Здрав ей платье на бедра, Себастьян пробрался рукой под атлас к ее шелковой коже; его горячие пальцы скольз-

нули по бедрам Шарлотты, задержались наверху, чтобы погладить и подразнить ее, и послушное тело Шарлотты выгнулось навстречу его прикосновениям. Под сорочкой он одним пальцем погладил и раскрыл ее, и Шарлотта тотчас с готовностью раздвинула ноги. Он добрался до тайника – и он это знал – и обвел пальцем спрятанный там бугорок, вызвав у Шарлотты глухой стон. Влажная и дрожащая, она почти ненавидела себя за то, что так безумно хотела Себастьяна, что так отзывалась на его прикосновения.

– Хочешь меня, Лотти? Хочешь, чтобы я был у тебя внутри?

– Нет, – солгала она. Шарлотта все еще сердилась на него, еще не могла простить ему, что он мучает ее.

Двинувшись дальше, его палец проскользнул в нее, в горячую влажную щель, опровергавшую это решительное отрицание.

– Ну, скажи, что хочешь меня. – Себастьян поглаживал ее, возбуждая все сильнее.

– Ни за что, – с трудом прошептала Шарлотта, теснее придвигаясь к нему и чувствуя близость благодатного облегчения. Она с жадностью насладится этим оргазмом и оставит Себастьяна с его желанием – это послужит ему хорошим уроком. Больше того, Шарлотте хотелось привести его в такое же безумное, дрожащее состояние и услышать его мольбу.

Но как она могла это осуществить, когда оказалась прижатой к стене, а ее руки попали в капкан? Ее бедра снова

приподнялись и на этот раз коснулись твердого доказатель-ства его желания, его очевидной потребности – того места, посредством которого Себастьяном можно было управлять.

У каждого мужчины есть ахиллесева пята.

Ни на секунду не задумавшись, Шарлотта оттолкнулась от стены, прижалась к Себастьяну так, что ее груди расплющи-лись о его грудь, и стала двигать бедрами вверх-вниз, глядя его – и дразня.

Ей так нравилось ощущать его и знать, что может со-творить с ней его твердый, как сталь, член, когда получит свободу и будет стоять гордо и прямо. Шарлотта двигалась, все сильнее прижимаясь к Себастьяну и тем самым немно-го успокаивая собственную неудовлетворенность и все боль-ше разжигая свое необузданное воображение. Не зря же она провела две недели в объятиях этого мужчины, чтобы не знать, на что он способен, когда полон сил, не понимать сво-ей власти над его желаниями. Себастьян вернулся к ее губам с поцелуем, полным неудовлетворенного жара. Он отпустил ее запястья, и Шарлотта моментально нашла своим рукам достойное применение – стала гладить его. Положив ладони ему на бока, она большими пальцами провела вверх и вниз по всей затвердевшей длине.

– Будь ты проклята, Лотти, – простонал Себастьян. – Что ты со мной делаешь?

– То же, что ты со мной, – ответила она и еще раз погла-дила его.

Потянув вверх ее платье, Себастьян снял его ей через голову и бросил в сторону, и Шарлотта осталась стоять перед ним в одной сорочке. Не медля ни секунды, он обнажил ей грудь и, наклонив голову, взял в губы сосок.

«О, ему непременно нужно было это сделать», – подумала Шарлотта, чувствуя, что теряет преимущество в этой борьбе характеров. Не имея сил устоять против натиска Себастьяна, Шарлотта убрала руки и опустила их по сторонам. Его язык кружил вокруг ее языка, затягивая ее в бездну желаний, и пока Себастьян продолжал лизать и покусывать ее, его рука нырнула к ней между бедрами и принялась снова ласкать ее там.

«Откуда он так хорошо меня знает?» – мелькнула мысль в голове Шарлотты, потому что Себастьян безошибочно угадывал, как приласкать ее, как довести ее до этого головокружительного края, как заставить задыхаться и стонать, а потом остановиться и бросить ее, жаждущую окончания, над этой пропастью.

И сейчас он сделал именно это и с торжествующим блеском в темных глазах посмотрел вниз на Шарлотту.

«О, эта битва еще не окончена», – поклялась себе Шарлотта. Решив бороться с ним его же методами, она, скользнув вниз вдоль его тела, опустилась перед Себастьяном на колени. Вероятно, могло показаться, что она сдалась, но на самом деле, когда она расстегнула ему брюки и освободила его мужское достоинство, она одержала победу. Взяв в од-

ну ладонь его яички, а другой рукой держа его член, она посмотрела вверх. Ход сражения переменялся.

Не спеша Шарлотта провела языком по кончику, ее пальцы мучительно медленно заскользили по его плоти, и Себастьян, испустив стон, вцепился руками ей в волосы. Она неторопливо взяла в рот его член, пробежала по нему языком, а потом вытолкнула обратно. Шарлотта медленно втягивала его в рот, а потом быстро выталкивала, мучая Себастьяна, как он до этого терзал ее, и повторяла это до тех пор, пока его тело не начало содрогаться и она не поняла, что он вот-вот кончит.

Улыбнувшись, Шарлотта замерла, поднялась с колен и положила руки ему на бедра, чтобы он ее почувствовал.

– Вот что я делаю, – шепнула она, отвечая на заданный им раньше вопрос. – Вот что я могу.

Себастьян только пробурчал что-то нечленораздельное и завершил все, поймав ее губы требовательным поцелуем. А затем Шарлотта внезапно оказалась у него на руках, и он, стремительно выйдя из гостиной, зашагал с ней к лестнице.

Обхватив Себастьяна руками за шею и прильнув к нему, Шарлотта устремила взгляд в темноту, к своей спальне, где они, несомненно, закончат эту опасную игру. Она подняла руку, чтобы снять бриллианты, но Себастьян ее остановил:

– Оставь их, чтобы я не забывал, кто ты такая.

Его грубые слова подействовали как удар и только снова распалили гнев Шарлотты, ее обиду, ее досаду.

Отлично, если Себастьян хочет запомнить ее такой, она исполнит его фантазию, чтобы это воспоминание оставалось с ним всю оставшуюся жизнь, весь его безрадостный брак...

Она подарит ему ночь, которая всегда будет огнем гореть у него в памяти – и, что хуже, у нее тоже...

– Тогда, черт побери, возьми меня прямо сейчас, – бросила ему Шарлотта, когда он дошел до середины лестницы. – Возьми меня сейчас, и покончим с этим, если у тебя хватит смелости.

Остановившись и взглянув на нее, Себастьян увидел горящий у нее в глазах вызов и, не сказав ни слова, опустил ее на ступеньку. Покрытая ковром лестница была не более удобна, чем стена, но Шарлотте не требовались ни пуховые матрасы, ни атласные простыни – ей нужен был Себастьян, и немедленно. Наклонившись над ней, он схватился пальцами за край ее сорочки и разорвал ее пополам сверху донизу, лишив Шарлотту последнего прикрытия.

Она испуганно вздрогнула и внезапно поразилась своему собственному бесстыжому предложению. Себастьян же, даже не потрудившись раздеться, просто лег на нее сверху, схватил за бедра и одним быстрым напористым движением вошел в нее.

– О-о-ох, – выдохнула Шарлотта, пораженная как его мощным грубым вторжением, так и реакцией собственного дрожащего тела, поднявшегося, чтобы встретить его стремительную атаку.

Себастьян снова погрузился в нее, и Шарлотта услышала собственный голос:

– Да, Себастьян, прошу тебя.

Упираясь каблуками в лестницу и одной рукой ухватившись за перила, она приподнималась и, прерывисто дыша, со стоном страсти раз за разом встречала Себастьяна. Тело Себастьяна, лежавшего сверху, напряглось, и он стал двигаться быстрее и резче, стремясь к тому же, чего искала Шарлотта, – к освобождению.

Он застонал, на мгновение замер, а затем содрогнулся и полностью погрузился в нее, наполнив Шарлотту своим горячим семенем и сбросив ее в истинное блаженство завершения.

Бурные волны захлестнули ее, а Себастьян в момент окончательного освобождения испустил еще один глубокий хриплый вздох.

Несколько мгновений они лежали там, на лестнице, все еще охваченные страстью, сплетясь руками и ногами, слившись воедино. Ярость и неудовлетворенность, которые разожгли это буйное соитие, улетели в небеса.

Продолжая содрогаться, Шарлотта думала, что ее оргазм так и будет длиться вечно, хотя ничего против она не имела, но он все же кончился, и она, взглянув вверх, увидела, что Себастьян смотрит на нее, высокомерно подняв одну бровь.

О да, он был полностью доволен собой.

– Господи, Трент, что ты со мной сотворил? – Шарлотта

позаимствовала у Лотти развязные манеры и дополнила свои слова бесстыдным кивком.

– То, что я собирался делать до наступления утра, – с вызовом ответил Себастьян и, встав, поднял ее за собой.

А потом, неся Шарлотту на руках, он взбежал по оставшимся ступенькам в ее спальню и выполнил свое обещание.

Спустя несколько часов они оба дошли до полного изнеможения, и Шарлотта тщетно старалась восстановить дыхание.

– Господи, Лотти, не знаю, что со мной случилось, – сказал Себастьян. Он лежал рядом с ней, опершись на локоть, и пальцами неторопливо описывал круги вокруг ее сосков. – Я вел себя непростительно.

– В первый раз – возможно, но не во второй и не в третий. Усмехнувшись, он наклонился и поцеловал ее мягко и нежно, с любовью, которая была их неизбежной судьбой.

«Существует возможность остаться нам вместе, – сказала себе Шарлотта. – Должна существовать». Но как ее найти?

– Вчера вечером я пришел сюда с твердым намерением... Ладно, об этом мы скоро поговорим. А потом, когда я увидел на тебе эти бриллианты, я...

– Ш-ш... – Она покачала головой. – Не говори больше ни слова. Я по глупости их надела. Я всего-навсего примерила их, но никогда не собиралась...

– Теперь я это понимаю. Вчера вечером я оказался в дурацком положении. В присутствии своих родителей и Бер-

ков я чувствовал себя пойманным в ловушку. Я пришел сюда, потому что с тобой ощущаю себя живым и свободным. Клянусь, ты единственный человек, кто меня понимает, кто, глядя на меня, видит не только титул. – Внезапно став серьезным, он глубоко вздохнул и посмотрел на Шарлотту. – Послушай, Лотти, я должен кое о чем попросить тебя.

– Попросить? – У нее во рту пересохло.

– Пожалуйста, – он поднял руку, – на этот раз не отказывай мне, пока не выслушаешь мои доводы о том, почему мы должны пожениться.

Пожениться? Он собирается просить ее выйти за него замуж? Помимо того, что его просьба была полной неожиданностью, в ней было еще и нечто другое удивительное. «Пожалуйста, на этот раз не отказывай мне...» Значит, он прежде уже просил ее об этом? И Лотти ответила «нет»?

Шарлотта пошевелила губами, чтобы сказать восторженное «да», пока Себастьян не передумал и пока она не сделала из себя посмешище и не позволила непредсказуемой Лотти совершить что-либо невообразимое.

Например, отречься от своего сердца. Отказаться от своего желания.

Тем временем Себастьян, отвернувшись от нее, свесился с кровати и перебирал валявшуюся на полу одежду. Найдя свой жилет, он засунул руку в карман и что-то оттуда достал.

Боже правый, он купил ей кольцо. Неудивительно, что, увидев на ней бриллианты Рокхеста, он пришел в ярость.

Шарлотта снова глубоко вздохнула. Если им суждено пожениться, то нет никакой необходимости отказываться от своего желания, они всегда будут вместе. Однако сомнение закралось в ее упрямое сердце.

«Но что случится плохого, если я выйду замуж за Себастьяна?» – возразила себе Шарлотта.

И, к ее ужасу, в следующую минуту он объяснил ей это:
– Мы не сможем жить с моей семьей. Моя мать совершенно ясно дала понять, что, если я это сделаю, она заберет моих сестер и уедет в Эбби.

– Она уедет из Лондона? – в удивлении прошептала Шарлотта, зная, что леди Уолбрук обожает городскую жизнь. То, что она готова оставить свой дом, чтобы только не жить с Шарлоттой, многое говорило о ее отношении к такому браку сына.

– О, вчера она превзошла самое себя, заявив, что я выгоняю ее из ее собственного дома.

Шарлотта старалась взять себя в руки, говоря себе, что постепенно все наладится, что леди Уолбрук изменит свое мнение и со временем полюбит Шарлотту, как любила в той, другой жизни, и в конце концов простит пару, поняв, как счастлив Себастьян, женившийся на женщине, которую любит.

– А потом она совсем разошлась и сказала, что я лишаю девочек шансов на достойное замужество. – Себастьян тяжело вздохнул и покачал головой. – Полнейшая чушь. – Он

перевернулся на спину и подложил руки под голову.

Закрыв глаза, Шарлотта старалась не думать о том, как Корделия, Гермiona и Виола будут стареть в Уолбрук-Эбби. Сестры Марлоу не обладали ничем, кроме стерильной репутации и внешности, что позволяло бы им рассчитывать на выгодные партии. Ни у одной из них не было достаточного приданого, чтобы привлечь благородного охотника за деньгами, если только...

– Себастьян, – заговорила Шарлотта, не желая сдаваться, когда у нее перед глазами стоял образ трех девушек, незамужних, нелюбимых, коротавших свои дни в ссылке, – ты можешь взять мои деньги, они обеспечат каждой девушке хорошее приданое. Возможно, это проложит дорогу к благосклонности твоей матери.

– Она уже объявила мне, что не возьмет от тебя ни фартинга, – фыркнул Себастьян. – Именно поэтому она уедет из Лондона. Она считает, что твои деньги замарают всю семью. – Он снова повернулся к Шарлотте. – Я сказал ей, что не собираюсь брать у тебя твое грязно нажитое состояние.

Итак, они опять вернулись к тому же самому. Характер Лотти рвался наружу, а Шарлотта изо всех сил старалась обуздать его. Она надеялась, что после всех нежных ласк, к которым они наконец пришли, Себастьян все-таки изменил свое отношение к ее деньгам.

Оказалось, нет.

И как бы ей ни хотелось выйти за него замуж и всю жизнь

до последнего вдоха прожить с ним, она теперь точно знала, что прошлое Лотти Таунсенд разделяет их стеной, которую никогда не удастся разрушить.

Прежние любовники... золото, драгоценности и имущество, которое принадлежало Лотти... ее репутация как самой желанной лондонской куртизанки...

Все верно: она не могла выйти замуж за Себастьяна, от своего прошлого невозможно убежать. И не только Финелла и леди Уолбрук были правы в этом отношении, Рокхест тоже считал неосуществимым этот союз.

– Мама не может понять, почему я не женюсь на мисс Берк и не оставляю все между нами так, как есть. – Снова тяжело вздохнув, Себастьян придвинулся к Шарлотте и, играя прядью ее волос, посмотрел на нее простодушным взглядом, который привел ее в несказанное удивление.

Как такой распушенный и умный человек может не понимать правды, столь очевидной для его матери – и для Шарлотты?

– Твоя мать права, – услышала Шарлотта собственные слова.

– О, и ты туда же, – простонал Себастьян. – Я больше не собираюсь выслушивать пустую женскую болтовню. Сегодня я пойду получу специальное разрешение, и тогда мы с тобой обвенчаемся. – Он встал с кровати, как бы давая понять, что обсуждать больше нечего, и начал одеваться.

– Нет! – Это эмоциональное восклицание напугало даже

самое Шарлотту, но она прекрасно понимала: его предложение было ошибкой и его нельзя принять. И то, что Себастьян этого не видел, сказала Шарлотте, что он слишком сильно любит ее, чтобы взглянуть трезво на окружающий их мир. – Твоя мать права. Ты должен жениться на мисс Берк.

Себастьян начал одеваться.

– Ты настаиваешь, чтобы я женился на ней?

– Да, – кивнула Шарлотта и натянула выше простыню, а потом добавила, вернее, выдавила из себя: – Почему нет?

– Почему нет? – Он швырнул брюки в сторону. – Как вообще у тебя язык поворачивается предлагать такое?

– Я не вижу, чтобы у нее что-то было не так.

– Что-то не так?

Да у нее все не так. Она никогда не вызовет у меня таких чувств...

Вернувшись к кровати, Себастьян сжал Шарлотту в объятиях и ненасытным, требовательным поцелуем накрыл ее губы. И мгновенно горящая между ними страсть вспыхнула с новой силой, быстро разгораясь в пылающий прожорливый костер.

Его рука сразу же добралась до голой груди и уже затвердевшего и ждущего ласки соска, а потом его пальцы быстро двинулись вниз, пока не добрались до сокровища, спрятанного внизу под завитками волос. Себастьян поглаживал и ласкал там Шарлотту, пока она не прижалась к нему и ее тело не стало умолять его заняться любовью.

Но как только с губ Шарлотты сорвался непрощенный стон удовольствия, Себастьян отодвинул ее на расстояние вытянутой руки.

– Ты можешь представить, чтобы я так вел себя с ней?

Нет, Шарлотта не могла.

Она старалась успокоить дыхание и взять себя в руки. Ее желание исполнилось – на две изумительные, волшебные недели. Теперь пришло время отказаться от него.

– Ты когда-нибудь пробовал заниматься этим с мисс Берк? – спросила она медленно, тщательно подбирая слова.

– Конечно, нет! – У него затрепетали ноздри, и он бросил Шарлотту на кровать. – Она же... – Он замолчал в бессильной ярости, слишком поздно осознав неуместность своих слов.

– Кто она, Себастьян? – Шарлотта села. – Она леди?

– Черт побери, Лотти, ты же знаешь, что я имел в виду.

– Япрекрасно поняла тебя, – отозвалась Шарлотта сухим, ледяным тоном оскорбленной женщины. – А теперь уходи. – Она указала на дверь.

– Послушай, Лотти. – Себастьян покачал головой и попытался улыбнуться ей той ослепительной улыбкой, которая была способна растопить ей сердце. – Это было сказано в гневе, и ты неправильно истолковала мои слова. Я имел в виду совсем не это. – Он потянулся к ней, но Шарлотта выскользнула из его рук и вскочила с кровати.

– Вам пора идти, лорд Трент. – Надевая халат, она снова

указала ему на дверь. – Вы правы, я вас не люблю. Больше мне этого не нужно. Этой жизни. Этого желания.

Она не знала, чего ожидала, но внезапно снова превратилась в Шарлотту Уилмонт. Теперь она жалела, что в тот день не послушалась Куинс, но что-то говорило ей, что отказаться от своего желания не труднее, чем высказать его. Ей только нужно просто взять его обратно, и все снова станет так, как было прежде. Однако она это сделала, но ничего не изменилось: у нее в руке по-прежнему был зажат колокольчик, она все так же оставалась в доме Лотти – и в жизни Лотти. Все было тем же самым – за исключением отношения Себастьяна. Его глаза горели беспощадным гневом, а губы сжались в тонкую линию.

– Это твой ответ? Я прошу тебя выйти за меня замуж, предлагаю тебе достойную жизнь, а ты мне отказываешь?

Шарлотта не рискнула открыть рот, потому что ее сердце было полно искушения воскликнуть: «Выйти за тебя замуж? Да, Себастьян! Да, конечно!» Но она только кивнула, крепко сжав непокорные губы.

– Будь ты проклята, Лотти Таунсенд, – пробурчал он, торопливо натягивая остальную одежду. – Смотри не пожалей. Подумай об этом.

Шарлотта уже жалела. Себастьян стремительно направился к двери, но вдруг остановился, нагнул и подобрал что-то, что Шарлотте не было видно, а потом поднял это вверх.

Бриллианты Рокхеста.

Они продолжали сиять даже при слабом свете почти догоревших свечей.

Не произнеся ни слова, Себастьян швырнул их ей на кровать, на скомканные атласные простыни, еще хранившие тепло их недавно сплетенных тел, и вихрем вылетел из комнаты. Шарлотта словно приросла к месту, ее тело сотрясилось от рыданий, которым она не могла дать волю до той поры, пока не будет уверена, что Себастьян их не услышит. А когда входная дверь хлопнула, она бросилась на кровать, непроизвольно сжала в руке пресловутые холодные бриллианты, зарыдала во весь голос и никак не могла остановиться.

Шарлотта проплакала несколько часов, а когда солнце поднялось над верхушками лондонских крыш, она последний раз всхлипнула и погрузилась в глубокий, изнурительный сон – в тот, где не думают о желаниях, не мечтают о любви и не размышляют о том, какую цену за это платит человеческое сердце.

Глава 13

10 мая 1810 года, которое должно быть обычным четвергом

Себастьян Марлоу, виконт Трент, проснулся в странном состоянии, как будто кутил всю ночь напролет, или греб на лодке, или, быть может, проигрывал семейное состояние, что было абсолютно невозможно для столь разумного человека.

И все же он не мог избавиться от ощущения, что в его мире что-то не совсем так.

– Доброе утро, милорд, – приветствовал Себастьяна камердинер Уилкс из гардеробной. – Приятно видеть, что вы наконец проснулись.

В словах камердинера прозвучала легкая насмешка, и Себастьян замер.

– Который час, Уилкс?

– Два, милорд.

– Два? – Откинув одеяло, Себастьян встал. – Два? Как это может быть?

– Вы крепко спали, милорд, – ответил камердинер, выбирая для виконта сюртук и платок. – Но ванна для вас готова, а ваша матушка ждет вас за завтраком.

– Моя мать? – Это не предвещало ничего хорошего. Себастьян запустил руку в волосы и глубоко вздохнул. Как могло быть два часа дня? Да, он пропустил утреннюю верховую

прогулку и ранний завтрак в кругу своей взбалмошной семьи.

Это его мать и сестры могли проспять весь день, но никак не он.

Себастьян поспешно забрался в ванну, намылился и быстро покончил с обычно продолжительной утренней процедурой купания.

– Напомните мне, Уилкс, что у меня запланировано на сегодня, – попросил Себастьян, беспокоясь, не забыл ли он чего-то еще, помимо необходимости проснуться.

– Нынче вечером вы едете в оперу с лордом и леди Берк и с мисс Берк, – ответил Уилкс, внимательно разглядывая безупречно отглаженный шейный платок.

– Вы уверены, что сегодня я больше ничего не собирался делать? – Себастьян покачал головой.

– Я могу узнать у ее милости, – предложил камердинер.

– Нет! Меньше всего мне хотелось бы, чтобы мать вмешивалась в мою жизнь.

– Да, милорд.

Через полчаса, приняв ванну и одевшись, Себастьян сошел вниз и занял свое место во главе стола, но не стал брать газету – как можно читать под болтовню сестер?

– Себастьян, – окликнула его мать с другого конца стола, – что с тобой сегодня? Ты какой-то растерянный.

В этом отношении она была абсолютно права, потому что он в недоумении ошупывал карман жилета, зная, что там ни-

чего не должно быть, хотя там явно что-то лежало – что-то очень ценное.

Подняв голову, Себастьян обнаружил, что на него пристально смотрят четыре пары глаз.

Господи, он становится таким же странным, как все остальное его семейство.

– Себастьян! – Леди Уолбрук, по-видимому, не ожидала от него ответа и перешла к следующей теме: – Виола говорит, ты сорвал мои оранжевые цветы для мисс Берк.

– Я забыл поблагодарить вас за них, мама. – Он бросил младшей сестре угрюмый взгляд, но она сосредоточенно намазывала маслом булочку и не обратила внимания на брата. – Лавиния пришла от них в восторг.

– Лавиния! Хм! Я берегла их для нарядов Гермионы и Виолы. Ты совершенно испортил их выступление. Ты и твоя мисс Берк. – Она снова неодобрительно заворчала. – Тебе не следует проводить с ней столько времени. Люди уже начинают поговаривать, а леди Ратледж просто убеждена, что ты готов сделать предложение. На днях она прозрачно намекнула, что объявление о помолвке будет сделано на ее званом вечере.

– Черт возьми! – Себастьян вскинул взгляд. – Берки!

– Да, Берки. Самодовольные выскочки! Знаешь, я не понимаю...

– Их завтрак в саду. Он был сегодня утром!

– Ну да, – прищурилась леди Уолбрук, – не сомневаюсь,

ты прав.

Это катастрофа. Себастьян вскочил на ноги – он должен пойти туда, поскорее извиниться.

– Быть может, если мы поторопимся... – пробормотал он и взглянул на часы, которые сказали ему правду.

– О, к этому времени завтрак благополучно закончился. – Его мать вслух сказала то, что он уже и так понял. – Не имеет смысла бежать туда – ты выставишь себя дураком.

Застонав, Себастьян снова сел и заметил, что его сестра Гермiona молча злорадствует, глядя в свою тарелку.

– Нечего так торжествовать, – буркнул он ей.

– Да, я страшно рада. Быть может, теперь мисс Берк откажется от твоих ухаживаний.

– Это был бы подарок свыше, – тихо заметила леди Уолбрук.

Себастьян предпочел ничего не говорить, что само по себе было необычно. Безусловно, он собирался жениться на мисс Берк, но почему-то теперь у него не было желания спорить с матерью по этому поводу. Но к сожалению, его молчание дало леди Уолбрук возможность продолжить свои наставления.

– Твой отец не одобрил бы эту женитьбу. Ему никогда не нравился лорд Берк, и не думаю, что лорд Уолбрук особенно высокого мнения о дочери этого человека.

– Так как отца здесь нет и он не может высказать своего мнения, то вам придется смириться с моим выбором.

– Я полагала, что имею право говорить от имени твоего отца, ведь мы, между прочим, женаты последние тридцать лет. – Леди Уолбрук всплеснула руками и нахмурилась. – А ты женишься на этой девушке только из-за ее денег.

– И соседних земель в Кенте, и титула, который она даст своему первенцу, – заметил Гриффин.

– Нет, – вступила в разговор Виола, протягивая Фенвику свою чашку, чтобы он наполнил ее шоколадом, – он женится на ней, потому что она такая же зануда, как он сам.

– Мисс Берк не зануда. – Себастьян расправил плечи. – И я тоже.

На этот раз его семья дипломатично промолчала – почти целую минуту, что, по его представлению, было своеобразным рекордом.

– Тебе удастся очень хорошо это скрывать, – с выражением объявила леди Уолбрук. – Как говорится, такие умные и такие молодые долго не живут.

Шекспир.

В кризисные моменты его мать обрушивала на своих врагов цитаты из Шекспира, как французы пушечные ядра, – и часто с такими же разрушительными последствиями.

– Мама, я не собираюсь пользоваться советами давно усопшего сочинителя пьес.

– Тебе следовало бы прислушаться к нему, Себастьян. Он кое-что знал о любви.

– Все было бы прекрасно, мама, – вмешалась Гермиона,

– но это цитата из «Ричарда Третьего». – Она взглянула на брата. – Из трагедии...

За столом снова воцарилось неловкое молчание.

Ну почему его семья не может понять, что ему крайне необходимо выгодно жениться?

– У меня есть хорошие новости, – объявил Гриффин, – Я получил приглашение в Королевское научное общество. Сэр Джошуа устроил так, что на следующем заседании будет представлена моя статья, посвященная путешествию во времени и обществу будущего. Две недели – это не слишком много, чтобы довести до совершенства мою теорию о...

– Двадцать четвертого? – перебила его леди Уолбрук.

– Да, – ответил он, – в четверг после...

– О нет, это совершенно невозможно, – заявила ему мать.

– Почему? – удивился Гриффин.

– В это время у леди Ратледж званый вечер, – раздраженно вздохнув, объяснила графиня. – Ты нужен мне, чтобы участвовать с девочками в живых картинах. Корделия категорически отказалась приехать из Бата, а мне нужен кто-то третий, чтобы играть...

Все за столом застонали, а Виола опустила вниз на стуле, так что осталась видна только макушка ее темноволосой головы.

– Что? – спросила их всех мать, никогда не обращавшая внимания на критическое отношение детей к ее увлечению театром.

– Мама, пожалуйста, не нужно, – взмолился Себастьян. –

Не могут ли девочки представить что-либо менее... менее...

– Смущающее? – пробормотала Виола из-под скатерти.

– Оскорбительное? – предложила Гермиона.

– Ужасное? – подытожил Гриффин.

– Да будет вам известно, что мои живые картины всегда ожидают с нетерпением. – Леди Уолбрук развернула салфетку и обвела всех не допускающим возражений взглядом.

– Говорят, и старая кошка может вызвать добрый смех, – буркнул себе под нос Гриффин, но его мать с энергией, достойной адмирала Нельсона, снова сосредоточила все внимание на Себастьяне.

– Мой дорогой мальчик, обещаю, что не женишься на этой тупой девице. Она погубит твою душу, покончит с твоим замечательным веселым нравом.

– Его? – Чуть не подавившись тостом, Гермиона указала пальцем на Себастьяна. – Мама, не сгущаете ли вы немного краски?

Леди не стала обращать внимания на дочь, хотя та и была права. Никто никогда не назвал бы Себастьяна весельчаком и душой общества.

Прозвонили часы на камине, и Себастьян понял, что его первое дело, дело чести, принести Беркам извинения за отсутствие его и всей их семьи на праздничном завтраке. И, уже приготовившись оставить семью, он вдруг почувствовал, что совсем не торопится навестить барона с женой и даже

очаровательную мисс Берк.

Оказалось, что после этой ночи завоевать расположение наследницы больше не представлялось ему таким важным делом, как прежде, потому что в мрачном предостережении матери содержалась доля правды – Лавиния Берк явно была занудой.

Себастьян покачал головой. Вот до чего можно дойти, проводя время за завтраком со своей семьей. Лавиния тупая? Что за чушь! Если он еще немного посидит здесь, он начнет цитировать Шекспира и будет носить тюрбан, как старший кузен его матери, Мерлин.

– Мне нужно идти. – Себастьян решительно встал.

– О, разумеется, – откликнулась Гермиона. – Виола, Гриффин, вы обещали пойти со мной в парк. Нужно поторопиться.

Все трое вместе выбежали из столовой, опередив Себастьяна, а мать послала ему еще одно последнее напутствие:

– О, Себастьян, как бы мне хотелось, чтобы к тебе вернулся разум и ты полюбил кого-нибудь, чтоб Титания разожгла в тебе страсть.

– Мама, – ответил Себастьян, остановившись на пороге, – я не могу вам этого обещать. А кроме того, всем известно, что желания никогда не осуществляются.

Для Шарлотты утро началось почти так же. Она проснулась в своей старой узкой кровати в доме на Куин-стрит.

Очевидно, она нашла способ отказаться от своего жела-

ния без помощи Куинс, потому что от него ничего не осталось, за исключением странного небольшого кольца, которое все еще упрямо не хотело сниматься с пальца.

Она накрыла подушкой лицо, чтобы заглушить мучительные рыдания, поднимавшиеся из ее разбитого сердца.

– Себастьян, о, Себастьян, как я буду без тебя?

– Пойдете и завоюете его, – сказал знакомый голос.

– Куинс! – воскликнула Шарлотта и, сбросив с лица подушку, оглядела комнату. Она уже собралась вскочить с кровати, но вспомнила, что остается совершенно голой после прошедшей ночи.

Улыбнувшись, пожилая дама бросила ей старую сорочку.

Взяв строгое муслиновое платье, Шарлотта вздохнула при виде его высокого воротника – в нем не было ни ленты, ни вышивки, чтобы сделать его хотя бы чуть-чуть привлекательным.

– Ну-ну, еще не все потеряно, – подбодрила ее Куинс.

– Нет, все. Я позволила ему уйти. – Шарлотта закрыла глаза. – Я должна была это сделать, – удалось ей пролепетать, прежде чем она расплакалась.

– Понимаю, дорогая, я все понимаю, – успокоила ее Куинс и, подойдя к кровати, села рядом с девушкой. – Но еще не все потеряно.

– Как вы можете так говорить? – между всхлипываниями отозвалась Шарлотта. – Я больше не она.

– Не кто? – спросила Куинс, подавая ей тот же самый вы-

тертый носовой платок, что и раньше.

– Не Лотти. – Шарлотта снова тяжело вздохнула и высморкалась в платок. – Теперь я просто Шарлотта.

– Глупая девочка, – рассмеялась Куинс искрящимся, как солнце, смехом, – конечно же, вы все еще она. А кем еще вы можете быть?

– Посмотрите на меня. – Она руками указала на свое простое платье, на спутанные локоны. – Разве я похожа на куртизанку?

– В этом ужасном платье – нет. – Куинс сморщила нос. – Но важно лишь то, что под этим муслином. У вас та же фигура, та же грация, которые заставляли весь Лондон говорить о миссис Таунсенд.

Шарлотта фыркнула, почти как Финни, когда она возражала против одного из непристойных платьев Лотти.

– А-а! – Куинс указала на нее пальцем. – Вижу, будучи Лотти, вы совсем не впустую провели свое время.

Шарлотта секунду молчала, почувствовав крохотную надежду, но в следующее мгновение осознала свою обреченность.

– Слишком поздно. К этому времени Себастьян скорее всего уже решил жениться на мисс Берк.

– Не больше, чем когда вы покинули эту жизнь, – покачала головой леди. – То было... о, проклятый календарь, – пробурчала она, считая по пальцам. – Десять дней назад.

– Тогда я высказала свое желание.

– Да, – подтвердила Куинс. – Все осталось так, как было в тот день. Ничто не изменилось. – Она на минуту замолчала. – Кроме вас самой. И быть может, еще кое у кого сохранились смутные воспоминания.

– Вы думаете, он помнит? – Шарлотта не забыла ничего, и у нее по спине пробежала странная дрожь.

– Возможно, с некоторой помощью вспомнит, – тихо ответила Куинс. – Но не столько, сколько вы. Это будет больше похоже на неопределенные мысли, странные картины.

Шарлотта кивнула. Если Себастьян однажды влюбился в нее, то возможно...

– Но должна вас предупредить, – продолжала Куинс. – У вас немного времени. По прошествии двух недель все это – ваши воспоминания, его чувства, – все исчезнет. Вы должны торопиться, если хотите покорить его сердце.

Две недели? Шарлотта покачала головой.

– Какая мне польза от манер куртизанки и ее опыта? Себастьян решил сделать предложение мисс Берк. Какие у меня шансы по сравнению с ней? – У нее с губ снова сорвались рыдания, и она, бросившись на кровать, закрыла руками лицо.

Куинс громко вздохнула, терпеливо ожидая, когда Шарлотта придет в себя.

– Что, по-вашему, мне делать? – спросила ее Шарлотта, взглянув сквозь пальцы.

– А как поступила бы Лотти?

– Надела бы голубое бархатное платье, отправилась в оперу, – Шарлотта шумно вздохнула, – и на глазах у всех беззастенчиво флиртовала бы с Рокхестом.

– Значит, именно это вы и сделаете, – объявила Куинс и, не спеша подойдя к гардеробу, распахнула дверцы. Она заглянула внутрь, а потом, нахмурившись, обернулась к Шарлотте: – Здесь не слишком большой выбор.

– Я думаю точно так же, – согласилась Шарлотта. – То, что вы предложили, неосуществимо. У меня нет ни одного платья, подходящего для такого случая, не говоря уже о том, что я никогда не была представлена графу. – Шарлотта сделала паузу. – Во всяком случае, здесь, то есть как мисс Уилмонт. – Она снова спрятала лицо в ладонях и застонала. – О, Куинс, это невозможно. Я не могу составить конкуренцию мисс Берк с моими скудными средствами и отсутствием связей в обществе – тем более в двухнедельный срок.

– Значит, вам следует перестать думать как Шарлотта Уилмонт и использовать всю хитрость, которой обладала Лотти. Она до сих пор еще здесь – внутри вас. – Куинс пересекла комнату и костлявым пальцем ткнула Шарлотту в лоб. – Вам известно все, что необходимо знать, чтобы завоевать сердце Себастьяна, – а оно принадлежит вам по праву, если только вы об этом заявите.

– Правда? – прошептала Шарлотта.

– Да, – кивнула Куинс. – Осуществите свое желание, Шарлотта. Мисс Берк обладает многими преимуществами, но у

вас есть что-то, намного более ценное.

– И что же это такое?

– Вы знаете, как заниматься с ним любовью.

– Не могу же я просто броситься на него! – Шарлотта села.

– Я опозорю себя.

Но, возражая, Шарлотта вспоминала тысячу и один способ, которыми она и Себастьян дарили друг другу любовь – и не только у нее в спальне: тайные взгляды в зале оперы; поглаживание рукой его рукава во время верховой прогулки в парке; украдкой сорванный поцелуй.

Шарлотта знала, как он любил то французское выдержанное вино, которое Рокхест купил у контрабандиста в Гастингсе, ей было известно, что коллекцию Таунли он считал неповторимой, что мог цитировать стихотворения Кольриджа и обожал считать веснушки у нее на спине. Однако она не учла еще одну проблему.

– Себастьян, которого я, как Лотти, знала, был беспутным, беззаботным человеком, а мой Себастьян довольно... в общем, как любят говорить его сестры, скучный и чересчур рассудительный. Не знаю, соблазнит ли его то, что предлагала Лотти.

– Ему все еще это нравится, хотя он этого и не осознает. – Куинс улыбнулась. – Пока еще нравится. И я сомневаюсь, что мисс Берк – это та женщина, которая может дать ему шанс... Конечно, если вы сами ей позволите...

Шарлотта подняла глаза на Куинс, и острый укол ревности

положил конец ее колебаниям. Мисс Берк целует Себастьяна? Прогуливается рядом с ним?

Нет! Никогда!

– Но разве я смогу... – Несмотря на внезапную храбрость, к Шарлотте вернулись мучительные сомнения.

– Неужели вы ничему не научились? – всплеснула руками Куинс. – Он изменился не больше, чем вы сами. Вы должны помочь ему открыть в себе ту раскрепощенность, которая пряталась все эти годы.

Помочь Себастьяну стать легкомысленным щеголем? Человеком, который любит читать в постели Кольриджа, скакать по полям на бешеной скорости, заключать пари, не моргнув глазом? Тем, кто позволяет чувствам руководить им? От одной мысли пробудить в Себастьяне такого человека на губах Шарлотты заиграла озорная улыбка.

– Вы в самом деле полагаете...

– Да! – не дала ей договорить Куинс. – Я так считаю!

Шарлотта замерла, поразившись своей забывчивости.

– Он должен жениться на мисс Берк, – сказала она, признавая собственное поражение, и повернулась спиной к Куинс, чтобы скрыть разочарование.

– Ради чего?

– Ради денег. Семья Марлоу на грани разорения.

– Тогда, как я понимаю, вы и это тоже должны изменить, – как само собой разумеющееся сказала Куинс, словно найти состояние за две недели было так же легко, как и голубое

бархатное платье.

– Из этого ничего не выйдет. – Шарлотта направилась к чулану. – Тогда я жила жизнью Лотти, но теперь я просто Шарлотта. Моя мать никогда... – Она обернулась, но в комнате никого не было, Куинс исчезла.

А затем во внезапной тишине комнаты Шарлотта услышала тихий шепот:

– У вас есть все, что нужно, дорогая. Я вас уверяю.

– Как это может быть? – спросила Шарлотта, но ответа не получила. В досаде она снова плюхнулась на кровать и почувствовала под простыней что-то твердое и холодное.

Удивившись, она рассеянно сунула руку под простыню и пока пробиралась глубже, у нее в подсознании всплыло воспоминание. «Нет, этого не может быть». Она встала, откинула покрывало и окаменела – там, среди простыней, лежали бриллианты от Рокхеста.

Шарлотта медленно протянула руку и подняла тяжелые холодные камешки, все еще не зная, верить или нет, что это подношение последовало за ней домой. Однако они были вполне реальными и сияли и искрились в утреннем свете. Но если они были настоящими, то это означало, что кое-что возможно.

– Я же вам сказала, – снова раздался шепот, сопровождаемый тихим смехом. – Найдите им хорошее применение, дорогая, хорошее применение.

Взяв у Фенвика шляпу, перчатки и трость, Себастьян ши-

рокими шагами вышел через парадную дверь, непонятно почему стремясь спастись от совета матери, пока он не показался разумным и не пустил корни.

Однако его бегство было неожиданно прервано в тот самый момент, когда Себастьян спустил ногу с последней ступеньки на тротуар, потому что он столкнулся с ослепительным сиянием муслина.

Трость выпала у него из рук на землю, и Себастьян подхватил леди, чтобы не дать ей упасть.

На краткий, как вспышка, миг к Себастьяну словно вернулись воспоминания, и изгибы тела под муслином показались ему знакомыми, как собственные руки. То, как леди подходила ему, и слабый аромат фиалок, щекотавший ему ноздри, вывели его из задумчивости, подобно пушечному выстрелу. И неожиданно его исключительно важное дело, его строгое расписание были полностью забыты.

– Мои глубочайшие извинения, мадам, – пробормотал он, глядя сверху вниз на самую жалкую, самую уродливую шляпу из всех, какие он видел.

Себастьян не мог сказать, что он ожидал увидеть у себя в руках, – быть может, создание, способное окончательно и бесповоротно завладеть его чувствами, но, безусловно, не эту скромную маленькую девушку.

Но когда из-под потертых полей этой уродливой шляпки на него посмотрела пара глаз, он почувствовал, как их взгляд пронзил его сердце.

Голубые, ясные и светлые, они заворожили Себастьяна и показались ему такими знакомыми, что он не знал, что и думать, – потому что они принадлежали не кому иному, как маленькой старой деве, подруге Гермионы. Он бросил еще один взгляд – чтобы убедиться в ошибке – и обнаружил, что еще сильнее околдован завитками волос, выбившимися из-под шляпы. Когда ее волосы успели приобрести этот каштановый оттенок и, перестав быть похожими на воробьиное крыло, стали блестящими и горящими огнем?

И как они будут выглядеть, когда, освобожденные от шпилек, рассыплются по шелковым простыням. Как эти глаза будут смотреть на него с желанием и страстью, когда под его руками будет ее нагое тело, трепещущее от его прикосновений?

– Вы в порядке, милорд? – спросила девушка, глядя на него таким понимающим взглядом, что у Себастьяна создалось впечатление, будто она безошибочно читает его мысли.

Он так быстро отпустил ее, что девушка чуть не опрокинулась назад, но больше поддерживать не стал, решив не рисковать обнять ее и допустить еще более непристойные мысли о лучшей подруге своей сестры.

Господи, до чего неловко все вышло! Он выставил себя полным посмешищем, держа ее так... так неприлично... так развязно, и теперь, как полагал Себастьян, ему следовало извиниться за свое предосудительное поведение.

«О, черт бы побрал меня, как же ее зовут?» И затем ее

имя само прорезалось в его памяти.

– Простите, Лотти. К сожалению, я вас не заметил. – А потом он обнаружил, что снова держит ее – на этот раз за локоть – совершенно без стеснения, прямо посреди Беркли-сквер, на виду у всех. Он снова отпустил ее (с большей неохотой, чем ему хотелось бы признаться) и растерялся, не зная, что еще сказать.

– Вам не за что извиняться, милорд. – Проскользнув мимо него, девушка направилась вверх по парадной лестнице, как грациозная очаровательная кошка, как Титания, входящая в свои владения.

Несколько мгновений Себастьян мог, разинув рот, только смотреть ей вслед, пока она через плечо не бросила на него еще один лукавый взгляд, как будто знала, что он еще будет стоять там и с вожделением смотреть на нее. Но что еще хуже, она, казалось, была абсолютно довольна собой и наслаждалась его непристойным вниманием.

Себастьян вздрогнул, поднял трость, торопливо поклонился и, словно за ним по пятам гнались французы, быстро зашагал по улице, направляясь к фешенебельному дому Берков на Гросвенор-сквер.

И только потянув шнурок колокольчика на дверях дома Берков, он осознал, как назвал девушку.

Лотти?

Имя звучало слишком знакомым, слишком интимным для простого приветствия.

Интимным. Да, это было именно то слово, которое ему не хотелось употреблять в одном предложении с именем... о, проклятие, как же ее зовут? Уилкокс? Уилсон? Уилмонт! Мисс Уилмонт – не Лотти и даже не Шарлотта, а просто и обыденно – мисс Уилмонт.

Себастьян набрал в грудь воздуха и выпустил его, как мать часто советовала делать, чтобы очистить темные закоулки мозга.

Но это не помогло. Закрыв глаза, Себастьян представил себе мисс Уилмонт, с понимающим самоуверенным выражением на лице лежащую обнаженной в кресле, – ее губы удовлетворенно кривятся, а ясные голубые глаза искрятся желанием.

Себастьян открыл глаза и увидел перед собой Прауза, дворецкого Берков, стоящего на пороге и смотрящего на него – точнее сказать, изумленно смотрящего.

– А, Прауз, добрый день, – пробормотал Себастьян, когда его пригласили в дом. «Что со мной сегодня?» Ему пришлось приложить невероятные усилия, чтобы избавиться от всех непрошенных картин, пока дворецкий Берков провожал его через холл в гостиную, где Себастьяна ждала Лавиния и где его снова закружит водоворот привычной жизни – внезапно показавшейся ему скучным существованием.

Шарлотта в изумлении провожала взглядом шедшего по улице Себастьяна. Как он назвал ее?

Лотти.

Нет, она ослышалась, он не мог такого сказать.

Но он это сказал, и его уверенный бархатный голос еще звучал у нее в ушах.

Шарлотта засмеялась, радуясь открывшейся перед ней возможности.

– Мисс Уилмонт? Это вы? – окликнул ее от двери Фенвик.

– Доброе утро, мистер Фенвик! – ответила она, бегом поднимаясь по последним ступенькам лестницы.

– Если позволите, мисс, я бы сказал, что вы совершенно оправились после вчерашнего.

– Я чувствую себя совершенно новым человеком, – призналась Шарлотта.

– Леди Гермионы нет, – кивнув, сообщил дворецкий. – Она и леди Виола вместе с молодым мистером Марлоу отправились на прогулку в парк. Однако она ожидала, что вы можете зайти, и попросила меня передать, чтобы вы нашли ее там на ее обычном месте.

– Великолепно! – воскликнула Шарлотта. Повернувшись на одном каблуке, она побежала вниз по ступенькам, быстро пересекла площадь и в мгновение ока оказалась в парке.

Первый раз в жизни она стояла посреди шумного собрания в парке и не чувствовала ни малейшего смущения перед избранным лондонским обществом.

«Каким необычным выглядит всё и все», – думала Шарлотта, глядя на все по-другому, пока шла к рододендроновой роще, которую любила Гермиона.

Сестре Себастьяна нравилось стоять возле больших кустов, тем более что сейчас они были усыпаны цветами, и ждать, когда мимо верхом проедет граф Рокхест. Она заявляла, что растения создают ей выразительный фон, а сама Гермiona, верная себе, одевалась во все цвета радуги от ярко-оранжевой накидки до широкополой пурпурной шляпы с броско окрашенными страусовыми перьями.

Рядом с сестрой стояла Виола в обыкновенном муслиновом платье и наблюдала за проезжавшими мимо экипажами и красивыми повесами на лошадях, как будто делала для себя заметки на то время, когда наступит ее черед выезжать в свет. А Гриффина, который, как предполагалось, должен сопровождать сестер, не было видно.

– Гермiona! – воскликнула Шарлотта. – Вот ты где! – Она крепко обняла девушку, несказанно радуясь, что снова ее видит. О, ей казалось, что прошла целая вечность с тех пор, как она встречалась с любимой подругой.

– О, Шарлотта! – пришла в восторг Гермiona. – Ты даже появилась в парке! У тебя хорошие новости? Ты выглядишь совершенно оправившейся. Нет, нет! Позволь мне догадаться – поверенный нашел ренту или какое-то ценное имущество, которых не заметил вчера? О, скажи, что это правда.

– Ты права. – Улыбнувшись, Шарлотта отступила на шаг. Гермiona нечаянно решила ее главную проблему: как объяснить появление бриллиантов. – Он нашел ожерелье, которое, по-видимому, прилагалось к кольцу.

– Я так и знала, – важно заявила Гермиона. – Какой толк от наследства, если оно ничего не стоит? – Она помолчала. – А оно ведь дорогое, правда?

– Очень, – ответила ей Шарлотта. – Но это тайна, и ты не должна никому раскрывать ее. – Она взглянула на Виолу: – И ты тоже.

Один Бог знает, что сказали бы мать Шарлотты и Финелла, если бы узнали, что в ее распоряжении оказалось бриллиантовое ожерелье.

– Вряд ли меня кто-нибудь станет слушать, – пожалала плечами младшая сестра.

– О, ожерелье! Это великолепно, – размышляла Гермиона. – И первое, что тебе нужно сделать, – это продать его.

– Именно так я и собираюсь поступить – с помощью Гриффина, – призналась Шарлотта.

– Он все время продает вещи, которые выигрывает в карты, чтобы финансировать свои опыты, – кивнув, согласилась Гермиона. – Он-то знает, как это делается, потому что, ей-богу, не можем же мы просить Себастьяна помочь нам.

Виола громко фыркнула и закатила глаза к небу.

– О, Шарлотта, я так рада твоей новости, – весело продолжала Гермиона, – потому что Себастьян твердо решил жениться на мисс Берк, и у нас не так много времени, чтобы заставить его передумать.

– Какой ужас – они идут сюда! – сообщила Виола, встав на цыпочки и взглянув поверх плеча сестры.

Гермиона и Шарлотта одновременно обернулись и увидели Себастьяна, который шел по аллее под руку с этой самой мисс Берк.

– Чтоб ей провалиться. – Гермиона театрально застонала, словно была призракoм Бэнкo. – А еще хуже, она тащит за собой этих отвратительных сестер Дьюмонт.

Виола засопела и повернулась спиной ко всем, словно от этого они могли бы исчезнуть.

Шарлотта же практически не видела ни мисс Берк, ни подруг девушки – ее взгляд был прикован к Себастьяну. Ей стоило огромных усилий не броситься к нему в объятия, не потребовать поцелуя и не предложить ему намного больше, и она почти не слышала сетований Гермионы.

– О Господи, это просто катастрофа! Сюда приближается граф со своей тетей, леди Ратледж. Мой день вконец испорчен, – объявила Гермиона, отодвигая в сторону покачивающиеся перья шляпы, которые настойчиво опускались ей на лицо.

Рокхест? Шарлотта вскинула голову и увидела прямо перед собой знаменитого графа. К ее удивлению, он тоже посмотрел на нее и сразу же осадил лошадей.

– Он останавливается, – едва дыша, пролепетала Гермиона.

– Не вывали свой завтрак, – посоветовала Виола. – Хотя, быть может, это и неплохая идея. Может быть, когда твой лосось окажется у него на сапогах, он наконец-то заметит те-

бя, Минни.

Шарлотта бросила юной девушке укоризненный взгляд, который, как ни странно, подействовал на обычно неугомонную маленькую Марлоу.

– Смотрите, Трент, там ваши сестры, – сказала мисс Берк, направляя виконта в их сторону, и сестры Дьюмонт послушно, как утята, последовали за ней.

Мисс Лавиния Берк была безукоризненной леди во всех смыслах этого слова. Модно и со вкусом одетая, она обладала к тому же изысканными манерами. Если бы не высокомерие, с которым она держалась, Шарлотта, возможно, даже посчитала бы искренним каждое слово вежливого приветствия девушки.

– Леди Гермiona! И леди Виола! Как приятно встретить вас здесь. – Она оглянулась по сторонам. – Но вы без сопровождения.

Это критическое замечание побудило Себастьяна высказаться:

– Да, что вы обе делаете здесь одни?

Шарлотта отметила, что он не спускает глаз с сестер и даже мельком не взглянул на нее.

– Гриффин только что отошел с сэром Джошуа и мисс Кенделл. – Гермiona выпрямилась. – Он обещал очень скоро вернуться, так что ничего страшного не произошло, Себастьян. Кроме того, с нами теперь Шарлотта.

– Мисс Уилмонт. – Себастьян слегка поклонился ей.

– Лорд Трент, очень приятно встретиться с вами... снова. – Слова сорвались с языка Шарлотты, словно она была Лотти, полные намека, который она не имела права делать.

– Снова? – спросили в один голос Гермиона и мисс Берк, первая с удивлением, а вторая с женской подозрительностью.

– Я столкнулся с мисс Уилмонт, когда выходил из дома, – объяснил Себастьян.

– Да, и у меня есть синяки, которые могут это подтвердить, – пошутила Шарлотта.

Сжав очаровательные розовые губки в строгую линию, мисс Берк окинула взглядом Шарлотту. Но, отметив давно вышедшую из моды шляпу, простое платье и отсутствие чего-либо модного, без малейшего сомнения оставила Шарлотту без внимания и, слегка отвернувшись от нее, обратилась к Гермионе и Виоле:

– Я только что говорила вашему дорогому брату, что недостаточно времени провожу с вами обеими. И мне очень жаль, леди Гермиона, что мы не ходили вместе с вами в школу, потому что тогда я могла бы близко познакомиться с вами.

Виола сдавленно хихикнула, но быстро превратила усмешку в кашель, потому что Себастьян метнул в ее сторону недовольный взгляд.

Мисс Берк не стала ждать ответа, потому что, по всей вероятности, и не надеялась его получить, и поспешила принять достойную позу перед своей патронессой, леди Ратледж.

И почтенная матрона, конечно же, тотчас же заметила девушку, потому что разве не она объявила Лавинию Берк истинным образцом этого сезона и убеждала (вернее, принуждала) других хозяек гостиных и все великосветское общество поддержать ее?

– Да, Рокхест, вы были правы, это мисс Берк, – говорила пожилая леди, подходя к ним под руку с племянником.

К досаде Шарлотты, рядом с графом трусил Роуэн, и едва пес увидел Шарлотту, он остановился и издал низкое угрожающее рычание.

– Роуэн! – прикрикнул на собаку Рокхест, потянув за поводок, который вряд ли мог удержать огромное животное. – Как ты себя ведешь? Сидеть!

Пес исполнил приказание, но так и не отвел от Шарлотты настороженных недобрых глаз.

– Рокхест, это животное опасно! – воскликнула леди Ратледж и, глубоко вздохнув, повернулась к собравшейся группе молодых людей: – Ну-ка кто тут у нас?

– Для нас, как всегда, большая честь видеть вас, миледи, – заговорила мисс Берк фальшиво радостным тоном. – Теперь у нас великолепное общество.

Пожилая дама смотрела на представителей семейства Марлоу, как терьер, ищущий, что бы съесть.

– А, Трент, это вы. И ваши сестры. Как раз сегодня утром я получила от вашей матери записку вместе с предложением для моей программы. Это сцена из «Сна в летнюю ночь»,

как я понимаю, и она должна быть самым захватывающим моментом всего вечера.

Близнецы Дьюмонт тихо засмеялись, потому что всем было известно, что в интерпретациях леди Уолбрук знаменитый бард претерпевал недозволенные искажения. Лавиния просто прикрыла рот рукой в перчатке, чтобы скрыть язвительную усмешку, Гермiona покраснела до корней волос, а Шарлотта изо всех сил старалась подавить растущее чувство негодования.

– Леди Корделия тоже примет участие? – обретя способность говорить, спросила мисс Берк.

– Нет, – коротко ответила Гермiona, – она в Бате до конца сезона.

– Опять ее занятия латынью с вашей тетей, леди Дэви? Я бы сказала, они весьма оригинальная пара.

Шарлотта взглянула на Себастьяна. Почему он молчит? Он мог бы заткнуть рот этой самодовольной девице, вместо того чтобы позволять ей унижать его семью. Но по его лицу она поняла, что Себастьян погружен в собственные мысли и, очевидно, ничего не слышит. Ну что ж, черт с ним. Если он не собирается ничего предпринимать, то она сама это сделает.

– Что вы готовите, мисс Берк? – заговорила Шарлотта. – Я имею в виду, к званому вечеру.

Шарлотта знала, что до самого этого момента никто не придавал никакого значения ее присутствию, но теперь все

повернулись в ее сторону и застыли в изумлении.

– Я прочитаю оду о святости брака, которую сама сочинила. – Мисс Берк, вздернув нос, свысока посмотрела на Шарлотту. – Боюсь, во мне есть что-то от «синего чулка». – Девушка немного рисовалась.

– Ничего подобного, Лавиния! – с жаром воскликнула одна из сестер Дьюмонт, а другая присоединилась к ней, как безмозглый попугай:

– Абсолютно ничего!

Мисс Берк, как и положено, запротестовала, а затем, к досаде Шарлотты, снова обернулась к Гермione, приготовившись выпустить когти, поэтому Шарлотта решила броситься в бой, воспользовавшись всей остротой языка Лотти:

– Мне это кажется довольно скучным. Правда, мисс Берк, что вы знаете о браке, не говоря уже о мужчинах?

Глава 14

Себастьян вдруг понял, что с того момента, когда он подошел к сестрам, он не отрываясь смотрит на Лотти. Проклятие, на мисс Уилмонт.

Что с ним нынче случилось, отчего он не может вспомнить ее чертового имени?

Вернее, что случилось с робкой, как мышь, незамужней подругой его сестры?

В своем бесцветном платье и простой шляпе она на вид осталась такой же, как была, но в то же время в ней что-то изменилось.

– Ну, – стоявшая рядом с ним мисс Берк глубоко втянула в себя воздух, – мне кажется, я кое-что знаю о мужчинах, мисс... мисс...

– Уилмонт, – подсказал Себастьян. К своему огорчению, он понял, что витал в облаках и пропустил, чем подруга Гермiony вывела Лавинию из себя.

– Мисс Уилмонт, – повторила его будущая невеста, оскалив зубы в любезной улыбке, – быть может, когда вы добьетесь расположения мужчины, – она взяла Себастьяна под руку, – вы сможете поделиться с нами своими соображениями по этому поводу.

Себастьян с удивлением посмотрел на женскую руку в перчатке, лежавшую у него на рукаве: ее прикосновение по-

казалось ему тяжелым, как железные оковы.

– Могу сказать, она добилась моего расположения, – вмешался граф Рокхест, послав мисс Уилмонт дерзкую улыбку, от которой ее бледные щеки очаровательно порозовели, а у Себастьяна внутри все сжалось.

Что за чушь несет граф? Себастьяну и прежде никогда не нравился Рокхест – репутация этого человека ставила его вне рамок приличного общества. Но видеть, как он бросает похотливые взгляды в сторону мисс Уилмонт... В общем, этого было достаточно, чтобы вызвать тревогу у любого добропорядочного человека.

Именно так. Себастьян беспокоился о репутации леди... о ее добродетели...

И снова у Себастьяна перед глазами заплясали картины того, как мисс Уилмонт обнаженная лежит под ним.

Себастьян зажмурился и потер виски, решив, что ему, быть может, следует обратиться к хирургу... или по крайней мере к окулисту.

– О, Рокхест, помолчите, – весьма раздраженно остановила его леди Ратледж, видя, что ее избранница на этот светский сезон оказалась загнанной в угол. – По-моему, вас никто не спрашивал.

Граф собрался что-то возразить против этого, но тетя заставила его успокоиться, с громким «бах» ударив веером в грудь.

Беспутный дьявол имел наглость подмигнуть мисс Уил-

монт и только потом попятился и отошел подальше от своей тети.

– Мисс Уилмонт, я, в свою очередь, хочу узнать, что вы готовите для званого вечера леди Ратледж? – спросила Лавиния и, замолчав, с победоносной улыбкой оглядела своих друзей.

Болтовня сестер Дьюмонт всегда едва не сводила Себастьяна с ума, он никогда не мог различить, кто из них кто, и, уж конечно, не мог представить себе ни одну из них в нижнем белье... и тем более без него. Тогда почему эта мисс Уилмонт приводит его в такое замешательство?

– Я не приглашена, – без тени смущения ответила мисс Уилмонт.

– О, как досадно, – с притворным сожалением отозвалась Лавиния. – Я этого не знала.

– Не приглашены? – воскликнула леди Ратледж. – Вас, дочь сэра Нестора, не пригласили?

Мисс Уилмонт кивнула.

– Это оплошность, дорогая, – сказала матрона с таким лицемерным видом, что у ее племянника начался приступ кашля. – Разумеется, вы должны прийти! Но скажите, какими талантами вы обладаете? Возможно, играете на фортепьяно? Полагаю, поете. Я помню, у родственницы вашей матери, Финеллы Аппингтон-Хиггинс, был незабываемый голос.

– К сожалению, ничего такого у меня нет, – ответила Шарлотта.

– Нет таланта! – ужаснулась леди Ратледж. – Это невозможно. Каждая истинная леди из высшего света обладает каким-нибудь дарованием. Это признак происхождения, образования... наконец, респектабельности.

Мисс Берк открыла было рот, чтобы высказать и свое мнение, но мисс Уилмонт опередила молодую девушку, не дав ей сказать ни слова:

– Я думаю, миледи, что иногда лучше трезво оценивать свои возможности, чем подвергать мучениям несчастных слушателей.

– Фу! Каждая молодая леди должна обладать чем-то, что может расположить к ней достойное общество.

– Тогда, полагаю, при отсутствии искры Божьей я должна научиться развлекать людей, – парировала Шарлотта, – отыскать в себе какую-нибудь исключительную способность, чтобы компенсировать свою бесталанность в пении, драматургии или декламации.

– И вы думаете, что можете обладать каким-либо настоящим даром, мисс Уилмонт? – пристально глядя на нее, спросила леди Ратледж. – Без необходимого обучения и практики, не вращаясь в обществе, так как это, очевидно, вам не было дано?

– Да, – ответила мисс Уилмонт. – Долг каждой хозяйки дома обеспечить развлечение своим гостям, и я считаю, что это самый главный талант.

– Фу! – Леди Ратледж с досадой ткнула своей палкой в

землю, возмущенная возражениями этой маленькой старой девы.

Между тем их острая словесная перепалка оставила остальных присутствующих стоять в стороне – тихо и немного ошарашенно.

– Думаю, тетя, тут она вас перещегооляла, – вставил граф, только усилив раздражение леди. – Я полагаю, что после всего того визга в прошлом году вы благосклонно отнесетесь к хорошей музыке или декламации.

Леди Ратледж бросила племяннику взгляд, ясно говоривший о том, что она хотела бы послать его в Суррей, если не дальше – например, в самый мрачный уголок Индии.

– Тогда, мисс Уилмонт, я прошу вас посетить мой званый вечер и доказать свою правоту. Если у вас нет талантов, как вы заявляете, то представьте кого-нибудь вместо себя.

– Но, миледи, – запротестовала мисс Берк, – смысл вечера в том, чтобы продемонстрировать дарования благородных леди. – Жгучий взгляд в сторону мисс Уилмонт говорил, что, по мнению Лавинии, эта девушка не обладает ни талантами, ни родословной. – Да, это так, – согласилась леди Ратледж. – Но я думаю, что ее заявление требует проверки. Итак, мисс Уилмонт, докажите свое превосходство над остальными леди в этом сезоне и продемонстрируйте способности к организации вечеров, которые превосходят все виденное прежде в нашем возвышенном обществе.

Вся группа ошеломленно молчала – а что можно было

сказать? Это было откровенно несправедливо и направлено только на то, чтобы смутить мисс Уилмонт.

Себастьяну все это не нравилось, как, по-видимому, и Рокхесту, если судить по мрачному выражению его лица. Но на этот раз Себастьян не собирался позволять графу вступиться за мисс Уилмонт – Рокхест не имел никакого отношения к леди и, следовательно, не имел и права на ее защиту, и Себастьяна не заботило, что его самого тоже почти ничто не объединяло с леди, кроме тонкой связи через собственную сестру.

– Леди Ратледж, мне кажется, вы слишком многого хотите от мисс Уилмонт. Как она сможет найти кого-то, отвечающего вашим высоким требованиям, за столь короткое время?

Лавиния пальцами вцепилась ему в рукав, и Себастьяну показалось, что он похож на графского волкодава, которого тянут назад на коротком поводке, – в общем, с ним обращались как с Роуэном. Но самое неприятное произошло потом, когда мисс Уилмонт обернулась в его сторону.

– Милорд, вы напрасно беспокоитесь обо мне. Я совершенно уверена, что смогу представить замену себе, которая изумит и порадует гостей леди Ратледж.

Как такое возможно? Ее твердая уверенность поставила Себастьяна в тупик, потому что, насколько ему было известно, мисс Уилмонт никогда не выезжала в свет. А теперь она бросает вызов одной из самых знаменитых хозяек лондонских салонов? Нет, она или сумасшедшая, или, как сказала

бы его няня-ирландка, чокнутая.

– Лорд Трент? Лорд Трент! – тянула его за рукав Лавиния.

– Милорд, вы меня слушаете?

– Да, мисс Берк? – Себастьян со вздохом посмотрел на девушку.

– Я хотела бы вернуться домой. – Лавиния слегка вскинула голову. – Прямо сейчас. Я начинаю чувствовать солнце.

– Сначала мы должны проводить домой моих сестер, – сказал он, покачав головой. – И мисс Уилмонт тоже, потому что мой негодный брат окончательно пропал. – Он кивком указал на пустое место; где недавно стояли Гриффин и Кенделл.

– Это совершенно неприемлемо, – недовольно возразила она.

– Тогда поезжайте со мной, мисс Берк, – предложила леди Ратледж. – Вы со своими подругами можете составить мне компанию в ландо Рокхеста. А вы вместе с этим чудовищем, – обратилась она к графу, – думаю, сможете сами о себе позаботиться.

– Как всегда, – отозвался граф, отвесив тетушке изысканный поклон.

Она отвернулась, держа в руке палку и надменно вскинув голову.

– Мисс Берк, вы с друзьями навестите меня. Я хочу больше узнать об этой оде браке.

Никто не осмеливался перечить леди Ратледж, когда она

что-то предлагала, и мисс Берк, исключительно старательная (и благодарная) дебютантка, улыбнулась.

– Для нас это будет огромная честь, миледи, – сказала она, но брошенный на Себастьяна выразительный взгляд был предвестником назревающей ссоры.

В этот день у Себастьяна все шло кувырком. Сначала он пропустил завтрак в саду, потом, приехав извиниться, не обратил внимания на новую шляпу Лавинии. В его оправдание можно сказать, что у нее каждый раз была новая шляпа, так на что обращать внимание?

Очень вероятно, что ему придется забрать у матери все остальные оранжевые цветы и дать обещание сопровождать мисс Берк с сестрами Дьюмонт каждый день всю неделю в их походах по магазинам, чтобы вернуть себе ее расположение.

И как Роуэн на поводке, Себастьян начал чувствовать недовольство требованиями своей почти невесты. До сих пор он старался добиться руки девушки только потому, что ее отец хотел видеть их соседние имения объединенными и, кроме того, мечтал присоединить к недавно полученному титулу барона (который перейдет к Лавинии) старинный титул графа Уолбрук.

О, вероятно, нашелся бы другой, более достойный, более подходящий претендент на руку Лавинии, но у лорда Берка была одна очень веская причина остановить свой выбор на Себастьяне. Долги Марлоу, которые барон оплатил бы после свадьбы дочери, на всю оставшуюся жизнь давали ему власть

над более знатным зятем.

И его дочь, очевидно, тоже все прекрасно понимала.

Как только экипаж Рокхеста отъехал, Себастьян обратил свое раздражение на сестер – и на мисс Уилмонт.

– Мы идем домой, – объявил он. – Рокхест. – Он коротко кивнул графу, надеясь, что тот поймет намек и уйдет.

– К сожалению, я не могу пойти с вами, – заявила мисс Уилмонт. – Мне нужно закончить одно дело. – Она взглянула через плечо Себастьяна на парк у него за спиной. – Я надеялась, что ваш брат сможет оказать мне помощь. Если не возражаете, я подожду здесь его возвращения.

Подождет? Одна? Или, еще хуже, с Рокхестом и его собакой размером с шотландского пони, которая привлекает больше внимания, чем цыганский табор?

И затем еще одна сторона ее отказа кольнула гордость Себастьяна: чем сам он не подходит для того, чтобы попросить его помощи? Но Себастьян взял себя в руки и постарался не обращать внимания на свою пострадавшую гордость.

– Быть может, я смогу оказать вам помощь? – Какую угодно, только бы положить конец этой сцене и увести всех из парка подальше от любопытных взглядов, бросаемых в их сторону.

– О, если бы вы смогли, это было бы чудесно. – Мисс Уилмонт взглянула на него из-под своей ужасающей шляпки, и искорки в ее светло-голубых глазах разбились ему сердце.

Господи, с каких это пор старые девы флиртуют, как кур-

тизанки?

Мисс Уилмонт послала ему еще одну преднамеренно лукавую улыбку, а потом открыла сумку, немного порылась внутри и достала оттуда совершенно необыкновенную вещь – бриллиантовое ожерелье невероятной стоимости.

– Вот это да! – едва не задохнулась Гермиона. – О, Шарлотта! Они просто потрясающие!

Не было никакого сомнения в том, что бриллианты настоящие, потому что они сияли даже в неярком солнечном свете. Но вместо того чтобы поразиться их блеску, как все остальные, Себастьян отступил на шаг назад. Его внезапно охватила жгучая, слепая ревность, которая не имела ни объяснения, ни причины. Как и все остальное в этом странно запутанном дне, вид мисс Уилмонт с этими бриллиантами насторожил его.

– Боже правый! – воскликнул Рокхест. – Откуда у вас это?

– От ее тети, – сообщила всем Гермиона. – Шарлотта получила их как часть наследства. – Она с самодовольной улыбкой посмотрела на Себастьяна. – Как я и говорила тебе вчера, Шарлотта теперь важная персона.

– Не думаю... – начала Шарлотта.

– Их нельзя продавать! – выпалил Себастьян, несмотря на то что ему меньше всего хотелось бы видеть это пленительное украшение у нее на шее.

– Почему? – Замолчав, Шарлотта слегка подняла тонкую бровь.

– Ну, леди не пристало продавать свои драгоценности. – Нервничая из-за того, что с ним не соглашаются, Себастьян попался на ее удочку. – Это совершенно недопустимо. – Она просила его совета и получила его, и Себастьян скрестил руки на груди, считая дело закрытым, но ему следовало бы догадаться, что вопрос не исчерпан.

– Они мои, лорд Трент, и мне решать, продавать их или нет. – Шарлотта убрала ожерелье обратно в сумку. – И если вы мне не хотите помочь, я...

– Вы посоветовались со своей матерью? – перебил ее Себастьян и по упрямо выставленному вперед подбородку уже понял ответ. – Во всяком случае, ваш семейный поверенный должен был бы...

– Лорд Трент, – в свою очередь, перебила его Шарлотта, – а вы советуется с матерью по поводу каждой деловой операции?

Виола тихо присвистнула и попятилась, Гермиона последовала ее примеру, казалось, с трудом сдерживаясь, чтобы не рассмеяться, но Себастьян не стал обращать на них внимания, как и на ухмылку Рокхеста. Граф по-прежнему стоял рядом в развязной позе и смотрел на мисс Уилмонт с восхищением, граничившим с преклонением.

– Советуюсь с матерью? Полнейшее безумие, мадам.

– Замечу, сэръ, – леди улыбнулась ему, – что мне двадцать шесть и у меня есть свое мнение. По-моему, несправедливо, из-за того что я отношусь к слабому полу, полагать, что я

неспособна разобраться в собственных делах. Или вы считаете меня слабоумной?

Себастьян был совершенно уверен, что в этот момент леди абсолютно не интересовало его мнение о ней.

– Она загнала в угол мою тетию и вашу мисс Берк. – Рокхест слегка похлопал его тростью. – Так что предлагаю спастись, пока она не побежала в парламент и не устроила цирк из всего, что нам дорого.

Но Себастьян не собирался отступать. Этой дерзкой девице доставляло удовольствие дразнить его, но он этого не потерпит.

– Мисс Уилмонт, вы имеете представление о том, сколько они стоят?

– Полторы тысячи фунтов, – ответила она, туго затягивая шнур сумки, и посмотрела на него так, словно для двадцатилетней девушки было естественным разгуливать по Гайд-парку с баснословно дорогими камнями, и Себастьян едва не задохнулся.

– Могу я узнать, для чего вам нужна такая сумма?

– Сначала, – ответила Шарлотта, спокойно глядя на него, – я хочу купить платье.

О, все верно, леди просто ненормальная. Ему придется поговорить с матерью о дальнейшей дружбе Гермiony и Виолы с этой мисс Уилмонт.

– Голубое, – добавила она и этим только еще сильнее вывела его из себя.

– То, которое в магазине мадам Клоди! – восторженно подхватила Гермиона. – Я уверена, оно великолепно подойдет тебе, Шарлотта.

– Она не станет продавать эти бриллианты, – заявил Себастьян. – Это неразумно.

Расправив плечи, мисс Уилмонт посмотрела ему прямо в лицо, и на мгновение у Себастьяна промелькнула мысль, что граф, возможно, был прав, – эта женщина его погубит. Но, к счастью для Себастьяна, Рокхест встал между ними почти как правомочный секундант – только с чьей стороны, Себастьян не мог понять.

– Мисс Уилмонт, – заговорил граф, – я думаю, лорд Трент хочет сказать, что ожерелье будет выглядеть лучше на вас, чем в витрине ломбарда.

– Я ничего такого не говорил! – возмутился Себастьян.

– Значит, ты предпочитаешь голубое платье? – У Гермионы на губах заиграла насмешливая улыбка.

Себастьян стиснул зубы, не зная, что хуже: смотреть, как мисс Уилмонт продает семейные драгоценности, словно простые безделушки, или представлять, как соблазнительно она будет выглядеть в голубом платье.

– Полагаю, есть хорошее решение этой дилеммы. Я куплю ваши бриллианты, мисс Уилмонт, – предложил Рокхест.

– Вы?! – взорвался Себастьян. Дело из скандального превращалось просто в губительное, но эту проклятую мисс Уилмонт, по-видимому, несколько не обескуражила щед-

рость Рокхеста. – Если об этом узнают, то, хм, скандал...

– Вы очень любезны, милорд. – Она обошла Себастьяна, как маленький бугорок на пути к осуществлению ее нелепого плана.

– Думаю, так будет лучше всего, – заверил ее наглый граф. – Если их куплю я, то сделка останется между нами и не возникнет повода для непристойных сплетен, которые, как боится лорд Трент, могут повредить вашей репутации.

Пока эти двое заключали сделку, Себастьян метался между отвращением к Рокхесту за его поистине донкихотское вмешательство и раздражением на сестер и мисс Уилмонт за их романтическое восхищение этим мужчиной.

После того как Шарлотта отдала свое наследство Рокхесту, Гермиона объявила всем, что они возвращаются домой, чтобы уговорить мать проводить их за покупками для Шарлотты.

– Новое платье нужно продемонстрировать, – заявил Рокхест, – и у меня есть превосходная идея. Мисс Уилмонт, не согласитесь ли вы... разумеется, с вашей подругой, – добавил он, слегка поклонившись Гермионе, – пойти сегодня вечером со мной в оперу? О, как раз этим утром лорд и леди Гвинн запиской сообщили мне, что не смогут составить мне компанию.

Как же, так все и поверили!

– Не думаю... – кашлянув, начал Себастьян.

– Она будет счастлива, – оборвала брата Гермиона, отгал-

кивая его в сторону. – И я тоже.

– Ну, это мы еще посмотрим, – ответил ей Себастьян. – У мамы может быть другое мнение на сей счет. – Приглашение от Рокхеста? Сомнительная репутация графа постоянно граничила со скандальной, и ни одна солидная дама, будучи в здравом уме, не хотела, чтобы ее дочь имела дело с таким мужчиной.

Себастьян на мгновение замер. Проклятие! Его мать никогда не отличалась здравомыслием: графиня не считала нужным придерживаться предписаний светского общества.

– Возьмите с собой и вашу замечательную маму, – предложил Гермионе Рокхест. – К сожалению, Трент, там не хватит места для вас и мисс Берк. Но вы прекрасно будете видеть нас из их ложи.

Что-то в этом плане показалось Себастьяну чрезвычайно знакомым, но он заподозрил, что все это ему нисколько не понравится.

Как только Шарлотта вошла в оперный зал под руку с лордом Рокхестом, великосветское общество перестало интересоваться мисс Берк при виде вызывающего фасона голубого бархатного платья мисс Уилмонт.

К удивлению Шарлотты, платье в магазине мадам Клоди оказалось тем самым, которое заказала Лотти, и модистка была просто счастлива продать наряд ей, признавшись, что леди, для которой он предназначался, исчезла, а ее дом на Литл-Тичфилд-стрит пуст.

Теперь остался только один вопрос: сможет ли платье, которое так воспламенило безрассудного любовника Лотти, пробить броню добродетели этого Себастьяна?

– Вы создали настоящий переполох, – тихо заметил Рокхест, после того как представил Шарлотту лорду Пилели, занимавшему соседнюю ложу, и проводил ее к переднему креслу в своей ложе – к тому месту, где ее прекрасно могли видеть все.

Тем временем Гермiona и ее мать заняли места позади графа, леди Уолбрук восторгалась его выбором ложи, обеспечивавшей великолепный обзор, а Гермiona сидела на удивление тихо.

– О, мы ни для кого не останемся незамеченными, – провозгласила леди Уолбрук.

– О, не дай Бог. – Шарлотта осознала, что сплетни неизбежно достигнут Куин-стрит и леди Уилмонт не особенно обрадуется, что Шарлотта отправилась в оперу с Рокхестом, ничего ей не сообщив. – Мама этого не одобрит, – тихо сказала она.

– Ваша мать не одобрит обретенную вами популярность? – удивился Рокхест.

– Она будет недовольна, узнав, что приглашение в оперу исходило от вас.

– Вы не сказали ей, что вас пригласил я?

– Господи, конечно, нет, – огрызнулась Шарлотта: характер Лотти снова взял над ней верх.

– Мисс Уилмонт, вы меня удивляете. – Рокхест громко и довольно рассмеялся, привлекая к ложе еще больше внимания.

– Сомневаюсь. – Шарлотта посмотрела через зал на ложу Берков.

– Нет, – покачал головой граф, – в вас есть что-то неподражаемое. У меня такое чувство, словно я давным-давно вас знаю, и мне пришлось напомнить себе, что мы познакомились совсем недавно.

Шарлотта с возросшей тревогой взглянула на него. Только не граф! Предполагалось, что он не должен ничего помнить! Меньше всего ей нужны были его ухаживания, когда она старалась снова завоевать сердце Себастьяна.

Украдкой бросив любопытный взгляд на ложу Берков, Шарлотта с трудом скрыла разочарование, увидев, что она остается пустой.

«Черт побери, – подумала она, употребив одно из любимых крепких выражений Лотти, – когда же они собираются прибыть?»

– Мисс Уилмонт? – тихо окликнул ее Рокхест.

– Хм, да, – ответила Шарлотта, на самом деле не слушая его.

– На той стороне есть что-то или, вернее, кто-то, кто вас интересует?

– О Господи, неужели это так заметно? – Шарлотта, прикусив губу, обернулась к хозяину ложи.

– Только мне, – успокоил он ее. – Позвольте мне догадаться. Так как там еще не занята только одна ложа, принадлежащая лорду Берку, то могу предположить, что предметом ваших безнадежных взглядов и вздохов может быть лишь лорд Трент.

– Простите... Это просто...

– Не волнуйтесь, – беззаботно усмехнулся граф, – я обладаю талантом не видеть то, что прямо у меня под носом. – Он наклонился ближе и шепнул: – Мне кажется, Ваша жертва наконец прибыла. – Он едва заметно кивнул в сторону ложи Берков, где лорд и леди Берк вместе с дочерью, сопровождаемой лордом Трентом, занимали места.

Шарлотта сделала глубокий вдох как раз в тот момент, когда Себастьян, обежав глазами зал, встретил ее взгляд. Она скорее почувствовала, чем увидела его реакцию, – как его тело напряглось, а глаза жадно впились в нее.

Вмиг она снова превратилась в Лотти, а Себастьян – в ее пылкого любовника, с нетерпением ждущего, когда кончится представление, чтобы они могли слиться в порыве страстной, порочной любви.

Пока играла музыка и певцы заунывно исполняли свои партии, Шарлотта больше наблюдала за Себастьяном, чем за действием на сцене.

«Вспомни, – про себя просила она, – вспомни, кем мы были друг для друга».

Когда начался антракт, она едва не вскочила с места, стре-

мясь присоединиться к толпе в фойе, чтобы получить шанс встретиться с Себастьяном.

– Мисс Уилмонт, – обратился к ней Рокхест с выражением насмешливой наивности на красивом лице, – может быть, пройдемся?

– О, с удовольствием, – ответила она, краем глаза наблюдая, как Себастьян провожает в фойе мисс Берк.

– Тогда пойдем и уничтожим вашу соперницу.

– Мою... кого?

– Мисс Берк.

– О, я ничего не имею... – стала возражать Шарлотта, пока не увидела в глазах Рокхеста озорной блеск. – Ну пожалуй, немного есть.

– Бедная мисс Берк, – рассмеялся граф. – Но мне доставляет огромное удовольствие смотреть, когда протеже моей тети получают достойный отпор. Посмотрим, что еще можно сделать в данном случае.

Встав, они повернулись и увидели стоящую в готовности Гермиону, которая горящими глазами смотрела на Рокхеста.

– Как зовут сестру Себастьяна? – наклонившись, шепотом спросил граф у Шарлотты, одновременно улыбаясь леди ослепительной улыбкой.

– Леди Гермиона.

– Ах да. Леди Гермиона, – обратился он к девушке, – не хотите немного пройтись? Ваша мама, по-видимому, весьма занята.

Это так и было. Леди Уолбрук выступала в роли театрального критика перед несчастным, пойманном ею лордом Пилсли.

– О да, конечно, – ответила Гермиона. – Давайте найдем моего несносного брата и покажем ему новое платье Шарлотты.

– У бедняги нет никаких шансов, – рассмеялся Рокхест. Сначала Шарлотта едва дышала в толкучке фойе, но затем при виде Рокхеста и шедшей с ним под руку таинственной леди толпа расступилась.

Не проводи Шарлотта две недели как Лотти Таунсенд, она ни за что не выдержала бы такого множества любопытных взглядов и подозрительных перешептываний. Молодые леди и степенные дамы, куртизанки и дебютантки, повесы и лорды – все с любопытством смотрели на нее.

Вспомнив одно из наставлений Финни, Шарлотта смотрела прямо перед собой и шла рядом с графом, как будто всю жизнь провела в обществе.

– Святые небеса, – прошептала Гермиона, чувствуя себя в своей стихии при всем том внимании, которое они к себе привлекали, – не могу дождаться увидеть лицо Себастьяна.

– А вот и он, – сказал Рокхест. – Посмотрим, как он отнесется к вашему новому платью, мисс Уилмонт.

Их прогулка, начавшаяся так быстро, стремительно закончилась.словно две шеренги остановились напротив друг друга на поле сражения: с одной стороны Рокхест, Шарлотта

и Гермiona, с другой – мисс Берк и Себастьян, а лорд и леди Берк держались позади, как подкрепление.

– Должен заметить, очень напоминает битву при Гастингсе, – пробормотал Рокхест.

– Да. – Отведя назад плечи, Шарлотта нашла достойное применение своему платью. – Я почти слышу, как мисс Берк делает первый выстрел.

– Могу поспорить, мы в конечном счете их одолеем. Наклонившись, он прошептал ей в самое ухо: – Голубой – это ваш цвет, мисс Уилмонт.

Что бы ни говорил Рокхест такого, от чего мисс Уилмонт так очаровательно зарумянилась, Себастьяну это не нравилось – буквально выводило его из равновесия.

– О Боже, – вздохнула мисс Берк. – Здесь эта вульгарная мисс Уилмонт с Рокхестом. Но, думаю, нам придется поздороваться с ними, потому что там ваша сестра.

Себастьян не имел ни малейшего представления, почему так расстроена мисс Берк, но ее чувства совпадали с его собственными: у него не было никакого желания находиться рядом с мисс Уилмонт.

Этот вечер превратился для Себастьяна в настоящий кошмар. С первого же мгновения, когда он вошел в ложу Берков, он был не способен отвести взгляд от невзрачной старой девы, теперь превратившейся в изумительную красавицу.

Как платью могло сотворить такое? Но дело было не только в голубом бархате: казалось, леди ярко светится изнутри. И

к еще пушему раздражению Себастьяна, остальное светское общество это тоже заметило.

Но как он не видел этого прежде?

– Мисс Уилмонт, какое изумительное платье, – заговорила мисс Берк, после того как все обменялись приветствиями.

– Благодарю вас, – ответила Шарлотта.

Лавиния уже открыла рот, собираясь продолжить комментарии, но неожиданно в толпе вокруг них началась паника, и все устремились к своим ложам.

– Черт бы его побрал! – выругался Рокхест, мгновенно оценив обстановку. – Сюда направляется Баттерсби.

Все застонали, за исключением, как отметил Себастьян, мисс Уилмонт. Заметив у нее в глазах расчетливый блеск, он не мог не почувствовать легкого беспокойства, предвещавшего несчастье.

– Лавиния, Трент, пойдете, – скомандовал лорд Берк. – Быстро. Чтобы он на весь остальной вечер не загнал нас в угол.

– Это действительно лорд Баттерсби? – Шарлотта повернулась и поднялась на цыпочки. – У него еще есть акции для продажи?

– Есть, есть, – ответил Рокхест, стараясь поскорее увести ее и Гермioniу. – Он со своими треклятыми акциями испортил весь сезон.

Ко всеобщему ужасу, Шарлотта освободилась от Рокхеста и повернулась в сторону Баттерсби.

– Лорд Баттерсби! Можно вас на минуту, сэр?

– Нет, Шарлотта! – Гермiona схватила подругу за локоть.

– Все знают, что он в отчаянии.

– И я тоже, – бросила Шарлотта и пересекла пустое пространство, прежде чем кому-либо удалось ее остановить. – Лорд Баттерсби, прошу вас, уделите мне немного времени.

Себастьян, Рокхест и лорд Берк использовали различные словосочетания, но все трое смачно выругались.

– Я должен ее остановить, – сказал затем Себастьян.

– Думаю, для этого понадобится мы оба, – поддержал его Рокхест, и они вдвоем бросились вслед за Шарлоттой.

– Лорд Баттерсби, – между тем продолжала Шарлотта, – мне нужно поговорить с вами.

Высокий худой мужчина обернулся, у него на лице было написано изумление, потому что, вероятно, в первый раз за весь сезон кто-то искал его общества.

– Извините мою бесцеремонность, но у вас еще остались акции «Агаты Скай»?

– Акции? Мои акции? – Лорд Баттерсби снял очки, быстро протер их, торопливо снова надел и, моргнув совиными глазами, уставился на мисс Уилмонт. – Ваш отец интересуется ими, мисс... мисс?..

– Уилмонт, – подсказала она. – Нет, милорд, я сама.

Баттерсби нахмурился, заметив приближающихся графа и Себастьяна.

– Очень смешно, Рокхест. Подослать ко мне эту несчаст-

ную девушку, чтобы пробудить во мне надежды. – Он взглянул на виконта. – Я был о вас лучшего мнения, Трент, и всегда считал вас порядочным человеком.

– Это не их проделка, милорд, – успокоила его мисс Уилмонт. – Я хочу купить ваши акции.

Себастьян застонал. Сначала она продала свои бриллианты Рокхесту, а теперь устраивает настоящий спектакль, уговаривая Баттерсби продать ей его ничего не стоящие акции, и делает это прямо в антракте, собрав гораздо больше зрителей, чем это удастся актерам.

– Да это просто шутка, – сказал Рокхест, пытаясь увести Шарлотту. – Славно повеселились, а, Баттерсби?

– Вовсе нет, – ответил мужчина, расправляя плохо сшитый сюртук.

– Я не шучу, – не сдавалась Шарлотта, снова вырвавшись от графа и став прямо перед Баттерсби. – Я хочу купить ваши акции.

– Что ж... – Бедняга Баттерсби поморгал и прищурился, так как, вероятно, еще никогда не видел так близко такое количество женских принадлежностей. – Это, так сказать...

– Мисс Уилмонт, вы устраиваете сцену, – склонившись к ее плечу, шепнул ей Себастьян. – Эти акции ничего не стоят.

– Только не для меня, – шепнула она в ответ. – У меня есть тысяча четыреста фунтов. – Она на мгновение замолчала. – О, увы, только тысяча триста. Я должна оставить сто фунтов герру Тромлеру.

Себастьян не нашел ничего лучше, чем переспросить:

– Герру Тромлеру?

– Да, скрипачу для званого вечера леди Ратледж. Я догадываюсь, ему понадобятся деньги на одежду.

Себастьян и Рокхест застонали в один голос.

– Тысяча триста фунтов? – Баттерсби оторвал взгляд от платья Шарлотты и покачал головой. – О нет, мисс, на эти деньги можно купить лишь третью часть их, а я могу продать их только целиком.

– Но это все, что у меня есть, – грустно вздохнула Шарлотта.

– Сожалею, мисс, – ответил мужчина.

– Жаль, конечно, – сказал ей Себастьян, – но, уверяю вас, вы найдете лучшее применение своим деньгам, чем покупка этих акций.

Она взглянула через плечо на удаляющегося Баттерсби, а потом снова на Себастьяна. Ее голубые глаза были полны таким безрассудством и отчаянием, что у него сжалось сердце.

– Я должна купить эти акции. Пожалуйста, помогите мне убедить Баттерсби продать их мне.

– Но они ничего не стоят, – возразил Себастьян. – Верить, что корабль вернется в порт после стольких месяцев задержки, – значит, принимать желаемое за действительное.

– Иногда желания – это все, что мы имеем. – Некоторое время Шарлотта молча смотрела на него, а потом коснулась рукой его рукава. – Прошу вас, помогите мне осуществить

это.

Себастьян так никогда и не мог понять, что именно в тот момент перевернуло его абсолютно нормальный мир с ног на голову – печаль и отчаяние у нее в глазах или прикосновение ее руки, от которого у него по спине пробежала необъяснимая дрожь.

– Баттерсби, задержитесь на минуту, – услышал Себастьян собственный голос.

– Что, и вы тоже, Трент? – Мужчина обернулся. – Делаете из меня посмешище, как Рокхест?

– Нет, ничего подобного. – Себастьян перевел дух. Это было безумство, умопомрачение, но у него в ушах все еще звучали ее слова: «Иногда желания – это все, что мы имеем». – Я возьму вторую треть, – сказал он, подсчитав, что на покупку уйдут все наличные деньги, которые у него есть. – Это все, что я могу сделать, но, полагаю, вам лучше продать хотя бы две трети, чем ничего.

– Нет. – Баттерсби посмотрел сначала на Себастьяна, потом на мисс Уилмонт и, подозрительно сжав тонкие губы, покачал головой. – В контракте оговорено, что я могу продать акции только целиком. Все или ничего.

– Я не могу больше ничего сделать. – Себастьян посмотрел на мисс Уилмонт, ожидая прочесть у нее на лице разочарование, но вместо этого увидел, что она улыбается ему.

– Вы сделали больше, чем можете себе представить.

– Трент, вы сошли с ума? – К ужасу Себастьяна, мисс Берк

и ее отец подошли к ним сзади, и барон снова заговорил, с каждым словом повышая голос: – Бросать на ветер такие деньги! Неудивительно, что ваша семья в таком стесненном положении.

Уже не в первый раз недавно возвысившийся торговец бросал подобные слова в лицо Себастьяну, но до этого момента виконт старался не обращать на них внимания. Ведь в такой ситуации оказывались многие обедневшие дворянские семьи – им приходилось терпеть пренебрежение новых богачей.

– Вас это не касается, сэра, – оборвал его Себастьян.

– Я не могу оставаться безразличным, когда бросают в канаву большие деньги. Надеюсь, вы не рассчитываете, что я буду оплачивать этот долг?

– Мои финансы – это не ваше дело. – Выпрямившись во весь рост, Себастьян повернулся лицом к будущему тестю.

– Совершенно верно, – вступил в разговор Рокхест. – Мы не позволим вам воспользоваться благоприятным случаем, Берк, эдакий хитрец. Думаете, вы можете отвлечь нас от акций Баттерсби, чтобы самому купить их?

– О, я никогда... – Берк сделался ярко-красным.

– Отлично. – Рокхест обернулся к Баттерсби: – Я покупаю оставшуюся треть, дружище. Вот вы и продали весь пакет целиком.

– Все? – Баттерсби часто заморгал совиными глазами.

– Да, – подтвердил Себастьян, – своеобразное партнер-

ство. Оно должно удовлетворить составителя контракта. – Он с содроганием подумал о таком деловом союзе – с упрямой и скорее всего ненормальной старой девой и с самым заядлым лондонским игроком и повесой. Честно говоря, он был больше согласен с мистером Берком, чем со своим собственным решением.

– Безусловно. – Баттерсби оправился от шока, и его лицо расплылось в улыбке до ушей. – Партнерство вполне допустимо. Да, конечно. Они ваши.

Когда сделка была заключена, Рокхест добровольно предложил, чтобы его поверенный составил документы – на следующее же утро, по настоянию мисс Уилмонт.

– Нет, это безумие! Подумать только, какое безрассудство! – объявил лорд Берк. – Я изменил свое мнение о вас, Трент.

Но прежде чем Себастьян осмыслил услышанное, прозвонел звонок, приглашавший всех вернуться на свои места. Себастьян под руку с рассерженной Лавинией последовал в зал. Второй акт представлял собой жалкую замену той драме, которая разыгралась в фойе, и Себастьян чувствовал себя предметом всеобщего внимания и любопытных взглядов.

А потом, что было еще хуже, он оказался в экипаже Берков, где царила гробовая тишина. Когда экипаж остановился у богатого особняка, барон с женой поспешно ушли в дом, а Лавиния, изменив себе, задержалась.

– О, эта мисс Уилмонт просто бесподобна! – заявила де-

вушка.

– Да, конечно, – согласился Себастьян, проявив несколько неуместный энтузиазм.

Его почти невеста фыркнула, ясно давая понять, что не собирается позволить этой засидевшейся в девках выскочке стать вместо нее центром внимания общества и тем более Себастьяна...

– С ее стороны совершенно непристойно покупать эти акции. Да еще в опере! О, она была похожа на жену торговца рыбой, когда преследовала несчастного лорда Баттерсби.

– Не думаю, что все это так неприлично, – возразил Себастьян, а мисс Берк выразительно подняла тонкие брови.

– Вы заметили ее платье? Честно говоря, так одеваться в ее возрасте просто стыд. Уверена, мы с вами одинаково относимся к этому. Думаю, вы не захотели бы иметь дело с леди, которая настолько не уважает вас, что носит такие вызывающие наряды.

Себастьян не был готов высказать свое мнение о внешности мисс Уилмонт – о голубом платье, о прическе и сияющих глазах, о ее гордой манере держать себя и о тайных взглядах. О, он заметил эти взгляды, и как можно было не обратить на них внимания, если каждый раз, когда мисс Уилмонт смотрела на него, его тело вело себя так, словно Себастьян был неопытным подростком? Вызывало досаду лишь то, что все мужчины в опере тоже проявили к ней интерес.

– По-моему, – решительно продолжала мисс Берк, совер-

шенно не представляя направления его мыслей, – недопустимо, чтобы в обществе появлялись леди, у которых не осталось никаких надежд выйти замуж. Они производят такое тягостное впечатление. Я думаю, мисс Уилмонт...

– Нет! – выкрикнул Себастьян.

– Что – нет? – Мисс Берк, обычно отличавшаяся великолепной выдержкой, посмотрела на него с возмущением и презрением.

– Не произносите больше ни слова о ней, я не желаю ничего слышать.

– Лорд Трент, вам, вероятно, еще придется о ней услышать. После сегодняшнего вечера о ней будет говорить весь высший свет.

– Тогда, я надеюсь, вы останетесь в стороне от такого подлого общества.

– Почему же? – Она спросила это с таким оскорбленным видом, словно Себастьян просил ее появиться на публике в нижнем белье. – Мы просто получили самую прекрасную тему сезона, и все захотят ее обсудить. Конечно, я сделаю все, что в моих силах, чтобы приуменьшить вашу роль в этом деле. – Она на секунду замолчала. – Вы должны знать, что я полностью прощаю вас за вашу минутную слабость.

– Вы меня прощаете? – Себастьян на шаг отступил от нее.

– Да, конечно, дорогой! – Мисс Берк, по-видимому, совершенно не уловила возмущения, скрывавшегося в его словах. – Вы просто помогли этой эксцентричной мисс Уилмонт

из-за ее дружеских отношений с вашими сестрами. Я постараюсь, чтобы все поняли, что вы считали своим долгом...

– Мисс Берк, я повторяю свое требование: вы больше ничего не будете говорить о мисс Уилмонт. Вам понятно?

Непокорный блеск ее глаз удивил его, и Себастьян внезапно понял, что его хорошо продуманный и подготовленный брак по расчету начинает трещать по всем швам, а вместе с ним и будущее его семьи. Он подумал о горе неоплаченных счетов на письменном столе отца и о торговцах, у которых кончались терпение и кредиты. Его семья находилась в отчаянном положении, и только он был способен спасти ее с помощью этой будущей невесты. Проглотив горькую пилюлю, Себастьян задумался – по крайней мере на секунду.

– Хорошо, мисс Берк, вы были правы, я просто думаю о благополучии сестер. Мне не хотелось бы, чтобы скандал хоть в малейшей степени коснулся их и вас, если вы когда-нибудь тоже будете называть их своими сестрами.

Мисс Берк, очаровательно улыбнувшись ему, повернулась и поднялась по ступенькам к входной двери, и Себастьян готов был поклясться, что та вспышка гнева ему, должно быть, просто почудилась.

Разве в этот день он не ошибался в столь многих вещах?

– И это единственная причина, лорд Трент?

– Единственная причина чего?

– Вашего желания, чтобы я ничего не говорила о скандальном поведении мисс Уилмонт сегодня вечером. Это

только ради ваших сестер?

– Да, конечно. – Он поднял голову. – А какая же еще может быть причина?

– Действительно, какая же еще?... – отозвалась мисс Берк.

Глава 15

– Вот ты где! – прозвучало тихое зловещее приветствие позади Куинс в залитом лунным светом уголке Гайд-парка.

За тысячу четыреста сорок три года она научилась мастерски избегать Милтона. Среди кирпичных стен, мощеных улиц и дымных кварталов Лондона было не так уж трудно не дать себя обнаружить, но Куинс знала, что сейчас Милтон упорно стремится вернуть свое кольцо.

«В очередной раз», – подумала она, переходя к кружению на месте на заросшей травой верхушке бугра, где она танцевала.

– Где твои манеры, Милтон? Разве можно так набрасываться на леди? – С опаской глядя на него, она предусмотрительно медленно отошла подальше, чтобы он не мог до нее достать.

Одетый как джентльмен, он предстал перед Куинс весьма представительным и элегантным герцогом. И несмотря на то что никто другой, кроме нее, не мог его видеть, тщеславие не позволило бы Милтону появиться в образе кого-либо менее важного, чем лорд.

– Я знал, что нужно только подождать и ты обязательно придешь в парк, – протянул он, обходя вокруг Куинс, как ошестинившийся кот.

Куинс пробормотала древнее проклятие. Конечно, она

пришла в парк. После того как она провела, казалось, целую вечность в этом грязном, отвратительном городе, ей было необходимо ощутить под ступнями постель из мха, почувствовать под ладонями кору дерева, послушать мягкое бормотание ветра, танцующего среди листвы и нашептывающего ей на ухо свои секреты. Конечно, это было рискованно, но Куинс хотела только немного понежиться в лунном свете в полночный час, а потом снова вернуться в свое убежище. Очевидно, она кружилась в серебряном свете чуть дольше, чем следовало.

– Иди сюда, Милтон. – Она протянула ему руку. – Не хочешь снова потанцевать со мной?

– Нет.

– Пойдем, Милтон. – Она несмело вытянула руку еще дальше. – Сегодня ночью лунный свет просто волшебный. Неужели ты не помнишь ту ночь в Уэльсе, когда мы...

– Куиис, мое кольцо. – Он скрестил руки на груди, не оставив между ними ничего, кроме ледяного отчуждения. – Мне нужно только кольцо.

– Неотесанный чурбан, – пробурчала она и, убрав руку, рассеянно сделала еще один поворот, а потом окончательно остановилась. – А что касается твоего кольца, то неужели ты думаешь, что я пришла бы сюда танцевать, если бы оно было у меня?

– Единственное место, где тебе следует быть, – это там, где можно его получить.

– Оно все еще у нее на руке. – Куинс расправила юбку, ожидая взрыва негодования, и он последовал.

– Как так?! – Обычно невозмутимое лицо Милтона искажилось от гнева.

– Откуда я знаю? – Куинс прикидывала, как ей на этот раз спастись от его ярости. Возможно, ей удастся выкрутиться, и он просто уйдет. – Оно все еще там, и я ничего не могу с этим поделать.

– Но она отказалась от своего желания. – Он прищурился. – Значит, кольцо должно свободно соскользнуть.

Куинс даже не потрудилась спросить, откуда он знает, что Шарлотта подвела черту под жизнь в образе Лотти. Слова Милтона означали: он пристально следит за кольцом и упорнее, чем когда-либо, жаждет вернуть его себе.

– Совсем не обязательно...

– Если только ты не вмешалась. Ты приложила руку к ее желанию, правильно?

– Как ты можешь делать такое предположение, когда я...

– Знаешь, Куинс, – перебил он ее, – на этот раз ты зашла слишком далеко. Ты перемещаешь время туда и обратно, и не думай, что это остается незамеченным.

«Смелее, девочка, – сказала себе Куинс и вздернула нос, хотя в это же время поджала пальцы ног. – Не позволяй ему увидеть, что ты боишься». Однако она не могла отказать себе в удовольствии немного подразнить Милтона.

– Все встанет на свои места, когда он снова влюбится в

нее.

– Ты рискуешь моим кольцом ради человеческой любви?
– Милтон обошел вокруг нее. – Ты что, сошла с ума?

Куинс ощутила, как та его странная магия начинает окутывать ее.

– Она и так его любит, а если он не видит дальше... Разговор шел уже не о Шарлотте и Себастьяне, и они оба это понимали.

– Я не желаю тебя слушать. – Он воздел руки к небу, а затем бросился прочь, но потом остановился, повернулся и погрозил Куинс пальцем. – Я осуществлю то, что должен был сделать с самого начала.

– Милтон! – воскликнула Куинс и бросилась вслед за ним.
– Что ты имеешь в виду?

– Ты сама прекрасно это знаешь. В первую очередь я должен был положить конец этому желанию.

И прежде чем Куинс успела его остановить, он исчез в темноте, отправившись туда, куда даже она не смела ступить.

Шарлотта стояла в библиотеке Марлоу и водила пальцем по названиям на корешках книг, разыскивая вполне определенный том стихов.

«На тот случай, если ты не сможешь никого найти для званаго вечера леди Ратледж, тебе нужно выучить наизусть какой-нибудь отрывок, чтобы выступить», – сказала ей Гермiona.

Поднявшись на цыпочки, Шарлотта продолжила поиски: французские романы, Шелли, Блейк, Шекспир, еще Шекспир. Ну где же тот том, который она ищет?

У нее за спиной открылась и закрылась дверь.

– Черт возьми, Гермиона, я не могу найти Кольриджа. – Она потянулась еще выше. – Ты думаешь, он должен быть в середине, учитывая, как твой...

Продолжая говорить, она повернулась – на пороге с изумлённым видом стоял Себастьян. Шарлотта моментально забыла, что она говорила, что искала, и потеряла дар речи, как всегда, когда оказывалась рядом с ним, но только до тех пор, пока он не спросил, вернее, не потребовал ответа:

– Что вы здесь делаете?

Этого ей оказалось достаточно, чтобы избавиться от комка в горле.

– Я тоже очень рада вас видеть, лорд Трент, – ответила она, изо всех сил стараясь сдержать бурный восторг, наполнявший ее приветствие.

Почему он так рано вернулся? Очевидно, он не слишком надолго задержался с мисс Берк. К собственной досаде, Шарлотта не могла скрыть улыбки.

– Я спросил, что вы здесь делаете.

– Провожу вечер с Гермионой, – ответила Шарлотта. «Должно быть, проводил домой Берков», – пришла к выводу она.

Сделав еще шаг в библиотеку, Себастьян взглянул напра-

во и налево.

– И где она?

– Наверху. А вы, случайно, не знаете, где том Кольриджа?

– Шарлотта кивком указала на полки.

– Верхняя полка, третий ряд, – ответил Себастьян. – А зачем он вам?

– Гермiona хочет, чтобы я выучила поэму для леди Ратледж на случай, если мне не удастся найти герра Тромлера.

– Она бросила на него быстрый взгляд. – Я подумала, что Кольридж был бы очень... очень... поучителен.

Себастьян вытаращил глаза.

– Не хотите же вы сказать, что собираетесь читать Кольриджа на званом вечере у леди Ратледж?

– А что вас так удивляет?

– Ну во-первых, это совершенно невозможно. Он не слишком приличен, если не сказать просто...

– Но вам нравятся его произведения, – не дала ему договорить Шарлотта, вспомнив, как они провели день за городом, по очереди читая эту самую книгу... а в промежутках занимаясь любовью.

– Я... – Он замолчал и пристально посмотрел на Шарлотту. – Это к делу не относится.

– Вы не достанете мне книгу? – Она взглянула на верхнюю полку.

– Нет.

– Могу поспорить, что угадаю ваше любимое стихотворе-

ние, – избрала Шарлотта новую тактику. – Если я окажусь права, вы спустите ее для меня.

– О, я должен добавить еще и талант прорицателя к списку ваших очарований?

– Вы считаете меня очаровательной?

Она отвернулась от полок и направилась через комнату к Себастьяну. На секунду ей показалось, что он собирается встретиться с ней посередине, сжать в объятиях и овладеть ею. Она так страстно мечтала об этом, что почти готова была поверить в такую возможность.

Но в самое последнее мгновение он тяжело вздохнул, обошел ее и, подойдя к полке, потянулся за книгой.

Когда он проходил мимо нее, Шарлотта успела глубоко вздохнуть, и ее наполнил такой знакомый его запах – аромат лавровишневой воды и тот опасный, мужской запах повесы. Несколько секунд она покачивалась, погружившись в воспоминания, казавшиеся такими близкими и одновременно бесконечно далекими.

– Какая поэма? – спросил Себастьян.

– Ч-что? – пролепетала она, возвращаясь в тот мир, где была просто Шарлоттой.

– Вы сказали, что можете угадать мою любимую поэму, поэтому я хочу знать, какая, по-вашему, мне нравится больше всего.

– Страница двадцать семь. – Закрыв глаза, Шарлотта слушала, как Себастьян пальцем переворачивает страницы, и,

когда он дошел до нужной, закончила: – «Воспоминания о любви». – Открыв глаза, она повернулась и увидела, что он в изумлении смотрит на открытую книгу у себя в руках.

– Как вы это узнали? – Он перевел взгляд на Шарлотту.

«Нет ничего такого, чего бы я о тебе не знала, – хотелось ей ответить. – По утрам ты любишь пить не чай, а кофе с тремя кусочками сахара, и чтобы было побольше сливок. Ты терпеть не можешь зеленые жилеты и любишь играть в вист, но только когда я позволяю тебе выигрывать. Когда мы занимаемся любовью, у тебя на лице появляется точно такое выражение, если ты готов получить...»

– Как вы это узнали? – повторил Себастьян.

– Просто повезло, – ответила она, подумав, что он сочтет ее ненормальной, если она расскажет ему правду.

«Я была твоей любовницей, Себастьян. И мы любили друг друга так глубоко, так страстно, что, если бы ты постарался воскресить все в памяти, мы могли бы снова оказаться в том безрассудном мире...»

– Действительно повезло. – Он протянул ей книгу.

Шарлотта взяла ее, и некоторое время они стояли, соединенные теми страницами, которые когда-то днем воспламенили их страсть.

Себастьян взглянул на Шарлотту, и она могла поклясться, что на короткий миг к нему вернулись воспоминания, что он почувствовал, как желание пронзило его тело.

– Мне нужно идти, – с запинкой произнес он, повернулся

и пошел к выходу, но у двери остановился и пробормотал себе под нос что-то, чего она не могла разобрать. Он стоял, опустив по бокам сжатые в кулаки руки и напряженно расправив плечи.

– Что-то не так? – спросила Шарлотта, не решаясь подойти ближе из страха, как бы он не надумал спрятаться в Шотландии.

– Да, – буркнул он, – то есть нет.

– О, вы поссорились с мисс Берк? – прошептала она. – Значит, вы поэтому так рано вернулись домой?

– Нет, конечно, нет. – Он резко повернулся. – Она не из тех людей, кто...

– Да, полагаю, не из тех, – согласилась Шарлотта, и у нее мелькнула мысль: что, если Куинс ошиблась, а сама Шарлотта просто сошла с ума и все ее воспоминания о Себастьяне – лишь мечты и фантазии?

«А теперь уходи, Шарлотта, – подсказал ей голос разума, – пока не выставила себя полной дурочкой и твое сердце окончательно не разбилось пополам».

Ведь оно просто разрывалось сейчас, когда она не смела броситься в объятия Себастьяна, не могла целовать его, когда ее одежда была совершенно пристойной и в полном порядке...

О, это была настоящая мука!

Вздвогнув, Шарлотта взглянула на него и вспомнила то время, когда он был таким страстным, ненасытным и так

близко к ней – когда он обижался, ревновал и сердился на нее.

Да, все это было! Ей нужно разжечь в нем возбуждение – почему ей прежде не пришло это в голову?

– Честно говоря, не могу понять, почему мисс Берк все время говорит «нет», – торопливо добавила Шарлотта. – Вы, несомненно, сделали правильный выбор.

– Что вы хотите этим сказать? – Себастьян нахмурился.

– О, ничего. – Не обращая внимания на его подозрительный тон, Шарлотта подошла к большому креслу у камина и в совсем не подобающей леди манере уселась на подлокотник. – Она очень симпатичная.

Если змею в муслине кто-то может назвать таковой.

– Совершенно верно, – согласился он, – мисс Берк – леди, и она никогда не станет перечить...

– Конечно, нет, – снова перебила его Шарлотта, не обращая на Себастьяна особого внимания, а пристально разглядывая свои ногти, и тоскливо вздохнула. – Она исключительно достойная и положительная, должна это признать. Некоторые могут назвать такого образцового человека ужасным занудой, но, я думаю, вас вполне удовлетворяет отсутствие в ней страсти. – Она дала время этим словам проникнуть ему в сознание, а потом взглянула на Себастьяна, немного изменила позу, как могла бы сделать Лотти, слегка подняв грудь, чтобы натянуть лиф платья, и приподняла уголки губ в дерзкой, загадочной улыбке, – Но то ли это, чего вы хотите на

самом деле, лорд Трент? Вы, кто тайком читает Кольриджа?

Она бросила ему тот самый взгляд, который, по утверждению Арбакла, делал совершенством его Елену Троянскую на портрете, – один из тех манящих взоров, которые могут соблазнить мужчину бросить дом и семью, собрать тысячу кораблей, преодолеть сотню препятствий, чтобы завоевать ее сердце. Назвать ее своей.

Должно быть, он ей великолепно удался, потому что Себастьян с выражением полного шока разинул рот.

– Логги, я...

Услышать из его уст свое имя было опьяняюще приятно. Шарлотта выпрямилась, а потом встала и сделала несколько несмелых шагов к нему.

Но это был совсем не тот безрассудный человек, который показал ей, что такое любовь... во всяком случае, пока еще не тот, рассудила Шарлотта, придумывая, как лучше всего его разбудить. Возбудить.

На нее нахлынули воспоминания: Себастьян врывается в дом на Литл-Тичфилд-стрит, мечтая о ее поцелуе; он, восхитительно нагой, требует по ночам своего. Она позволила страсти закипеть внутри и из-под полуопущенных ресниц бросила Себастьяну взгляд, обещавший восторг и наслаждение.

Себастьян отступил назад, наткнулся на дверь и закрыл ее, так что они оказались запертыми вдвоем в уютной комнате.

– Простите меня, – запинаясь, пробормотал он. – Не знаю, почему я все время так называю вас. Это в высшей степени неприлично.

И хотя он, возможно, нервничал и был готов убежать, Шарлотта достаточно хорошо знала этого мужчину, чтобы понять: он поддался искушению. Несмотря на внутреннее благородство и полную неуместность этой сцены, Себастьян Марлоу считал Шарлотту соблазнительной.

А это все, что ей было необходимо.

– Думаю, да. – Увидев, что он потянулся к ручке двери, она сделала еще несколько шагов к нему. – Но что в этом плохого, если я не возражаю? – Шарлотта улыбнулась и подошла еще ближе, с каждой секундой все больше ощущая себя своим безнравственным двойником.

– Лотти, – повторил он. – Не знаю почему, но это имя подходит вам. – Он стоял неподвижно, напрягшись всем телом. Неловкость между ними и все те эфемерные воспоминания приковали их обоих к месту...

– Нам не следует оставаться здесь вдвоем, – наконец сказал Себастьян, словно предупреждая ее. – Это неприлично. Недопустимо. Могут подумать, что я... ну, что я пытался...

– Пытались обесчестить меня? – Шарлотта улыбнулась. – Вы обесчестите меня, лорд Трент?

Себастьян мысленно повторил вопрос мисс Уилмонт.

Его взгляд быстро сместился от выпуклости груди и изгиба шеи к нежным губам, сжатым и ждущим, чтобы на них

набросились.

Откуда, черт побери, взялась эта девушка? Куда девалась робкая подруга Гермiony, которая, казалось, имела больше общего с драпировками, чем с мужскими статуями его отца?

«Вы обесчестите меня, лорд Трент?»

Ее вопрос продолжал звучать в голове Себастьяна, пока ему на ум не пришло нечто совсем другое, более волнующее.

Что, если ее слова были не вопросом, а предложением?

– Ч-что? – наконец заикаясь выдавил он, словно был совершенно неопытным юнцом.

– Вы меня слышали. – Шарлотта еще приблизилась, двигаясь по комнате, как похотливая кошка. – Вы меня обесчестите?

Так как Себастьян не мог найти слов, он заставил себя просто отрицательно покачать головой.

«Никогда, – подумал он, пытаясь представить себе бесцветную старую деву, имени которой он никогда не мог вспомнить. – Во всяком случае, не собираюсь вас обесчестить», – уточнил он, когда Шарлотта подошла ближе и он чуть не потянулся, чтобы пальцем обвести линию выреза платья, выпуклость ее груди.

О чем он, в конце концов, думает? Это ведь мисс Шарлотта Уилмонт, добропорядочная леди.

– Мисс Уилмонт, – удалось ему произнести.

– Лотти, – поправила она его. – Лотти. – Это имя, скатившееся с ее губ мягким мурлыканьем, снова эхом повтори-

лось в его неконтролируемом сознании.

«Лотти, моя любовь, иди ко мне».

Себастьян встретился с Шарлоттой взглядом, не зная, произнес ли он вслух эти слова или просто подумал.

По блеску у нее в глазах он мог предположить, что громко высказал их или что она знает все его мысли. Женщина, последний раз смотревшая на него вот так, была его... любовницей.

– Мисс Уилмонт, – покачал он головой, – думаю, вам следует... то есть я хочу сказать, мы должны...

Она вскинула бровь и с понимающей улыбкой на губах, слегка наклонив набок голову, двинулась к нему, медленно и соблазнительно, покачивая бедрами и вызывая все тело.

О, дьявол, где это старая дева выучилась двигаться подобным образом?

А этот свет... О, черт бы побрал это сияние у нее в глазах... Оно манило, как призрачный огонь в бушующем море – не обещающий ни покоя, ни безопасности.

Проклятие, он сойдет с ума.

Шарлотта сделала еще один завлекающий шаг к нему, и тогда Себастьян почувствовал аромат – благоухание фиалок, нежное и притягательное.

«Обесчестите меня».

О, теперь не оставалось ни малейшего сомнения – ее слова не были вопросом.

– Мисс Уилмонт, вы приличная женщина. – Даже для его собственных ушей это заявление прозвучало так, словно он заботился больше о себе, чем о ней.

– Но не леди?

– Ну да, конечно, но... – Слава Богу, не все леди в Лондоне обладали очарованием мисс Уилмонт, иначе вся страна погибла бы.

– Но что? – Она незаметно приближалась к Себастьяну, пока не оказалась прямо перед ним, и его защита рухнула, а желание обрело голос, который он старался заглушить.

– Я джентльмен, – предупредил он Шарлотту.

– Я всегда считала вас немного легкомысленным. – Она взглянула на Себастьяна из-под ресниц, и ее глаза сверкнули, словно им было известно нечто такое, что даже для него оставалось тайной.

Он? Легкомысленный? О, что может быть глупее...

Но как бы ни хотелось Себастьяну сказать этой девушке, что ее предположение – совершенная чушь, так как все знают, что он самый разумный из Марлоу, он расправил плечи, выпрямился в полный рост и ощутил непреодолимое желание заключить в объятия мисс Уилмонт и показать ей, каким раскрепощенным он может быть.

«Сорви с нее платье, сними подвязки, вытащи шпильки из путаницы каштановых волос и займись с ней сексом прямо здесь, на ковре».

Встретившись с ней взглядом, он с уверенностью почув-

ствовал, что она не будет противиться его непристойному желанию, что она так же сильно хочет его, как он ее...

Себастьяну с трудом удавалось дышать, когда она, став на мыски своих лодочек, ухватилась за лацканы его сюртука, чтобы удержать равновесие.

– Себастьян, – прошептала она, притянув его ближе, и от того, как интимно прозвучало произнесенное ею его имя, по уже возбужденному телу Себастьяна пробежала дрожь желания, – поцелуйте меня.

И, не дожидаясь от него ответа, она сама это сделала – прижалась губами к его губам без всякого стеснения, без притворства, без сомнения.

И одним стремительным поцелуем мисс Уилмонт погубила его.

Несколько мгновений Себастьян стоял словно оглушенный, не желая признавать очевидного. Этого не могло случиться – во всяком случае, такое не могло произойти с ним. Он не отличался сластолюбием, он был сама рассудительность, а благоразумный джентльмен не...

Но мисс Уилмонт это сделала. Она языком провела по его губам, и Себастьян издал стон; этот звук, казалось, вырвался из самой глубины его души, полный потребности, желания и страсти, которых он даже не подозревал в себе.

Но мисс Уилмонт о них знала. Она вцепилась пальцами в его сюртук и притянула еще ближе, требуя своего.

Когда она прижалась к его уже налившемуся члену, он

стал твердым как камень и, пробудившись к жизни, начал пульсировать.

– Лотти, – прохрипел Себастьян ей в ухо, – Лотти, плутовка, что вы со мной делаете? – К своему удовольствию, он почувствовал, как Шарлотта вздрогнула у него в объятиях.

– По-моему, это очевидно. – Ее тело заскользило по его телу, закачалось вместе с ним, вжимаясь в него, исследуя его.

«Обесчестите меня».

Воображение Себастьяна наполнилось яркими картинками.

Эта бесстыжая девица восхитительно нагая, ее голые ноги сплелись с его ногами, ее тело, выгнувшись, встречает его; он двигается внутри ее, поощряемый ее страстными взглядами.

«Себастьян! О, мой Себастьян!»

Тело Себастьяна напряглось еще сильнее, и он покорился моменту, склонился перед женщиной, которую держал в объятиях. С жадностью вобрав в себя ее губы, он со вспыхнувшей страстью целовал ее, знакомился с ней, упивался бурлившим в ней желанием.

Переполненный вожделением, он развернул Шарлотту спиной к двери, чтобы можно было прижаться к ней всем телом. А она, вместо того чтобы воспротивиться, ответила глухим стоном наслаждения и подняла юбки, чтобы обхватить его ногой и оседлать.

Себастьян потерял разум, лишился всей своей рассуди-

тельности и, освободив из платья ее грудь, большим пальцем гладил сосок, пока тот не затвердел, и тогда настала очередь Шарлотты задрожать от неудовлетворенного желания.

Сильно и грубо прижав ее, Себастьян свободной рукой скользнул ей под поднятые юбки, погладил мягкое дрожащее бедро – и ее горячее влажное местечко уже было готово принять его. Когда его пальцы добрались туда, их губы, до этого слившиеся в поцелуе, разъединились, и рука Шарлотты бесцеремонно прошлась по переду его брюк.

Старая дева исчезла, пропала мисс Уилмонт, добропорядочная леди превратилась в бесстыжее, страстное создание. На месте Шарлотты Уилмонт стояла соблазнительница, которая до конца понимала желание Себастьяна, разжигала в нем потребность...

И она разбудила в нем ту страстную сторону его натуры, о существовании которой в себе он никогда не догадывался, выпустила на волю этого безнравственного незнакомца внутри его, этого распущенного человека, греховодника, который точно знал, чего именно она хочет... и как ей это дать.

Себастьян наклонился, взял в губы ее сосок, с силой втянул его в рот и языком коснулся твердой верхушки. Шарлотта выгнулась, открылась ему, и Себастьян, продолжая свою игру языком, пальцами поглаживал другое набухшее, затвердевшее место.

Там было влажно и скользко, и Себастьян водил по нему пальцем, пока Шарлотта не начала содрогаться, бормоча

нечто неприличное, но вполне понятное: «Возьми меня... Возьми меня сейчас...»

Каким-то образом Шарлотта ухитрилась расстегнуть ему брюки и, освободив его член, водила по нему рукой вверх и вниз возбуждающе и дразняще, дотрагиваясь пальцами до влажного кончика, знакомясь с ним, призывая его. Под рукой Себастьяна ее бедра снова приподнялись навстречу тому, что она держала.

И Себастьян мгновенно представил ее на атласных простынях обнаженной и неповторимо прекрасной, с каштановыми волосами, поблескивающими в сиянии свечей, увидел мысленным взором, как ее тело, переполненное желанием, извивается и зовет его.

«О, Себастьян! О, мой Себастьян!»

И представил самого себя там.

Забыв обо всем на свете и дав волю своим желаниям, он бросается на нее, напористо входит в нее, сливается в одно с ее телом, наполняет его, удовлетворяя ее желание уверенными, мощными движениями.

– Проклятие! – выругался Себастьян и, сжав ее бедра, поднял Шарлоту, готовый наполнить ее прямо здесь и сейчас, хотя и не мог понять, как он до такого дошел, – до этого недостойного, безумного желания, до этой неуправляемой потребности. – Я вас изнасилую, – прохрипел он.

– Я бы не назвала это так, – едва дыша, возразила Шарлотта, пока ее тело продолжало с удовольствием двигаться

вдоль его тела.

Но затем в отсутствующее, затуманенное желанием сознание Себастьяна проник голос, вернувший ему здравый смысл:

– Шарлотта? Шарлотта, ты еще там, внизу?

Гермиона!

Себастьяну потребовалось не больше секунды, чтобы осмыслить развернувшуюся перед ним картину и понять, что увидит его сестра, если позволить ей войти в библиотеку: мисс Уилмонт в полном беспорядке и взъерошенная, ее глаза затуманены желанием, губы припухли от его жадных поцелуев – единственное, что она по-настоящему не изнасилована. А затем Себастьян бросил взгляд на эту растрепанную, до предела возбужденную женщину – неужели это все сделал он?

– Шарлотта, ну где же ты? – снова возмущенно окликнула ее Гермиона.

– Сделайте же что-нибудь. – Снова взглянув на Шарлотту, Себастьян оттолкнул ее на середину комнаты и руками указал на измятое полуспущенное платье.

– Вот так? – Дразня его, она еще ниже опустила лиф и направилась к Себастьяну.

«О Господи, это будет катастрофа», – подумал он, но так и не смог отвести голодного взгляда от ее соблазнительной груди.

Мисс Уилмонт была похожа на знаменитую Елену Троян-

скую – и на греческую красавицу Таунли, и на оболъстительную красотку с масляного полотна Арбакла.

– Шарлотта! – Решительные шаги Гермионы уже доносились с лестницы. – Что с тобой стряслось? Ты зачиталась одним из маминых французских романов? Она специально держит их на самой верхней полке.

Теперь, когда Себастьян вырвался из объятий мисс Уилмонт, его рассудительность помогла ему снова обрести контроль над собой.

– Оденьтесь, – тихо приказал он и торопливо поправил собственную одежду.

Она неторопливо и соблазнительно выполняла его распоряжение, и ему с трудом удалось сдержаться, чтобы не запереть дверь библиотеки и снова не наброситься на эту искусительницу.

«Нет! Нет! Нет! – сказал себе Себастьян. – Помни о мисс Берд. Нет, не так. О мисс Бертон. О, проклятие, как же ее имя? Берк! О мисс Лавинии Берк и ее десяти тысячах годовых».

Он снова взглянул на сияющую Лотти, и от сравнения с расчетливой мисс Берк холодный ужас сковал его по рукам и ногам, пока он наблюдал, как она причесывает пальцами растрепавшиеся локоны и с помощью шпилек придает им хотя бы в какой-то степени приличный вид – если можно было сказать, что в Шарлотте Уилмонт есть хотя бы что-то благопристойное.

Как раз в тот момент, когда она закончила, дверь библиотеки распахнулась, и Себастьян оказался скрыт ею.

– Вот ты где! – воскликнула Гермиона, и в ее словах прозвучало некоторое раздражение, но, правда, его сестра легко обижалась по пустякам. – Я звала тебя со второго этажа, неужели ты меня не слышала?

– Нет, боюсь, я увлеклась чарами... – Себастьян задержал дыхание – ...изумительной поэзии. Она просто захватывает.

Себастьян вздрогнул и пошевелился, откликаясь на ее тихие, обольщающие слова, как гончая на звук рога.

– Ты какая-то красная, – заметила Гермиона. – Ты хорошо себя чувствуешь?

«Превосходно», – ответил бы сестре Себастьян, если бы она интересовалась его здоровьем, потому что он, как никогда, чувствовал себя таким живым, словно пробудился от долгого сна и готов сделать что-то неожиданное, что можно увидеть только во сне.

– Правда, Шарлотта, ты меня слушаешь? – спросила у подруги Гермиона. – Ты выглядишь нездоровой. Может быть, позвать мою маму?

Маму? А почему бы по такому случаю не пригласить леди Паруич с противоположной стороны площади, а заодно и весь остальной Мейфэр?

– О Господи, не нужно беспокоить твою маму. – Взяв том Кольриджа, Шарлотта подошла к выходу и незаметно для Гермионы протянула руку за дверь. – Я правда чувствую се-

бя замечательно, – сказала она, проводя пальцем по губам Себастьяна.

Себастьян чуть не застонал и еще сильнее напрягся.

– Этот вечер был чудесным, – восторженно заговорила Гермiona. – Только мне хотелось, чтобы Рокхест и меня заметил. Если бы ты не была моей лучшей подругой, я бы ревновала тебя из-за того внимания, которое он тебе уделял.

Себастьян мгновенно окаменел. Как он мог забыть о Рокхесте? Сегодня вечером граф проявлял больше, чем следовало, внимания к Лотти – к мисс Уилмонт, поправил он себя. Лучше думать о ней как о мисс Уилмонт, пристойной старой деве, чем как о плутовке Лотти, собравшейся похитить его душу.

– Он меня не интересуется, – успокоила Шарлотта подругу, поглаживая рукой колючую щетину на подбородке Себастьяна, его губы, его щеку. – К тому же Рокхест не любит поэзию. Меня никогда бы не заинтересовал мужчина, который не восхищается Кольридом.

– Ты как Себастьян, – улыбнулась Гермiona. – Он тоже обожает Кольрида. Правда, этому трудно поверить, зная, какой нудный и пристойный мой брат и как скандальны эти стихи. Мама намеренно ставит книгу на самую верхнюю полку, чтобы Виола их не читала.

Себастьян больше не мог терпеть ее прикосновения, пробудившееся в нем безрассудство требовало отмщения, и он, поймав руку Шарлотты, сначала поцеловал ее в ладонь, а по-

том взял в рот один палец и втянул в себя. Услышав глухой вздох Шарлотты, Себастьян улыбнулся – так и надо бесстыжей девчонке.

– Шарлотта, ты уверена, что с тобой все в порядке? – снова спросила Гермiona, зашуршав платьем. – У тебя какой-то странный вид.

– Я просто думала о том, какое стихотворение выучить на тот случай, если мне не удастся найти герра Тромлера.

– Надеюсь, ты не собираешься учить одно из стихотворений Кольриджа, нет?

– Честно говоря, собираюсь, – призналась Шарлотта.

Себастьян от изумления открыл рот, и Шарлотта, воспользовавшись случаем, освободила свою руку.

– Но, Шарлотта, ты устроишь скандал, если прочитаешь одно из этих стихотворений! – воскликнула Гермiona.

– Да, я знаю. – Она быстро заглянула за дверь и нагло подмигнула Себастьяну, а потом отпрянула и последовала за Гермioniой к лестнице.

– Себастьян никогда в тебя не влюбится, если ты окажешься замешанной в скандале, – предупредила Шарлотту подруга.

– На твоём месте я бы не беспокоилась о брате. Ты увидишь, что он стал совсем другим.

Себастьяну хотелось бы с ней поспорить, но для этого ему пришлось бы покинуть свое убежище – и вызвать скандал, который так хотелось устроить мисс Уилмонт.

Он не изменился, сказал бы он им обеим, сказал бы ей.

О, но все же он стал другим.

Голоса девушек постепенно затихали, и Себастьян вдруг понял, что напрягает слух, чтобы еще раз услышать нежный голос Шарлотты, но до него донеслось лишь заключительное заявление сестры, которое буквально потрясло его.

– Полагаю, тебе лучше знать, – согласилась с подругой Гермиона, – ведь это ты влюблена в него.

Глава 16

«Это ты влюблена в него».

Это простое откровение заставило Себастьяна со всех ног броситься в ночь.

Мисс Уилмонт влюблена в него?

«Нелепая идея», – говорил он сам себе, шагая по холодным темным улицам Лондона.

Бодрящий воздух прочистил ему мозги, и к тому времени, как к нему почти вернулась прежняя манера поведения, Себастьян обнаружил, что стоит перед заведением «Уайтс». Ища убежища в своем клубе, Себастьян поклялся, что первое, что он сделает утром, – это принесет свои извинения леди, а потом забудет все произошедшее как не более чем минутное недоразумение.

Любит, как же! Он просто выбросит из головы мисс Уилмонт с ее шелковыми локонами и соблазнительной фигурой.

Но оказалось, что забыть божественную маленькую старую деву совершенно невозможно.

В бильярдной висел портрет Дианы кисти Арбакла, и если прежде Себастьян не обращал на него никакого внимания, то теперь увидел, что богиня охоты дерзко улыбается ему из дубовой рамы. Господи, было похоже, что моделью художнику послужила мисс Уилмонт – те же локоны, те же линии тела, тот же дерзкий, соблазняющий изгиб губ.

Себастьян намеренно повернулся спиной к улыбающейся красавице.

А потом в зале возникла страшная суматоха у книги для записи пари. Хотя Себастьян не принадлежал к тем людям, которые беззаботно заключают пари, – если он вообще их заключал, – но сегодня подошел к толпе щеголей и повес, внезапно почувствовав странное родство душ с этими веселыми и беспечными спорщиками и хвастунами.

– Ставлю пять фунтов на то, что мисс Уилмонт еще до конца сезона выйдет замуж, – заявил один из джентльменов.

– Но за кого? – спросил другой. – Сейчас именно в этом и состоит пари.

– Я женюсь на ней! – выкрикнул мужчина из-за карточного стола. – Уж если приходится надевать кандалы, то, по моему, лучше взять в свою постель милую кошечку, а она, скажу вам, просто очаровательная крошка.

Со всех сторон посыпались сопровождаемые жестами добродушные подшучивания над достоинствами мисс Уилмонт, видимыми и невидимыми, и кратковременная веселость Себастьяна вдруг превратилась в полную противоположность.

Но как это могло быть? Ведь по характеру он не вспыльчивый, а уравновешенный и ответственный человек.

– Черт бы побрал этого Рокхеста! – воскликнул граф Лаймен и помахал бокалом, прося его наполнить, несмотря на то что, по-видимому, уже достаточно выпил. – Не понимаю,

как он это делает. Открывает для общества сокровища, закрытые прямо у нас под носом. – Поднялся гул согласия, и Лаймен продолжил: – Я принимаю ваше пари, Кингстон, и увеличиваю ставку.

Все ждали, горя желанием услышать следующее предложение.

– Держу пари, что перехитрю Рокхеста и лишу его благосклонности леди. Я отведаю вкус ее губ раньше, чем Рокхест сможет завоевать ее сердце с помощью бриллиантов и других побрякушек.

Комнату наполнил смех, подкрепленный неприличными жестами, и настроение Себастьяна стало еще мрачнее. Бриллианты и побрякушки.

– Разве ее мать не Аппингтон-Хиггинс? – поинтересовался один из пожилых членов клуба.

– Да, да, конечно, – ответил другой подслеповатый престарелый повеса. – Эти леди Аппингтон-Хиггинс очень жизнерадостны. Большие кокетки, если вы понимаете, что я хочу сказать.

– Тогда моя задача будет совсем не такой трудной, – пошутил Лаймен, и по залу прокатилась волна грубого мужского смеха.

Себастьян никогда не мог понять, что его так задело, но одна мысль о том, что Лаймен везде будет рядом с Лотти, а совсем не это публичное обсуждение ее добродетели, вывела его из себя и лишила разума.

Невзирая на то что час назад он сам едва не обесчестил девушку, Себастьян не желал выслушивать подобные заявления, тем более от такого жалкого, омерзительного деревенщины, как Лаймен. Молниеносно пробившись через толпу, Себастьян схватил графа за горло и, подняв в воздух, прижал к стене.

– Внимательно послушайте меня, Лаймен, – обратился он к мужчине. – Если только вы приблизитесь к леди, я лично всажу, пулю вам в сердце.

В зале «Уайтс» никогда еще не бывало такой напряженной тишины.

Лаймен издавал булькающие звуки и задыхался, но ничего не мог ответить.

– Вы извинитесь за то, что порочите репутацию мисс Уилмонт. – Себастьян еще сильнее сдавил ему горло. – А потом покинете Лондон.

И опять Лаймен не мог дать вразумительного ответа, а только хрипел.

Ослепленный гневом, Себастьян не заметил, как кто-то подошел и встал с ним рядом, – Рокхест.

– Если вы хотите получить от него ответ, то, полагаю, вам стоит его отпустить, – посоветовал граф своим обычным вежливо-насмешливым тоном.

Гнев Себастьяна остыл, и виконт, переведя взгляд со спокойного лица Рокхеста на посиневшую физиономию Лаймена, сразу же отпустил мужчину. Лаймен глубоко втянул в се-

бя воздух, а когда отдышался, из бледного тотчас же стал пунцовым.

– Как вы смеете, Трент!

Себастьян, который никогда в жизни не участвовал ни в одном сражении, не говоря уже о драке, не знал, что делать дальше, но в одном он был уверен: он не желал видеть Лаймена рядом с Лотти.

О, проклятие, он должен думать о ней как о мисс Уилмонт, иначе окажется в еще худшем положении, чем стоящий сейчас перед ним мужчина.

– Я требую удовлетворения за это публичное оскорбление, – прошипел Лаймен. – Мой секундант зайдет к вам завтра утром.

– Если вы такового найдете, – заметил Рокхест, решительно занимая место рядом с Себастьяном. – Учтите, что когда вы встретитесь с Трентом, я буду вместе с ним. – Граф обернулся к Себастьяну: – Если вы не возражаете.

– Очень вам признателен, – ответил Себастьян, удивленный предложением графа, и подумал, что, возможно, был несправедлив к Рокхесту. Отвернувшись от них обоих, Лаймен в слепой ярости пулей вылетел из «Уайтса», и после его ухода Себастьян оказался в центре внимания.

– Чертовски здорово, Трент, защищать леди.

– Думаю, так и следовало сделать.

– И спокоен, как всегда, – отметил кто-то. Себастьяна похлопали по спине, предложили выпить один бокал, потом

другой, и не успел он оглянуться, как вместе с Рокхестом стал героем вечера: Рокхест – за открытие мисс Уилмонт, а Себастьян – за защиту ее чести.

К следующему дню эта история разрослась до невероятных размеров, и мисс Шарлотта Уилмонт не просто пригасила блеск мисс Лавинии Берк как идеала великосветского общества, а полностью затмила его.

Когда на Куин-стрит доставили первый букет цветов, леди Уилмонт почти не обратила на него внимания, потому что все еще не могла оправиться от обиды за обманутые надежды на наследство тетушки Урсулы.

Но после того как колокольчик прозвенел в тридцать третий раз и холл, утренняя гостиная и столовая оказались заваленными цветами, а простой и прежде пустой поднос переполнился визитными карточками и приглашениями, она разогнала облака негодования и потребовала к себе Шарлотту, а Финелла притаилась в уголке.

– Что ты натворила? – строго спросила леди Уилмонт.

– Ничего, – ответила Шарлотта.

– Так уж и ничего! Леди Берк только что была здесь и сказала, что прошлым вечером тебя видели в опере с графом Рокхестом. С Рокхестом, Шарлотта! И что я должна думать?

– Он пригласил меня и леди Гермину. В этом нет ничего сверхъестественного. Кроме того, нас сопровождала леди Уолбрук.

– Ничего сверхъестественного, она говорит, – бросила ле-

ди Уилмонт Финелле. – А ты знала, что она собирается идти с ним? Финелла покачала головой и тоже встревоженно посмотрела на Шарлотту.

– И если этой лжи еще недостаточно, – проворчала леди Уилмонт, – то мисс Берк сообщила, что должна состояться дуэль из-за твоей репутации. – То, как она произнесла последнее слово, означало, что честь Шарлотты уже под вопросом.

– Дуэль? – прошептала Шарлотта. О Господи, нет.

– Да, как я слышала, на пистолетах. Это неслыханно, поэтому я еще раз спрашиваю: что ты натворила?

– Я не... – попыталась объяснить ей Шарлотта.

– Не остается другого выхода, – объявила леди Уилмонт, – кроме как отказаться от всех приглашений и оставаться дома, пока не утихнет скандал.

– Что?! – в один голос воскликнули Шарлотта и Финелла. Шарлотта взглянула на свою неожиданную союзницу и увидела у нее в глазах то безнадежное выражение, которое ей самой было хорошо знакомо. Такое же точно отчаяние было и у нее в глазах, пока она не надела на палец кольцо тетушки Урсулы и не высказала рокового желания.

– Аврора, – заговорила Финелла, – думаю, ты поступаешь неразумно. Возможно, для Шарлотты это единственная возможность в сезоне.

– В сезоне? В ее возрасте? – хмыкнула леди Уилмонт и покачала головой. – У нее нет приданого и вообще ничего,

что привлекло бы мужчину. Посмотри на нее! В ней нет ничего от Аппингтон-Хиггинсов!

Последняя фраза заставила Финеллу покраснеть, и Шарлотта перевела взгляд с женщины, которую всегда называла матерью, на ту, что ее родила.

Как сказала Куинс, некоторые вещи нельзя изменить: например, своих родителей, свое происхождение.

Между тем леди Уилмонт пристально рассматривала Шарлотту.

– С каких это пор ты стала делать такую прическу?

– Я просто подумала... – Шарлотта коснулась рукой локонов и лент.

– И откуда у тебя это платье?

– Его дала мне леди Уолбрук, – быстро ответила Шарлотта, так как, конечно же, не могла объяснить, что получила деньги, продав бриллианты Лотти. – Она приготовила его для леди Корделии, но потом решила, что этот цвет ее дочери не пойдет.

– Фу! – Леди Уилмонт сморщила нос. – Неудивительно, что у нас здесь цветочный магазин, если ты разгуливаешь по городу, вот так выставив напоказ грудь. – Она вытерла нос платком. – Ты отправишь это платье обратно леди Уолбрук. Мне не нужна такая сомнительная подачка от этих Марлоу.

– Но... – попыталась возразить Шарлотта.

– И мы откажемся от этих приглашений. Я не собираюсь выйти с тобой в свет и дать повод для сплетен.

– Но я... – Шарлотта поняла, что ее мечта летит в канаву. Но ей необходимо снова увидеть Себастьяна. В библиотеке они были так близко друг к другу, он был таким раскованным, а его глаза... О, он смотрел на нее, как прежде.

«О, Лотти...»

– Больше ни слова, Шарлотта. Иди смени платье. – Леди Уилмонт указала ей на дверь. – И оставайся в своей комнате. Финелла, дай мне этот поднос, чтобы я могла начать рассылать соответствующие ответы.

Шарлотта хотела было снова возразить, сказать леди Уилмонт, что она не имеет права помыкать ею, тем более что она уже не юная и даже не доводится ей дочерью, и так и сделала бы, если бы не мольба в глазах Финеллы, подошедшей с грудой приглашений.

«Пожалуйста, не нужно», – умолял Шарлотту ее взгляд.

«Но, мама, я должна», – хотела сказать ей Шарлотта, пока не заметила в кармане фартука Финеллы достопримечательный конверт, точно такой, как она видела на днях у Марлоу, приглашение на званый вечер леди Ратледж.

У Шарлотты округлились глаза, а Финелла быстро спрятала конверт, и, когда девушка встретилась с ней взглядом, она увидела у нее в глазах тот же блеск, какой бывал у Финни, – в них светились вызов и понимание, которые вселили в Шарлотту надежду.

Прошла почти неделя, прежде чем Шарлотте удалось с помощью Финеллы днем выйти из дома. Она отправилась пря-

мо к Гермионе, потому что у нее оставалось очень мало времени на то, чтобы до званого вечера разыскать герра Тромлера. Шарлотта раньше утром послала подруге записку, в которой попросила ее нанять экипаж и хитростью уговорить ее брата Гриффина послужить им сопровождающим.

– Я не знаю, где он, – доложила Гермиона, ровно в два часа встретив Шарлотту на парадной лестнице. – Фенвик говорит, что Грифф ушел час назад, чтобы взять книгу у Хэчарда, и что он клятвенно обещал вернуться к этому времени, но его нигде не видно.

Шарлотта сжала губы. Если бы она все еще была Лотти, то, ни на секунду не задумываясь, поехала бы без всякого подобающего сопровождения, но теперь нужно было думать не только о своей репутации, но и о добром имени Гермионы.

– О, этот Гриффин со своими теориями! – продолжала девушка, все больше сердясь на брата. – Он пробудет там, пока не закроются магазины, и даже не вспомнит, что обещал помочь нам. – Она недовольно вздохнула. – И Себастьяна нигде не могу найти. Он целый день или в своем клубе, или где-то с Рокхестом. Из-за этой дуэли он пользуется такой же популярностью, как и ты.

При упоминании о дуэли Шарлотта пришла в ужас. Господи, ее безнравственный лорд Трент, возможно, был первоклассным стрелком – а Себастьян?

– Мама в приподнятом настроении, – доверительно сообщила Гермиона. – Она уверена, что Берки теперь ни за что

не позволят ему ухаживать за их дочерью.

– А что, если Лаймен... – Шарлотта не смогла закончить фразу.

– Разве ты ничего не слышала? – отмахнувшись от такого предположения, спросила Гермиона. – Конечно, нет, ты ведь сидела взаперти. Мать Лаймена вызвала его домой. Очевидно, она при смерти. – Гермиона усмехнулась. – Она всегда оказывается на смертном одре, когда постыдные наклонности и горячий нрав графа доводят его до неприятностей. Все уладится.

Но Шарлотта не была так уверена.

– Ну вот, – вытянув шею, Гермиона посмотрела на улицу, – только помяни дьявола.

– Лаймен? – Шарлотта тоже посмотрела в ту сторону, но не обладая ростом Гермионы, не смогла ничего увидеть.

– Себастьян. Теперь мы пропали. Он ни за что не позволит нам поехать на Литл-Тичфилд-стрит. И совсем не потому, что он когда-нибудь там был, но я уверена, что он не может о ней не знать.

Себастьян?

Шарлотта встала на цыпочки. Теперь он все погубит.

Погубит?

– Он нам поможет, – заявила Шарлотта. – Должен помочь.

– Я в этом совсем не уверена, – покачала головой Гермиона.

Ее брат, шедший по улице широкими шагами, резко оста-

новился, когда, взглянув вверх на лестницу, неожиданно встретился глазами с Шарлоттой.

– Мисс Уилмонт? – Он не удосужился даже поздороваться с сестрой, но она оставила это без внимания.

– Ты где был? – спросила Гермиона, хотя экипаж уже подъехал и остановился перед ними.

– Вы уезжаете? – спросил Себастьян, переведя взгляд с экипажа на Шарлотту.

– У нас есть дело. – Взяв подругу под руку, Гермиона потянула ее вниз по ступенькам. – Всего наилучшего.

– Что еще за дело? – Прищурившись, Себастьян преградил им дорогу. – И почему вы без горничной?

– Это тебя не касается. – Гермиона с возмущением посмотрела на него. – Ты теперь целыми днями не бываешь дома. – Она остановилась и окинула взглядом его одежду. – Ты хотя бы иногда переодеваешься?

Шарлотта посмотрела на мужчину, который прежде всегда был аккуратно одет и выбрит, и была поражена его превращением, хотя и не имела ничего против его растерзанного вида. Нужно сказать, что взъерошенный, заросший щетиной и осунувшийся, он выглядел так, словно все прошедшие дни провел в ее постели.

Но в нем отсутствовало одно – он не выглядел удовлетворенным. Нет, Себастьян Марлоу имел вид человека растерянного и измученного, и Шарлотта решила подлить масла в огонь.

– Мы едем нанять моего музыканта.

– Хм, это хорошо. – Он почесал подбородок и снова тайком взглянул на Шарлотту.

Расценив его слова как сигнал к спасению, Гермиона потянула Шарлотту и, обойдя брата, направилась к ожидавшему их экипажу.

– Да, этот человек живет на Литл-Тичфилд-стрит, – небрежно добавила Шарлотта, собираясь последовать за другой, которая уже усаживалась в экипаж.

– Ну, сейчас ты получишь, – буркнула Гермиона.

– Литл-Тичфилд-стрит! – последовал бурный взрыв. – Мадам, вы что, сошли с ума?

– В этом есть что-то плохое? – невинно поинтересовалась Шарлотта, с улыбкой оглянувшись на Себастьяна.

– О, ну это где... Я хочу сказать, там определенные... Боже правый, мисс Уилмонт! Гермиона! О чем выдумаете? Отправиться на такую улицу! – Он оглянулся по сторонам. – А мама знает об этом?

– О да, конечно, – улыбнувшись, солгала Гермиона. – Она попросила Гриффина сопровождать нас, но он опять исчез, и теперь нам приходится ехать одним. – Пожав плечами, она опустила на сиденье.

Шарлотта очаровательно улыбнулась Себастьяну и закрыла дверцу экипажа – прямо у него перед носом.

Но дверца не долго оставалась закрытой, он рывком распахнул ее и забрался внутрь.

– Вы в своем уме? Вам нельзя ехать туда вдвоем без сопровождения.

– Но мы должны поехать, – возразила Гермиона. – Иначе Шарлотта не сможет вовремя нанять своего скрипача для званого вечера леди Ратледж.

– Или это, или я прочитаю цикл стихотворений Кольриджа, – любезно сообщила ему Шарлотта и с удовольствием увидела, как у него на лбу выступили вены, казалось, готовые вот-вот лопнуть.

– О, дорогой Себастьян, – приняв от подруги эстафету, Гермиона продолжила изображать наивность, – мы в полной растерянности! Кого же теперь попросить нам помочь?

Шарлотта сжалась бы над ним, если бы ей не так сильно хотелось, чтобы он поехал с ними на Литл-Тичфилд-стрит.

Как он отреагирует, когда окажется перед номером четыре? Вспомнит ли что-нибудь?

«Пожалуйста, Себастьян, поезжай с нами», – молча взмолилась она, а затем Гермиона разыграла козырную карту:

– Думаю, граф Рокхест с удовольствием бы проводил нас. Как ты полагаешь, Шарлотта, мы могли бы воспользоваться его услугами как сопровождающего? Он так равнодушен к тебе, что, по-моему, готов отправиться в дикую Африку, чтобы завоевать твое расположение.

После такого высказывания ее брат глубоко втянул в себя воздух и уселся на сиденье напротив девушек.

– На Литл-Тичфилд-стрит, – приказал он кучеру, и эки-

паж тронулся с места.

Несмотря на то что его вряд ли привлекала перспектива такой поездки или даже сомнительное удовольствие провести время в обществе Шарлотты, он все же заговорил, когда они свернули за угол:

– Давайте покончим с этим делом как можно скорее, пока никто не заметил, чем мы занимаемся. И больше никакой болтовни о Рокхесте. Ты меня слышишь, Гермиона?

Гермиона улыбалась во весь рот, а Шарлотта с той улыбкой на губах, которая так нравилась Арбаклу, со счастливым видом смотрела в окно.

Во время всей поездки Себастьян хмурился и нервничал. Литл-Тичфилд-стрит! Он решил, что обязательно поговорит с матерью о продолжающейся дружбе Гермионы с этой скандальной мисс Уилмонт, но потом понял, что нет, лучше этого не делать. Зная свою мать, он мог догадаться, что она посчитает легкомыслие мисс Уилмонт прекрасным примером для подражания.

Себастьян незаметно взглянул на Шарлотту через разделявшее их пространство экипажа и с досадой обнаружил, что она спокойно и безмятежно смотрит в окно, как будто они днем отправились на Бонд-стрит за покупками, а не на Литл-Тичфилд-стрит.

И все же как могла приличная молодая леди познакомиться с кем-то, кто жил на этой улице, пользующейся определенной известностью? Любопытно.

– Мисс Уилмонт, откуда вы знаете этого музыканта? – Себастьян мог поклясться, что она вздрогнула.

– От кухни моей матери, Финеллы. Она когда-то слышала его игру.

У Себастьяна было такое ощущение, что это не совсем правда, но он не видел, что можно возразить, не выставив себя большим дураком, чем он уже чувствовал себя в присутствии Шарлотты.

В отличие от того дня, когда она была в вечернем наряде, сегодня на ней было невзрачное, поношенное платье, но, несмотря на это, он не смог бы по ошибке принять ее за портьеру. Нет, такого с ним больше никогда не случится.

Себастьян вздохнул и уловил слабый аромат ее духов, который пробудил к жизни его тело и снова привел в то возбужденное состояние, которое в библиотеке довело их до опасной черты.

Теперь он понимал, что это была недопустимая ошибка. Только подумать, чего ему стоил поцелуй мисс Уилмонт! Он учинил скандал в клубе, получил вызов на дуэль и неожиданно приобрел дурную славу, которая не позволяла ему нигде появиться, без того чтобы не привлечь к себе нездоровое и нежелательное внимание.

Несмотря на все это, он снова осторожно потянул носом воздух, но на этот раз уловил только запах печеных лепешек, а вслед за этим заметил стоящую рядом с Гермиейной корзину.

– Что это?

– Продукты, – ответила ему сестра. – Для герра Тромлера.

– Вы собираетесь купить его лепешками?

– Здесь соленая свинина, – Гермиона приоткрыла корзину, – яблоки, сыр, бутылка папиного хереса, банка джема, масло и небольшой окорок.

– Вы опустошили наш погреб? – Себастьян сложил руки на груди.

– Окорок от Шарлотты, – поспешила оправдаться Гермиона.

– У меня не осталось денег, чтобы заплатить этому человеку, – сообщила ему Шарлотта. – Но, думаю, этим можно склонить его к выступлению.

– У вас оставалось сто фунтов после покупки этих нелепых акций, – заметил ей Себастьян.

– Ты тоже купил их, – вмешалась Гермиона.

– Не напоминай мне об этом, – огрызнулся Себастьян. – Во всяком случае, это не объясняет, куда девались ваши сто фунтов.

Мисс Уилмонт взглянула на него и улыбнулась.

О, проклятие, Себастьян ненавидел, когда она вот так смотрела на него, так как знал: это предвещало что-то, что ему не понравится.

– Мне пришлось купить еще одно платье, – объяснила Шарлотта. – Такое, в котором не стыдно появиться на званом ужине леди Ратледж.

«О Господи, только не нужно еще одного подобного вечернего платья», – молча взмолился он. Первое едва не погубило его своим вырезом почти... почти до того места и тем, как оно облегало... ее... ее, хм, формы.

– Не будь таким сварливым, Себастьян. У Шарлотты, как, уверена, и у всех нас, будет достаточно денег, когда вернется «Агата Скай».

Шарлотта кивнула, а Себастьян едва удержался, чтобы не приказать кучеру отвезти их в ближайший монастырь. Он сдаст их обеих на попечение добрых сестер и уберезет Англию – или по крайней мере добропорядочных лондонцев – от их безумных планов. Возможно, за свои мучения он даже получит титул маркиза.

«Интересно, – подумал Себастьян, – что сказала бы сестра, если бы узнала, что наша семья на грани разорения?» При постоянном отсутствии отца и опустошении семейного сундука на финансирование его исследований и при бесконтрольных расходах матери и сестер они все в скором времени могли оказаться в долговой тюрьме.

И тем не менее разве несколько раз за последнюю неделю он не ловил себя на том, что размышляет, какой стала бы его жизнь, если бы невезучий корабль вернулся с трюмами, полными пряностей и сокровищ?

Нет, мечты и желания теперь их не спасут. «Агата Скай», как же! Полнейшее безрассудство! Единственное, что ему остается делать, – это поскорее получить благословение на

брак с мисс Берк.

Но если раньше мысль о том, что он сможет спасти имя своей семьи от позора разорения, приносила Себастьяну некоторое удовлетворение, то теперь она не вызывала прежнего чувства выполненного долга – особенно после того, как он целовал Лотти и испытал удовольствие от чего-то, о чем никогда раньше не имел ни малейшего представления. Но прежде чем эти сумбурные мысли привели его в полное замешательство, экипаж остановился, кучер открыл дверцу, и Гермiona приготовилась выйти.

– Вы с мисс Уилмонт останетесь в экипаже, чтобы вас никто не видел, – остановил ее Себастьян. – Пока я не разыщу этого... этого...

– Герра Тромлера, – подсказала Шарлотта.

– Да, если герр Тромлер живет здесь. – Он вышел из экипажа и закрыл дверцу. – Оставайтесь на месте, – приказал он девушкам и решительно направился к двери, но на полпути остановился: его взгляд привлекла вывеска на окне соседнего дома.

«Сдается».

По какой-то необъяснимой причине небольшое пустое помещение под номером четыре на Литл-Тичфилд-стрит задержало его. Он посмотрел на закрытые ставнями окна и пустые цветочные ящики и нахмурился.

И внезапно этот дом предстал перед ним в совершенно ином виде. Кружевные занавеси; гостеприимный свет в пе-

реднем окне; переливчатый женский смех и музыка – забываемые, волшебные звуки, которые наполняют душу желанием.

Но дверь совсем не такая – зеленая, а она должна быть голубая, такая же голубая, как глаза Лотти.

– Какой очаровательный маленький дом, – раздался рядом с Себастьяном милый голосок.

Обернувшись, он увидел мисс Уилмонт, которая, держа в руке корзину, смотрела на номер дома мечтательным и грустным взглядом.

«О чем она грустит?» – удивился Себастьян, хотя его самого переполняли такие же чувства.

– Разве не чудесно жить в таком уютном доме? – добавила она.

– Здесь?! – воскликнул Себастьян. – Я бы сказал, что соседство...

– Я не вижу в нем ничего плохого, а этот дом мне нравится. – Склонив набок голову, Шарлотта внимательно рассматривала его. – Но что-то здесь не так.

– Дверь, – произвольно вырвалось у него.

– Да! Она должна быть...

– ...голубая, – произнесли они в один голос.

Себастьян взглянул на Шарлотту, ее голубые глаза молили его о чем-то таком, чего он не мог ей дать, потому что уступить своему влечению к этой женщине означало поставить семью в еще более тяжелое положение. Он снова по-

смотрел на пустой дом и понял, что у него есть только одна-единственная возможность.

Однако когда он снова обернулся к Шарлотте, оказалось, что ее рядом нет. За эти несколько секунд она успела подняться по соседней лестнице и позвонить в колокольчик меблированных комнат герра Тромлера.

– О, мисс Уилмонт, – остановил ее Себастьян, – вы должны предоставить мне навести справки.

Шарлотта отошла в сторону, дав ему возможность позвонить в колокольчик еще раз.

Дверь слегка приоткрылась, и из нее выглянула женщина с узким лицом и копной грязных седых волос.

– Идите прочь! Я не сдаю комнаты на несколько часов.

– Мадам, мы пришли вовсе не за этим, – исключительно вежливо ответил ей Себастьян.

– Тогда что вам нужно? – Его тон, очевидно, не произвел на женщину никакого впечатления.

– Мы хотим видеть герра Тромлера.

– Какие у вас с ним дела? – Глаза хозяйки дома превратились в узкие щелочки.

– Вас, мадам, это не касается. А теперь немедленно пригласите его сюда.

– Я что, обязана это делать? – пробурчала женщина и сложила руки на тощей груди.

– Прошу вас, мадам. – К радости Себастьяна, Шарлотта

вышла из-за его спины. – Мы хотели бы нанять его играть на скрипке на вечере. В Мейфэре.

От двух слов – «нанять» и «Мейфэр» – в зеленых глазах хозяйки вспыхнул огонь, и она с подозрением спросила:

– Вы ему заплатите?

– Да, мадам, – ответила Шарлотта, – золотом.

– Ждите здесь, – сказала женщина и торопливо пошла наверх, но на середине лестницы остановилась, вернулась вниз и, взяв Шарлотту и Себастьяна под руки, затащила их в дом и закрыла дверь. – Лучше, если вы подождете внутри. – Потом она снова поднялась по лестнице и закричала во всю силу своих легких: – Тромлер! Мистер Тромлер! К вам гости. Они могут заплатить!

– Я в состоянии объяснить причину нашего визита без вашей помощи, – проворчал Себастьян.

– Да, милорд, – покорно согласилась Шарлотта, и в ее искренности можно было бы поверить, если бы не своенравный блеск у нее в глазах.

– Я думал, у вас не осталось золота, – наклонившись, сказал он.

– Не осталось.

– Тогда зачем вы сказали хозяйке этого человека, что собираетесь расплатиться с ним?

– Я надеялась, что вы могли бы сделать небольшое пожертвование в пользу искусства.

Себастьян не успел сказать ей, что ни при каких обстоя-

тельстввах не собирается вкладывать деньги в какие-либо ее безрассудные проекты. В это время сверху спустился жалкого вида мужчина, и его нос почти мгновенно затрепетал, так как Шарлотта заранее сняла с корзины накидку, чтобы до него долетел запах теплых лепешек.

– Герр Тромлер, – поздоровалась Шарлотта и, протянув парню руку, позволила ему поднести ее к губам, – для меня большая честь познакомиться с вами. – Владелица меблированных комнат, как ястреб наблюдавшая за происходящим (а точнее, ожидавшая появления обещанного золота), фыркнула, но Шарлотта не стала обращать на нее внимания. – Могу я попросить вас, чтобы в четверг вечером вы пришли и играли на званом ужине леди Ратледж?

На мгновение у мужчины загорелись глаза, но затем плечи у него опустились, и он потупился.

– К сожалению, фрейлейн, не смогу. На прошлой неделе я продал свой единственный сюртук.

– И вы продадите брюки и этот свой инструмент, если не заплатите то, что еще должны мне, – добавила хозяйка.

– Думаю, под окороком вы найдете замену своему утраченному сюртуку. – Потянувшись вперед, Шарлотта сунула корзину мужчине в руки.

– Сюртуку? – переспросил Себастьян.

– Окорок? – повторила женщина таким же удивленным тоном и, высунув нос из-за плеча герра Тромлера, взглянула на щедрый подарок.

– Я подумала, что вам, вероятно, хотелось бы иметь что-либо подходящее для такого особого вечера, – улыбнулась Шарлотта бедному музыканту. – И уверена, вы увидите, что он великолепно вам подходит.

Себастьян в изумлении смотрел то на Шарлотту, то на герра Тромлера. Где, черт побери, она взяла мужской сюртук, если откровенно призналась, что у нее нет денег?

Пока Шарлотта окончательно договаривалась с герром Тромлером, Себастьян еще раз окинул его внимательным взглядом: музыкант был худым, но почти такого же роста, как сам Себастьян.

Такого же роста?

Нет, она этого не могла сделать! Она не имела права!

Когда с делами было покончено, Себастьян проводил Шарлотту из дома, но, прежде чем спуститься по лестнице, не мог не спросить:

– Мисс Уилмонт?

– Да, лорд Трент?

– Для меня будет сюрпризом, если в четверг этот человек появится на званом вечере леди Ратледж в сюртуке, который покажется мне смутно знакомым?

– Ну, – она улыбнулась Себастьяну, – теперь это не будет для вас большой неожиданностью, верно?

Ну и наглость!

– Лорд Трент? – обратилась к нему Шарлотта, когда они пошли вниз по лестнице.

– Да, мисс Уилмонт?

– Постарайтесь не удивляться, если рубашка, шейный платок и жилет герра Тромлера тоже покажутся вам странно знакомыми.

Себастьян закрыл глаза. По-видимому, выражение «странно знакомые» становилось обычным для этого дня. Господи, ему оставалось только надеяться, что Лавиния ничего не заметит, потому что девушка проявляла наблюдательность к одежде, уступавшую только способности ее отца извлекать выгоду.

– Мисс Уилмонт?

– Да, милорд?

– Не вмешиваетесь ли вы в мою жизнь?

– Ни в коей мере, Себастьян. – Улыбка, которой Шарлотта одарила его на сей раз, пришла прямо с портрета Дианы, написанного Арбаклом.

И зачем ему понадобилось спрашивать?

Беспокойство Себастьяна о репутации девушек не было безосновательным. Литл-Тичфилд-стрит постоянно, днем и ночью, была полна гостей, и нашлась пара глаз, которая заметила, как улыбающаяся Шарлотта и небрежно одетый лорд Трент спускаются по лестнице дома помер пять.

Мисс Уилмонт и лорд Трент вместе на Литл-Тичфилд-стрит?

О, это скандал!

Можно сказать, позор.

Глава 17

10 мая 1810 года

Судьбоносный четверг, если такой когда-либо существовал

Проснувшись утром в день приема у леди Ратледж, Шарлотта чувствовала себя более уверенно, чем когда-либо.

У Себастьяна кое-что всплыло в памяти о доме на Литл-Тичфилд-стрит – он вспомнил дверь. Возможно, это было и не так уж много, но все-таки давало Шарлотте небольшую надежду.

Теперь все, что предстояло ей сделать, – это прибыть на званый вечер леди Ратледж (Финелла обещала помочь ей удрать из дома), а когда заиграет Тромлер, его сонаты побудят Себастьяна снова соблазнить ее.

Если ей удастся получить от него еще один поцелуй, то едва ли Себастьян сможет оставаться в стороне от нее – всегда. А еще, на ее счастье, именно в это утро «Агата Скай» придет в лондонский порт, и их акции будут стоить целое состояние! У Себастьяна отпадет необходимость жениться на мисс Берк, и тогда он будет свободен...

Здесь Шарлотта себя остановила. Ей не хотелось даже думать об этом, чтобы не произошло что-то, что спугнет ее везение.

Но ей не нужно было себя сдерживать, потому что удача в

это утро действительно покинула Шарлотту: подойдя к двери своей спальни, она хотела открыть ее, но та оказалась запертой.

Себастьян делал все, что мог, чтобы вернуть расположение мисс Берк, а заодно и ее родителей.

Он выбросил из головы все мысли о Лотти... о мисс Уилмонт, и в этот вечер, после выступления Лавинии, он и мисс Берк объявят о своей помолвке, и так будет лучше всего.

«Да, – в сотый раз повторил себе Себастьян, – женитьба на мисс Берк – это самое лучшее решение».

Но, к его досаде, семейства Берк и Марлоу одновременно прибыли к городскому дому леди Ратледж, а он надеялся держать их в разных концах зала, до тех пор пока все окончательно не уладится. Себастьян не доверял матери и сестрам, подозревая, что они могут придумать какой-нибудь нелепый план, чтобы остановить его, – особенно с тех пор, как они приобрели искусную помощницу в лице мисс Уилмонт.

– Леди Гермiona! Как замечательно! – воскликнула Лавиния при виде его сестры, выходящей из наемного экипажа. – Какой костюм! Ну просто неповторимый... Пожалуй, мне тоже хотелось бы выступить в театральном костюме, но, увы, моя ода браку требует более скромного и строгого платья. – Распахнув накидку, она продемонстрировала дорогое белое платье, расшитое золотыми нитями и сверкающим хрустальным бисером.

– Ода браку? – саркастически усмехнулся Гриффин. – По-

жалуй, можно было просто принести с собой пару кандалов и немного побренчать ими.

– фу! – Взглянув на семейство Марлоу, леди Берк подтолкнула вперед дочь вместе с Себастьяном, но суতোлка у дверей остановила их всех.

– Сожалею, сэръ, но вас нет в списке приглашенных.

– Но меня пригласила мисс Уилмонт. Себастьян мгновенно узнал голос герра Тромлера.

– Боюсь, я не могу впустить вас без мисс Уилмонт, – остался непреклонным внушительного вида мажордом.

– О Боже, Шарлотта до сих пор не прибыла! – испуганно воскликнула Гермиона.

Так как они были последними из гостей и улица уже опустела, то стало очевидно, что она не появится вовремя.

– Себастьян, – Гермиона потянула брата за плащ, – ты должен поехать и привезти Шарлотту!

– Почему он должен это делать? – обернулась к ней мисс Берк, не дав ему времени на ответ.

– Потому, – ответила Гермиона, ничуть не смущенная ее ледяным тоном, – что если Шарлотта не приедет, герр Тромлер не сможет выступить.

– Скорее всего мисс Уилмонт пришла в себя и заняла положенное ей место, – присовокупила свое мнение к обсуждению леди Берк и бросила выразительный взгляд сначала Себастьяну, а потом Гермионе. – У нее нет ни талантов, ни денег, и ей вообще нечем похвастаться. – Она посмотрела на

Тромлера. – Неудивительно, что она решила не выставлять себя на посмешище, представив этого жалкого человека талантливым музыкантом. О, вы только взгляните на его безобразный сюртук!

Леди Уолбрук, которая до этого момента была занята разговором с другой дамой, теперь повернулась и снисходительным тоном, который, как было известно Себастьяну, она использовала только тогда, когда была готова устроить сцену, поинтересовалась:

– Что там с Шарлоттой, леди Берк?

– Она еще не прибыла, а Себастьян не хочет за ней поехать, – доложила Виола, радуясь возможности принять участие в назревающей стычке.

– И герр Тромлер не сможет играть, – быстро добавила Гермiona. – Шарлотта утверждает, что он виртуоз, мама. И мы пропустим его лондонскую премьеру!

Приняв опасный оборот, события стали выходить из-под контроля, и Себастьяну показалось, что он очутился в центре водоворота, где его разрывали и тянули в разные стороны.

Так и было.

– Себастьян! – Мисс Берк, взяв его под руку, потянула к себе, чтобы увести от семьи. – Нужно идти в дом, все лучшие места окажутся занятыми.

Но он не пошевелился, а когда она посмотрела на него со злостью и холодным презрением, почувствовал, что прико-

ван к месту.

И это, как могла бы выразиться его мать, стало поистине переломным моментом.

Именно в то самое мгновение, когда Лавиния Берк надменно вздернула нос, великолепно подражая высокомерию матери, Себастьян ясно увидел, что ждет его в будущем, если он женится на ней – на ее деньгах – и навсегда свяжет себя обязательствами перед ее семьей.

Он никогда не повезет вместе с Шарлоттой голодному музыканту корзину с продуктами и не станет разбирать ее с ним, не увидит, как она покупает ничего не стоящие акции пропавшего корабля, как мечтательно смотрит на маленький пустой дом на Литл-Тичфилд-стрит, жалея, что не может жить по этому адресу.

И тогда Себастьян понял, чего ему так отчаянно будет не хватать в жизни.

Страсти.

Перевоорачивающего жизнь, непроходящего, опасного желания, которое способно лишить человека здравого смысла.

Но, как решил Себастьян, нельзя ставить знак равенства между здравым смыслом и счастливой жизнью, а потом он понял: ему нужна Лотти, он хочет жизни, полной поэзии и борьбы, страсти и бесконечных поцелуев.

– Где я могу ее найти? – спросил он у Гермiony.

– Куин-стрит, номер одиннадцать. – У его сестры глаза наполнились слезами.

– Вы же не хотите сказать, что собираетесь поехать и привезти ее сюда? – спросила мисс Берк. – Если вы это сделаете, лорд Трент, я никогда вас не прощу.

– Если я этого не сделаю, то сам никогда не прощу себя. – Он убрал со своего локтя ее руку и почувствовал себя так, словно сбросил кандалы.

– Фу! – буркнула леди Берк и вместе с дочерью зашагала наверх, в дом леди Ратледж.

А перед ним возникла леди Уолбрук, и у нее в глазах Себастьян заметил то, что редко там видел: лучистый свет, наполненный гордостью.

– Молодец, Себастьян. Отец будет тобой гордиться.

– Я погубил все отношения с Берками, – ответил он ей.

– Мой дорогой мальчик, мы, Марлоу, всегда делали сами свою судьбу. Наши решения идут из сердца.

Себастьяну оставалось только желать и надеяться, чтобы она оказалась права.

Шарлотта сидела на своей узкой кровати; у нее уже не осталось слез, чтобы плакать. Мать не позволила ей отправиться на званый вечер к леди Ратледж, она была непреклонна, и особенно после того, как ее посетила леди Берк, которая сообщила униженной леди Уилмонт, что Шарлотту видели с джентльменом возле дома на Литл-Тичфилд-стрит.

– А это может означать только одно, – заявила леди Берк.

Реакция леди Уилмонт была моментальной и решитель-

ной: она не допустит, чтобы ее дочь опозорила имя Уилмонтов, и поэтому Шарлотта останется взаперти в своей комнате до той поры, пока не состарится и не сможет вызывать у мужчин недостойные желания.

Шарлотта плакала и упрашивала, колотила в дверь и умоляла выпустить ее, но леди Уилмонт не желала ничего слушать.

И теперь она уже целый час сидела в комнате, одетая для вечера, на который не сможет попасть. У нее еще теплилась надежда, что волшебство Куинс все-таки поможет осуществлению ее мечты, поэтому она надела платье, которое купила специально для этого вечера и держала спрятанным под кроватью, а потом, всхлипывая и хлюпая носом от жалости к себе, сделала прическу.

Она высказала тысячу желаний, и все они были связаны с Себастьяном.

– Лучше бы мне никогда не знать его любви, чем потерять ее, – прошептала Шарлотта и, вертя на пальце кольцо, прокляла тот день, когда оно вошло в ее жизнь.

А как же «Агата Скай»? Вошел ли этим утром корабль с триумфом в порт? Конечно, кто-нибудь мог бы прийти и сообщить ей хорошие новости, и тогда ее мать, несомненно, уступила бы.

Однако, взглянув на часы, Шарлотта с трудом удержала новый поток слез. Десять часов. Вероятно, званый вечер леди Ратледж уже начался. Гермиона и Виола выдержали еще

одно театральное испытание, устроенное для них матерью; мисс Берк ошеломила слушателей своей поучительной и мастерски продекламированной одой.

А Себастьян? Скорее всего сейчас он объявляет о своей помолвке с Лавинией, как сказала леди Берк матери Шарлотты.

Шарлотту радовало лишь то, что герр Тромлер в этот вечер будет праздновать победу и простит ей ее отсутствие.

Но это было маленькое утешение.

Тяжело вздохнув, Шарлотта встала с кровати, собираясь снять парадный наряд и посвятить свою разрушенную в прах жизнь мелочным жалобам матери, когда неожиданно услышала отдаленный, но отчетливый звон колокольчика над входной дверью. Через несколько секунд по дому разнесся еще один резкий звон, а к тому времени, когда колокольчик прозвонил в третий раз, Шарлотта уже прижалась ухом к двери спальни.

Снизу до нее донесся скрип входной двери и недовольный гул голосов, но постепенно слова стали настолько громкими, что долетели до ее комнаты и Шарлотта смогла ясно разобрать их.

– Вон из моего дома! – кричала леди Уилмонт. Несмотря на то что у Шарлотты не осталось никаких надежд, ее сердце застучало, она закрыла глаза и пожелала только того, что сейчас имело смысл. Затем вверх по лестнице застучали шаги, и она отскочила назад.

Дверь отперла Финелла и с взволнованным видом стремительно вошла в комнату.

– Ты любишь лорда Трента? – задыхаясь, спросила она.

– Что? – Шарлотта не могла этому поверить.

Финелла замерла, по-видимому, пораженная видом Шарлотты, одетой в бархатное платье, но быстро оправилась и, улыбнувшись, взяла Шарлотту за руку.

– Ты любишь лорда Трента?

– Да, – прошептала Шарлотта.

– А он любит тебя?

– Я могу только мечтать об этом, – ответила ей Шарлотта.

– Больше не мечтай. Виконт внизу старается сломить оборону Авроры. Он заявляет, что сегодня вечером добьется тебя и никто его не остановит.

– Он здесь? – У Шарлотты глаза снова наполнились слезами. – Ради меня?

– Да, да. Поэтому нечего стоять тут. У тебя сегодня дебют.

Шарлотта последовала за Финеллой вниз, но все еще не решалась до конца поверить в такую перемену судьбы – до тех пор, пока не миновала последний поворот лестницы и не увидела в холле его, спорящего с леди Уилмонт.

– Мне наплевать, что вам сказали, мои намерения в отношении вашей дочери... – В это мгновение Себастьян увидел Шарлотту и, забыв о леди Уилмонт, пробежал мимо почтенной матроны, остановился у лестницы и протянул Шарлотте руку. – Вы выглядите потрясающе, – сказал он, когда пальцы

Шарлотты сжали его руку.

– Вы пришли за мной? – прошептала она.

– Да. А за кем же еще?

– Но я думала... – Встретившись с ним взглядом, Шарлотта не смогла закончить фразу, ей было страшно спросить: ее сердце могло или разбиться, или наполниться счастьем.

– Никогда больше не думайте об этом. Для меня не существует других женщин.

– Но у меня нет состояния, нет наследства. – Шарлотта старалась высвободить пальцы, но Себастьян крепко держал ее. И насколько близка она была к тому, чтобы отправить его обратно к мисс Берк и ее десяти тысячам годового дохода, настолько же ее сердце было готово взорваться от радости.

– Мы, Марлоу, сами делаем свою судьбу, так мне сказали, – ответил Себастьян. – И я решил связать свое будущее с вами.

– Но только без моего благословения, наглец! – объявила леди Уилмонт. – Я прекрасно знаю, что у вас за намерения! – Она обернулась к Финелле. – Кровь свое возьмет! Вот, пожалуйста!

– Аврора! – возмутилась Финелла. – Позволь Шарлотте пойти на званый вечер. Это ее шанс занять место в обществе.

– Нет. Она собирается уйти со скандалом и принести этому дому позор и разорение, как...

– Мадам, – перебил ее Себастьян, – я уже сказал, что просто отвезу ее к леди Ратледж. В этом нет ничего непристой-

ного.

Леди Уилмонт несколько раз безмолвно открыла и закрыла рот, а потом ее глаза злорадно загорелись.

– У нее нет сопровождающей. Она не может поехать с вами без компаньонки. Я ей запрещаю.

У Шарлотты остался единственный выход, пришло время пустить в ход все, чему она научилась, будучи Лотти.

– Мама, – сказала она, сделав глубокий вдох, – вы поедете со мной?

– Я, конечно же, не появлюсь в обществе с тобой, бесстыдница! – заявила леди Уилмонт.

– Я обращаюсь не к вам, – покачала головой Шарлотта и повернулась к Финелле: – Вы поедете со мной... мама?

Еще произнося свою просьбу, Шарлотта уже осознала, что она делает – объявляет себя незаконнорожденной перед всем миром и перед Себастьяном.

В этот момент она не осмеливалась взглянуть на него, а встретила взглядом с глазами Финеллы, полными слез.

– Как ты об этом узнала? – спросила леди.

– Какое это имеет значение? – отозвалась Шарлотта и повернулась к Себастьяну: – Думаю, вы имеете право знать. На самом деле я не Уилмонт. Финелла родила меня вне брака...

– Нет! – возмущенно воскликнула леди Уилмонт.

– Они договорились, – продолжала Шарлотта, теперь не боясь того, что может сделать ее подставная мать, – что леди Уилмонт объявит меня своим ребенком, чтобы спасти репу-

тацию Финеллы – и, возможно, самое себя, потому что, окажись я мальчиком, то титул и земли лорда Уилмонта перешли бы ко мне, а не к его кузену.

– Она, – зарыдала леди Уилмонт, указывая на Финеллу, – обещала, что будет мальчик. А я согласилась на ее идиотский план только потому, что титул Нестора переходил к его жалкому расточительному кузену, а мне нужен был ребенок, чтобы унаследовать его. Нужен был сын. Но потом появилась ты, и мне уже ничего не оставалось, как воспитывать тебя как собственную дочь. Я лишилась дома, места в обществе. А что мое дурацкое милосердие принесло мне?

– Очаровательную молодую женщину, – ответил Себастьян, взяв Шарлотту за руку.

Все три леди в изумлении смотрели на него.

– Для вас это не имеет значения? – спросила Шарлотта.

– Прежде, возможно, и имело бы, а теперь нет, – покачал он головой и совершенно беспечно усмехнулся, и Шарлотта ответила ему улыбкой.

– Будет иметь значение, когда все общество узнает правду о ее рождении, – злобно прошипела леди Уилмонт.

– Попридержи язык, Аврора, – прикрикнула на нее Финелла, напомнив Шарлотте ее любимую, расчетливую, деловую Финни, – или я сегодня же вечером вышвырну тебя из этого дома. Не забывай, это мой дом.

– Ты не посмеешь! – Аврора выпрямилась.

– Посмею и сделаю! Оставь Шарлотту в покое. Она в це-

лости и сохранности с лордом Трентом.

– Ее видели с этим мужчиной на Литл-Тичфилд-стрит, – бросила ей в ответ Аврора. – Он не собирается на ней жениться. Так сказала мне леди Берк.

– Леди Берк? – переспросил Себастьян.

– Да. – Аврора вздернула нос вверх. – Мы с ней старые друзья. Она заходила вчера и рассказала мне все: что вы почти помолвлены с ее дочерью, но что дурные склонности Марлоу позволят вам заманить Шарлотту в греховную жизнь. Леди Берк узнала из весьма надежного источника, что вы предлагали Шарлотте дом на Литл-Тичфилд-стрит! А мы все знаем, что это означает!

– О да, – заметила Шарлотта, – я вполне могу догадаться, кто этот надежный источник. Это лорд Берк. Скорее всего он навещал свою любовницу в пятнадцатом номере. Бедная женщина!

Леди Уилмонт от удивления выпучила глаза, а Шарлотта и Себастьян, переглянувшись друг с другом, рассмеялись.

– Теперь я понимаю, почему вы хотите купить тот дом! – пошутил он. – Чтобы следить, кто к кому приходит.

– О, какой стыд! Финелла, тебе не нужно выгонять меня, я сама уйду, – объявила леди Уилмонт.

Но никто не обратил на нее внимания, потому что Себастьян, заключив Шарлотту в объятия, целовал ее, а Финелла... О, Финелла была занята тем, что вытирала слезы радости за свою дорогую дочь, потому что каким-то необъясни-

мым образом вдруг осуществились все ее мечты о будущем Шарлотты.

Они прибыли к леди Ратледж как раз в тот момент, когда мисс Берк заканчивала декламацию:

Как отцветает цветок, так и жизнь проходит, Но наши помыслы и сердца всегда едины.

Она замолчала, горделиво вскинув голову, и через минуту в комнате раздались вежливые аплодисменты, управляемые леди Ратледж, которая подталкивала своих ближайших соседей, заставляя их с энтузиазмом хлопать в ладоши.

– О, мисс Берк! – Светясь от восторга, леди подошла к сцене, на которой стояла ее подопечная. – Это так поучительно, так волнующе! Ей-богу, мне почти захотелось поискать себе другого мужа. – Она вздохнула и продолжила, пока мисс Берк занимала свое место в первом ряду между сияющими родителями. – Я рассчитывала, что будет еще одно выступление – мисс Шарлотты Уилмонт, но, к сожалению, леди Берк сообщила мне, что мисс Уилмонт не сможет прибыть, и, таким образом, она проиграла мне пари.

– О, ничего подобного, леди Ратледж! Я здесь, – отозвалась Шарлотта из глубины зала.

Все взгляды обратились к ней, так как почти все слышали о споре и пришли на вечер исключительно, чтобы увидеть, удастся ли мисс Уилмонт взять верх над высокомерной старой матроной.

– О, вот как, значит, вы здесь! – не проявив особой радо-

сти, воскликнула хозяйка вечера.

– Боюсь, я была бы ужасно невежливой, если бы не смогла появиться вовремя, – обращаясь к гостям леди Ратледж, громко сказала Шарлотта, вместе с недовольным герром Тромлером пробившись сквозь толпу собравшихся гостей.

Откликом на ее заявление был веселый, доброжелательный смех, поднявший ей настроение.

– Да, но вам следует выступить, – напомнила ей мисс Берк. – Вы должны продемонстрировать свой талант.

– Мисс Берк, вам изменяет память, – засмеялась Шарлотта. – Я не обладаю талантами и прекрасно отдаю себе отчет в том, что мне излишне заставлять кого-либо вне церковных стен слушать мое пение. – Она поднялась на небольшую сцену, установленную в передней части зала, и замерла.

Что сделали две недели! До того как она высказала свое желание, Шарлотте никогда не пришло бы в голову подняться на сцену перед всеми этими людьми, а сейчас...

Теперь все, что ей нужно было, – это увидеть свет любви в глазах Себастьяна, вспомнить огонь его поцелуя, и тогда она сможет выдержать даже представление ко двору.

– Надеюсь, я смогу компенсировать редкое отсутствие у меня талантов и мое запоздалое появление тем, что представлю вам герра Тромлера. – Шарлотта жестом подозвала его к себе. – Я только прошу вас потерпеть несколько минут, потому что, думаю, потом вы почувствуете, что это окупилось сторицей.

Мужчина со встрепанной шевелюрой, которая, очевидно, не поддавалась никакому гребню, одетый во взятый на время сюртук, шаркая, вышел вперед и, поднявшись на сцену, окинул взглядом слушателей.

Шепот разочарования пролетел по комнате, и многие из сидевших в переднем ряду отодвинули назад свои стулья.

– Герр Тромлер, сыграйте что-нибудь о любви, – шепнула ему Шарлотта, с сияющей улыбкой глядя на него.

– Для вас, мисс Уилмонт, я исполню все что угодно, даже нечто такое замысловатое, как любовь. – Его суровое выражение смягчилось, и ястребиный взгляд потеплел.

Шарлотта спустилась со сцены, а Тромлер, прижав подбородком скрипку, закрыл глаза, и все затаили дыхание.

Едва он коснулся струн смычком, комнату наполнили чарующие звуки, а вслед за ними последовали вздохи восхищения, вырывавшиеся из сердец пресыщенного высшего света, таявших от нежной и сладострастной музыки, которую Тромлер извлекал из своей скрипки.

Подойдя к Себастьяну, находившемуся в состоянии благоговения, как и остальные гости леди Ратледж, Шарлотта осторожно просунула свою руку в его, и Себастьян, ощутив теплоту их сплетенных пальцев, взглянул на Шарлотту, словно очнувшись от сна, а потом, не говоря ни слова, стремительно увел ее из гостиной в соседнюю комнату и там жарко поцеловал.

Он целовал Шарлотту, пока у нее не вырвался тихий стон

желания, пока ноги не отказались держать ее.

– Если мы будем продолжать, то к утру я погибну, – прошептала она Себастьяну, когда в гостиной грянул гром аплодисментов.

– Завтра мы обвенчаемся, так что это не будет иметь значения, – рассудительно заявил он Шарлотте.

Глава 18

29 мая 1810 года

Четверг, великолепный для свадьбы и нескольких неожиданных

Если на вечере у леди Ратледж Себастьян пообещал Шарлотте, что они обвенчаются на следующий день, то их счастливые, но потрясенные матери настаивали на том, что для приличия следует немного подождать – скажем, месяца три.

Себастьян, почти с таким же нетерпением стремившийся к свадьбе, как и его невеста, уступил и согласился на пять дней, но только после долгих возражений.

Итак, после получения ими особого разрешения все великосветское общество только и говорило о таком неожиданном повороте событий, и женитьба лорда Трента на мисс Шарлотте Уилмонт стала гвоздем сезона, а дом Марлоу наполнился гостями – зваными и незваными.

Леди Марлоу нисколько не возражала против такого скопления народа и любила говорить (любому, кто ее слушал):

– Я так счастлива, что Себастьян наконец-то серьезно отнесся к женитьбе и выбрал в невесты такую очаровательную девушку.

«Очаровательная» было одним из тех слов, которые дошли до Себастьяна, стоявшего внизу у лестницы и ожидавшего, когда спустится Шарлотта. Когда же она появилась в

платье греческого фасона с низким вырезом, у него от изумления открылся рот, а все остальные мужчины в комнате позавидовали Тренту в его чертовском везении.

При виде Шарлотты герр Тромлер заиграл светлую, романтическую музыку, сделавшую еще более чарующей эту свадьбу. В доме не осталось человека, у кого были бы сухие глаза, когда Шарлотта нежно положила руку на локоть лорда Трента и они вместе пошли по проходу к священнику.

– Почему мы начинаем с таким опозданием? – быстро спросила у него Шарлотта.

– Рокхест, – шепотом ответил ей Себастьян, виновато улыбаясь стоявшим по обе стороны от них сияющим гостям.

Шарлотта подняла глаза на самого дорогого ей человека и нахмурилась.

– На твоём месте я бы его простил, – прошептал ей Себастьян с кривой улыбкой на губах.

– С какой стати? Мы и так добрых три часа будем вынуждены выслушивать здесь тосты и прочую чепуху, а он еще добавляет ко всему этому целый час!

Шарлотта пробормотала еще что-то, прозвучавшее как ругательство, и Себастьян был вынужден прикрыть рот, чтобы не рассмеяться вслух. Да, жизнь с Лотти никогда не станет скучной.

Когда молодые люди подошли к священнику, тот, выразительно подняв бровь, укоризненно посмотрел на них. Добрый человек не приветствовал идею поспешных браков, и у

него были подозрения в отношении этой пары, получившей особое разрешение, но что он мог сделать, если архиепископ дал свое согласие?

– Дорогие влюбленные... – начал священник.

– Граф опоздал, потому что принес хорошие новости, – наклонившись к Шарлотте, шепнул ей Себастьян.

– Не вижу ничего хорошего в том, чтобы явиться с опозданием...

– «Агата Скай» сегодня утром пришла в порт. Шарлотта прервала свою тираду, но если Себастьян ожидал, что она будет удивлена так же, как он сам, то он ошибся.

– Очень вовремя, – буркнула невеста.

– Мы богаты, Шарлотта, – прошептал он. – Ты спасла от гибели меня и мою семью. Не знаю, смогу ли я когда-нибудь тебя отблагодарить.

– Что ж, – Шарлотта склонила к Себастьяну голову и лукаво искоса взглянула на него, – если бы Рокхест не опоздал, мы были бы гораздо ближе к тому, чтобы ты начал это делать.

– Кхе, – кашлянул священник.

Себастьян и Шарлотта одновременно кивнули, чтобы священник переходил к клятвам.

– Для чего понадобилось столько времени? – шепотом спросила Шарлотта у жениха.

– Не имею ни малейшего представления, – ответил он.

– Итак, – нараспев заговорил священник, – этим кольцом...

Себастьян мгновенно надел на палец Шарлотты новое кольцо. Оно содержало не желания, а обещания будущего, наполненного страстью и, что еще важнее, любовью.

– Иди к ней, пожелай ей долгих лет счастливой жизни и забери мое кольцо, – говорил Милтон, пока провозглашали очередной тост за счастье молодоженов.

– Да, Милтон, – отозвалась Куинс, – я знаю, что делать.

– Ха, – хмыкнул Милтон, – если бы это было так...

Не обращая на него внимания, Куинс двинулась сквозь толпу, не сводя глаз со счастливой новобрачной.

– Шарлотта, моя дорогая девочка, вот и вы! И такая прелестная! – Потянувшись, Куинс взяла Шарлотту за руки. – Я так рада за вас.

– О, Куинс! – Шарлотта крепко обняла женщину. – Как мне вас отблагодарить?

– Не думайте об этом. У меня душа радуется, когда я вижу вас такой счастливой. – Куинс улыбнулась и неожиданно почувствовала странный толчок в спину между лопатками. «Да, да, я со всем справлюсь». – Но раз уж вы упомянули об этом, то окажите мне небольшую любезность. – Она оглянулась через плечо туда, где в углу неловко съежился Милтон. – Верните мне кольцо. – Она сделала паузу, а потом, наклонившись вперед, добавила: – Если оно когда-нибудь попадет в дурные руки...

– О конечно! – воскликнула Шарлотта. – Вы совершенно правы. Я совсем не подумала об этом. – Она отдала Куинс

букет фиалок, который был у нее, и взглянула на свою руку. – О Боже! Господи, его нет! Перед церемонией оно еще было у меня, а теперь пропало.

– Не важно, дорогая. – Куинс не знала, обрадоваться ей или прийти в отчаяние. – Веселитесь на своей свадьбе. И будьте счастливы всю жизнь, ведь ваше желание исполнилось.

– Но кольцо...

– Не переживайте из-за этого, – успокоила Шарлотту Куинс. – Я его найду.

«И лучше поспешить, пока этого не сделал кто-нибудь другой», – подумала Куинс, возвращаясь обратно к Милтону.

Он встретил ее вытянутой рукой и всего тремя отрывисто произнесенными словами:

– Дай его мне. – А потом добавил еще два: – Быстро, Куинс.

– Не могу, – ответила Куинс, прислонившись к стене рядом с ним.

– Это почему?

– Его нет.

– Как так?! – взорвался Милтон. – Оно было у нее на руке, когда началась церемония.

– Да, но теперь его нет. Оно, должно быть, соскользнуло у нее с пальца в последний час.

– Тогда иди и найди его, – приказал Милтон. Теперь при-

шла очередь Куинс возмутиться.

– Если оно тебе так нужно, иди ищи его сам. – Она махнула рукой в сторону наполненной людьми комнаты.

Зная отвращение Милтона к смертным, Куинс просто остолбенела, когда он, глубоко вздохнув, углубился в толпу, чтобы начать поиски, и тихо выругалась, поняв, что на этот раз он и вправду хочет вернуть себе кольцо. Но пока она была еще не совсем готова позволить ему найти кольцо, поэтому решила присоединиться к Милтону.

– Нашла? – спросил он, когда они столкнулись возле стола с пуншем. Милтон на четвереньках осматривал пол, стараясь, чтобы его никто не увидел и не наступил на него.

– Нет, – ответила Куинс. – А ты?

– Разве я оставался бы здесь, если бы нашел?

К изумлению Куинс, оказавшаяся поблизости Виола Марлоу обернулась и с недоумением посмотрела на них.

– Простите, сэръ, вы что-то потеряли? – обратилась она прямо к Милтону.

Она его видит?

Куинс в растерянности уставилась на девушку.

– Да, – ответил он, – но я уже нашел то, что искал. – Он поднял чехол для часов, и этого было достаточно, чтобы удовлетворить младшую Марлоу, которая улыбнулась и исчезла в толпе гостей.

– Она тебя видит, – сказала Куинс, все еще не придя в себя.

– Да. А ты представляешь себе, что может случиться, если именно она нашла мое кольцо?

Куинс вздрогнула и продолжила поиски, теперь несколько более прилежно.

– Если бы ты не был таким упрямым и не старался бы обязательно вернуть его...

Милтон замер, когда в комнате возникло какое-то оживление, а Куинс, тоже услышав его, поднялась на ноги.

– Господи, кто-то его нашел, – прошептала она и с беспокойством окинула взглядом гостей, чтобы определить, у кого оно, но в комнате было слишком много народу, и невозможно было понять, кому оно досталось.

– Возьми себя в руки, – сказал Милтон, встав на ноги, хотя сам был далеко не спокоен. – Еще не все потеряно, пока они не...

Но это произошло.

– О, если бы только, – раздался тихий шепот.

– Нет! – едва не задохнулся Милтон. – Не нужно все снова. «О, как бы мне хотелось...»

Было высказано новое желание, и комната вокруг них загудела и завертелась.

– Куинс! – в гневе вскричал Милтон. – Это все твои проделки!

Но когда он оглянулся, чтобы ее найти, Куинс уже не было. Она ушла, призванная кольцом осуществить то, что оно обещало.

– Это последний раз, Куинс, – прошептал он в пустоту, – самый последний.

Милтон мог поклясться, что перед тем как скрыться в темноте, он услышал ее тихий, довольный смех, дразнивший его так же, как в их первую брачную ночь.

Было около десяти часов, когда Себастьян и Шарлотта покидали дом Марлоу, чтобы провести вдвоем медовый месяц. Вероятно, они не уедут дальше пригородной гостиницы, но для Шарлотты это не имело значения. Склонившись к Себастьяну, она положила голову ему на плечо. Теперь и всегда она и Себастьян будут вместе, и Шарлотта даже мечтать не могла о лучшем будущем.

Рокхест одолжил им свою двуколку, и Себастьян, улыбаясь, сидел рядом с женой явно в приподнятом настроении – ему предстояло управлять таким неустойчивым экипажем!

– Я уж думала, мы никогда отсюда не выберемся, – сказала Шарлотта, когда они выехали с Беркли-сквер.

– Если бы ты не пригласила половину Лондона, мы, пожалуй, могли бы уехать еще несколько часов назад, – заметил он, окинув Шарлотту удивленным взглядом.

– Я не приглашала всех этих людей, большинство из них я даже не знаю, – парировала она.

– О, но они, по-видимому, знают тебя, мой идеал, – пошутил он. – Ты слышала, как леди Ратледж объявила твоей маме, что предоставляет нам свое покровительство?

– Да, – засмеялась Шарлотта, – но я нисколько не возра-

жаю. – Она приняла участие в судьбе герра Тромлера и хочет, чтобы весь мир услышал его игру. Она очень настойчивая.

– Кстати, о настойчивости, – усмехнулся Себастьян. – О чем ты думала, представляя Финеллу лорду Боксли? Он же лет на двадцать моложе ее?

Шарлотта улыбнулась самой себе. Финелла, ее настоящая дорогая мать, в любом случае заслужила получить шанс на счастье – тот шанс, который она упустила много лет назад. Теперь, когда правда открылась, резкие морщины Финеллы разгладились, и мать, и дочь, освободившись от договоренности, которая удерживала их обеих порознь все эти годы, стали на самом деле родными.

– Она не настолько старше его, а кроме того, тебе не кажется, что они выглядят влюбленными?

– Несомненно, – согласился он, но все же покачал головой, стараясь представить себе такую неправдоподобную пару. – А леди Уилмонт? Ты и ее тоже старалась сосватать, когда усаживала рядом с лордом Пилсли?

– Ну конечно, – ответила Шарлотта без всякого стеснения. – Ты видел, как она улыбалась и заигрывала с ним? Очевидно, в прошлом они питали друг к другу нежные чувства, и теперь, когда он овдовел...

– Ты собираешься сделать карьеру на своей склонности к сводничеству?

– Не забывай, у тебя три незамужние сестры и нежена-

тый брат. – Откинув голову, Шарлотта обольстительно улыбнулась ему. – Или тебе больше нравится идея поселить всю свою семью у нас в доме?

– Чем я могу помочь? – без промедления спросил Себастьян. Они оба рассмеялись и погрузились в дружеское молчание.

Шарлотте хотелось, чтобы они были уже далеко от Лондона в гостинице, где Себастьян снял комнаты на ночь – на их первую брачную ночь. Нетерпеливо вздохнув, она мечтала еще на протяжении десяти миль – пока они не свернули на Грейт-Расселл-стрит и впереди не показалось огромное здание.

– Себастьян? – выпрямившись, окликнула его Шарлотта.

– Да, леди Трент?

Шарлотта улыбнулась; теперь у нее наконец было имя, которое она могла назвать собственным.

– У тебя есть тридцать фунтов?

– Ты замужем всего несколько часов и уже требуешь у меня денег? – Он тихо шутливо присвистнул.

– Есть или нет? – нетерпеливо спросила Шарлотта, когда они приблизились к величественному зданию слева от них.

– Есть. Но зачем тебе тридцать фунтов?

Не отвечая, Шарлотта нагнулась и, пошарив под сиденьем двуколки, улыбнулась. Да, он был на месте, запас бутылок, которые держал там Рокхест.

– Доставай. – Она указала на ящик.

– Зачем?

– Затем, что я хочу пойти посмотреть статуи Таунли, – объяснила Шарлотта, кивнув на Британский музей, мимо которого они проезжали.

– Шарлотта, сейчас поздний вечер, музей закрыт, но даже если бы он был открыт, у нас нет билетов.

– У нас есть все, что нужно, – возразила она, доставая одну из бутылок французского вина, принадлежавших Рокхесту. – И еще я хочу, чтобы сегодня вечером ты меня нарисовал.

– Нарисовал тебя? – Себастьян с удивлением посмотрел на нее. – Откуда ты знаешь, что я...

– Ну пожалуйста, Себастьян, – усмехнувшись, попросила Шарлотта.

– Я правильно тебя понял: ты хочешь войти в Британский музей вечером, воспользовавшись способом, который, должен заметить, крайне безнравствен, если не сказать – просто незаконен, а потом заставить меня рисовать тебя? – уточнил Себастьян, остановив экипаж.

– Обнаженной, – кивнула она. – Вернее, сделать набросок.

– Несомненно, ты сошла с ума, – покачал головой Себастьян.

– Но ты же меня любишь, – прошептала Шарлотта.

– Люблю. – Заключив Шарлотту в объятия, Себастьян горячо и самозабвенно поцеловал ее.

А потом она заметила, как он мельком взглянул на музей и в его глазах вспыхнул безрассудный, опасный блеск,

и прежде чем Шарлотта успела снова попросить его, Себастьян ответил ей еще одним поцелуем, на этот раз более вольным, чем прежде, и, скользнув руками по ее телу, привлек к себе.

Шарлотта удовлетворенно вздохнула.

Ее желание исполнилось: отныне и навсегда она была женщиной, которую Себастьян любит. А когда его руки дерзко и бесцеремонно пробрались ей под платье, она поняла и кое-что еще.

Исполнилось не только ее желание, она получила и еще многое другое...